

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцією Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ IV

ГОДЪ ДѢСЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. И. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1900

Печатано по распоряжению Совета Императорского Русского Географического Общества

Оглавление.

Отдѣлъ I.

Стран.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Труба въ народныхъ вѣрованіяхъ. Статья вторая и послѣдняя. <i>В. А. Мошкова</i> . Карта и рисунки.	451—524
2. Хунъ-ну и Гуны. (Библиографический обзоръ теорій о происхождении народа Хунъ-ну китайскихъ лѣтописей, о происхождении европейскихъ Гунновъ и о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ народовъ). Статья вторая и послѣдняя <i>К. А. Иностранцева</i>	525—564

Отдѣлъ II.

Памятники языка, народной словесности, живой старины.

2. Распределеніе жителей Солунскаго Вилаета по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ въ 1899 году. Окончаніе. <i>А. Ростковскаго</i>	565—583

Отдѣлъ III.

Критика и библиографія.

1. Путешествіе антіохійскаго патр. Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка. <i>А. И. Яцимирскаго</i>	583—589
2. Д-ръ И. Поливка. Магьосники и неговианки ученикъ. Сравнительна фольклорна студія. <i>Ю. Яворскаго</i>	589—591
3. Allgemeine Methodik der Volkskunde. Berichte über Erscheinungen in den Jahren 1890—1897. <i>Ю. Яворскаго</i>	591—592

СТРАН.

4. Карадић. Лист за српски народни живот обичаје и предање. *Ю. Яворскало* 592—598

Отдѣлъ IV.

1. Вопросы и отвѣты 594—595

Отдѣлъ IV.

С и т с ь.

1. Иль галицко-русскихъ народныхъ повѣрій. *Ю. Яворскало* . 596—595
2. Примѣты и рассказы. Сообщ. *В. Чернышева*. 595—598
3. Л. Н. Майковъ † апр. 1900. *В. Ламанского*. 600—601
Опечатки въ статьяхъ Е. А. Иностраницева о Гуннахъ
и В. А. Мошкова о Трубѣ въ народн. вѣров.
-

Оглавление 40 выпускъ «Живой Старины» за десять лѣтъ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Выпускъ I.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

- Предложение нѣсколькихъ членовъ въ Отдѣлѣніи этнографіи И. Р. Г. О. обѣ изданий журнала «Живая Старина».
- Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина».
- Объясненіе о подпискѣ на журналъ «Живая Старина».
- Отъ Редактора.
- Программа И. Р. Г. О. для собирания свѣдѣній по этнографіи.
- Памятъ Проф. И. П. Минаева (1840—1890). Лекція въ И. Спб. Университетѣ Доц. С. Ф. Ольденбурга

О т дѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

- Пѣсни о князѣ Михаилѣ И. Н. Ждановѣ
- Полувѣрцы Псково-Печерскаго края. Ю. Труслана
- Три года въ Якутской области (этнограф. очерки). В. Л. Приклонскаго
- Путевые письма и замѣтки И. И. Срезневскаго о Сербо-Лужичанахъ
- Старое и новое. Н. Савченко

Стр.	Стр.	Стр.
III	6. Повѣрья крестьянъ Тамбовской губ. (очеркъ). Б. Бондаренка	151
V	7. Замѣтки о литовской свадьбѣ. Я. Рисова	122
IX	8. Къ видѣнію Амфилоха. А. Н. Веселовскаго	124
XI	9. Груша и Дуны. А. И. Соболевская	126
XLVII	10. Декамеронъ Х. З. А. Н. Веселовскаго	128
LIII	11. Къ истории народныхъ праздниковъ въ Великой Руси	130

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Три былины изъ стариннаго рукописнаго сборника. Л. Н. Майкова	1
2. Пѣсни крестьянъ села Моловода, Гродненской губ., Кобриинской уѣзда. Г-жи Саковичъ	5
3. Катрушинскій лемезенъ (условный языкъ шерстобитовъ М. Дрибина). Е. Романова	9
4. Лопарскія сказки, легенды и сказания, записанные въ Пазрѣцкомъ югостѣ, пограничномъ съ Норвегіей. Священ. Щеколдина	17
5. Якутскія загадки. (Прилож. къ этнограф. очерку «Три года въ Якутской области»).	26
6. Якутская пѣсня о водѣ	30
7. О народныхъ забавахъ въ Москвѣ, въ другихъ городахъ и мѣстахъ въ Духовъ день	34

Стр.	Стр.
------	------

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиография.

1. Пешель, О. Народовѣдніе.—2. Пыпинъ, А. Исторія русской этнографіи.—3. O Schrader. Sprachvergleichnug und Urgeschichte.—4. P. v. Braadke Ueber Mothode und Ergebnisse der arischen Alterthumswissenschaft.—5. Веске, М. П. Славяно-финская культурные отношения по даннымъ языка.—6. Труды 7-го Археологического съезда въ Ярославль 1887 г.—7. Этнографическое обозрѣніе.—8. Смирновъ. Водяки. Историко-этнографический очеркъ.—9. Историческая записка о дѣятельности И. М. Арх. Общ. за первыя 25 л.—10. Латкинъ. Красноярский округъ Енис. губ., очеркъ.—11. Майковъ. Материалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ.—12. Чтеніе въ историческомъ Общ. Нестора Лѣтописца.—13. Материалы для изученія быта и языка русского населения сѣверо-западнаго края.—14. А. Сапуновъ. Двинскіе или Борисовы камни.—15. В. Науменко. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи.—16. Ждановъ. Пѣсни о князѣ Романѣ.—17. Луньякъ, И. И. О происхождении имѣнь Чехъ, Лехъ, Русь и Славине.—18. Goresciv. Makedonien und Alt-Serbien.—19. Viestnik Hrvatsko-Arkeologickoga Družtva.—20. Свадебные обычаи у Бѣлыхъ Краинцевъ.—21. Словаки въ Бачской и Сѣрѣмской столицахъ.—22. Wista T. IV.—23. Обзоръ трудовъ по Литовской этнографіи (1879—1890). Чл. С. Э. А. Волтера	1—42
---	------

О т д ѣ л ь VI.

Смѣсь.

1. Дѣтскія игры. К. М. Петрова и Т. Е. Рѣпникова.—2. Tauken. — Корча, или Вихорь. Н. Кузнецова. — 3. Ловля снятка тагасомъ въ Бѣломъ озерѣ. Я. Лейцинера. — 4. Описаніе игры Литов-	139
---	-----

скихъ настукахъ подъ названіемъ «Калуте». Армінайтиса. — Литовскія повѣрья: М. Гильса.—6. Некрологи М. П. Веске. — 7. О. Колбергъ. — 8. Д-ръ Шумль. — 9. С. П. Михуцкій.	1—24
--	------

Выпускъ II.

1. Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ изъявившихъ желаніе подпісаться на журналъ «Живая Старина».	I—IV
---	------

О т д ѣ л ь I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Пѣсня о князѣ Михаилѣ. И. Н. Жданова	1
2. Три года въ Якутской области (этнографич. очерки) В. Л. Приклонскаго	24
3. Сербо-Лужицкій народный календарь. (Изъ бумагъ И. И. Срезневскаго)	55
4. Сербо-Лужицкій народный повѣрья. (Изъ бумагъ И. И. Срезневскаго)	57
5. Умиренье крови въ Гробѣ, въ южно-Адриатическомъ Приморѣ 27-го августа 1890 г. (Наблюденія и разсужденія очевидца). И. А. Россинскаго	63
6. Мариупольскіе Греки. Ф. А. Брауна	78
7. Замѣтки о собственныхъ имѣнахъ въ Велико-русскихъ былинкахъ. А. И. Соболевскаго	93
8. Письма И. И. Прейса къ М. С. Куторгѣ, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарiku, Куршту и др. (1836—1846). Съ предисловіемъ В. И. Ламанскаго.	108
9. Отчего канунъ Иванова дня (23 июня) назыв. купальницею и считается днемъ урочнымъ? М. И. Соколова.	137
10. Огонь на свадѣбѣ.	138

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

✓ 1. Великорусскія народныя легенды. Сообщ. Ив. Мамакинъ.

	Стр.
2. Пѣсни крестьянъ села Моло- дова, Гродненск. губ., Кобринскаго уѣзда. Сообщ. Г-жею М. А. Сакевичу	141
3. Болгарскія народныя пѣсни. (Изъ Прилѣпа)	147
4. Болгарскія народныя сказки. (Изъ Прилѣпа)	154
5. Лопарскія сказки, легенды и сказанія, записанныя въ Паз- рѣцкомъ пограничномъ съ Норвегіей. Св. Щеколдина	158
6. Якутскія народныя повѣрья и сказки. Сообщ. В. Л. При- клонскаго	169

О т дѣлъ III.

Критика и библиографія.

1. Обзоръ трудовъ по Литовской этнографіи (1879—1889). Чл. сотр. Э. А. Вольтера.—2. Этно- графическое обозрѣніе. Н. В. —3. А. Павловъ. Неизданный памятникъ русскаго церковна- го права XII вѣка. Н. Волко- ва.—4. Максимовъ, С. В. Кры- латыя слова. Не спроста, не снуга слово молвится и до вѣку не сломится. А. С.—скаго. —5. Miklosich, Franz. Die Dar- stellung in slavischen Volk- seplos. А. С.—скаго.—6. «Мелозина» (Melusine), періо- дическій сборникъ мифологіи, народной литературы, преда- ній и обычаевъ Ф. Б.—7. Bi- bliografia litowska od roku 1547 do 1701 г. przedstawił Mauryku Stankiewicz (Литовская библио- графія съ 1547 по 1701 г., представиль Маврикій Стан- кевичъ). Б.—са. 8. Darmes- stetter. James. Chants populaires des Afghans, recueillis par C. O.—9. Geiger. W. Das Jatkari Zariran und sein Ver- haltniss zum Schach name. C. O.—10. Das Ausland Wochenschrif- t fur Erd- und Volkerkun- de. Д. К.—скаго. 11. Fr. Kra- uss, dr. Volksglaube und reli- giöser Brauch der Südslaven. А. Л.—12. Легенда о св. Алек- сѣ въ сирійской и славяно- русской редакціяхъ его житія. А. Пономарева.—13. Narodne pesni koroških Slovencev. Zbral in na svetlo dal I. Scheinig. C. K. Gymn. prof. v. Celovci. Ю. Поливки.—14. В. Тома- шекъ. Разборъ древнѣйшихъ извѣстій о скіескомъ сѣверѣ. А. К. Васильева.—15. Извѣ- стія Восточно-Сибирскаго От- дѣла И. Р. Г. О. подъ редак- цией правителя дѣлъ Ир. II— на. —16. Записки Восточно- Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О. Томъ второй, вып. 2 и 3 (подъ редакціей правителя дѣлъ) Ир. II—на. 17. Пыпинъ, А. И. Исторія Русской этно- графіи. Т. II. Общий обзоръ изученій народности и этно- графіи великорусской. В. Ламан- ская.	233
--	-----

О т дѣлъ IV.

1. Вопросы и отвѣты.	234
------------------------------	-----

О т дѣлъ V.

Смѣск.

1. Журналъ Засѣданія Отдѣле- нія Этнографіи 12-го октября 1890 г. Объявленія	1
--	---

Выпускъ III.

Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Жи- вая Старина»	1
--	---

О т дѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и
разсужденія.

1. Письма П. И. Прейса къ М. С. Куторгѣ, И. И. Срезнев- скому, П. О. Шафарiku, Кур- шату и др. (1836—1846) . .	3
2. Три года въ Якутской обла- сти. (Этнографические очерки) В. Л. Приклонскаго	48
3. Стародавняя жизнь Остяковъ и ихъ богатыри по былинамъ и сказаніямъ. С. К. Натка- нова.	85
4. Этимологический замѣтки. А. А. Потебни	117
5. Отрывки были изъ Сибирской лѣтописи. Л. Н. Майкова . .	129

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной
словесности.

1. Ермакъ взялъ Сибирь (пѣсня). .	133
2. Заговоры Донскихъ казаковъ. Сообщ. Л. Н. Майкова . .	135
3. Свадебный обрядъ въ Угорской Руси	137

4. Болгарскія народныя пѣсни. (Изъ Прайла).
5. Пересказы нѣкоторыхъ неизданныхъ Джатакъ Палійскаго канона. (Изъ бумагъ покойнаго И. П. Минаева).
6. Якутскія народныя сказки. Сообщ. В. Л. Приклонскій.

О т дѣлъ III.

Критика и библиографія.

1. Н. М. Лопатинъ и В. П. Прокунинъ. Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсень. С. Булича.—2. Шемякинъ судъ. С. Ольденбурга. З. Библиографический указатель изслѣдований и наблюдений по польской діалектологіи. И. Лося. —4. Narodne pripoviesti u Varaždina i okolici. Ю. Подивки.—5. Сумцовъ, Н. Ф. Культурныя переживанія. А. С-скаго.—6. Этнографическое обозрѣніе. И. В.—7. А. С. Лаппо-Данилевскій. Поверстная и указанная книга Ямскаго приказа. —8. Материалы для истории Воронежской и соѣдніхъ губерній. —9. Воронежскія писцо-выя книги. —10. Гласник земальскаго музея у Босни и Херцеговины и проч.

О т дѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Письмо изъ Кадникова (Вологодск. губ.) А. Иваницкаго.—2. О музѣ въ Тобольскѣ. Газенвицеля.—3. Изъ Подольской губ.—4. Изъ Тульской губ. свящ. П. Сахарова.—5. О псковскомъ говорѣ. И. Евсѣева.—6. Говоръ крестьянъ Моринчельскаго прихода, Великолуцкаго уѣзда, Псковской губерніи. М. Успенскаго.

О т дѣлъ V.

Смѣсь.

1. Урочныя посты. М. И. Соколова. 2. Русская гигиена XVI вѣка. М. И. Соколова.—3. Приемѣты по днямъ луны (Лунникъ). М. И. Соколова.—4. Народныя лѣтскія игры. И. Мамакина.—5. Слѣды древніхъ вѣрованій въ народномъ иконоччитаніи. А. Балова.—6. Праздникъ «Риней».—7. Способъ лѣченія отъ слазу. С. Брайловскаго.—8. Похоронный обрядъ у Латышей въ 40-хъ годахъ. И. Спрогиса.—9. Замѣтки о Русскихъ и Калмыкахъ. Соснина.—10. Извѣстія о Болгаріи 1835 г. (Изъ бумагъ П. И. Прейса).—11. Монгольскія легенды о монастырѣ Эрдени—Цзу. Г. Н. Потанина.—12. Пруссіе Нѣмцы и Суданскіе Габері «на дубахъ». В. И. Ламанскаго.—13. «Бѣлая Русь». В. И. Ламанскаго.—14. Францъ Миклошичъ. В. И. Ламанскаго.—15. Слово проф. И. В. Ятича о Миклошичѣ съ замѣчаніемъ проф. В. И. Ламанскаго.—16. Въ Нео-филологическомъ обществѣ.—17. Журналъ Засѣданія Отдѣленія Этнографіи 28 ноября 1890 г.—18. Журналъ Засѣданія Отдѣленія Этнографіи 21 декабря 1890 г.—19. Записки по Отдѣленію Этнографіи Имп. Русск. Геогр. Общества. —20. Содержаніе первыхъ трехъ выпусковъ «Живой Старины» 213—268

Стр.

157

161

165

180

193

Стр.

- собъ лѣченія отъ слазу. С. Брайловскаго.—8. Похоронный обрядъ у Латышей въ 40-хъ годахъ. И. Спрогиса.—9. Замѣтки о Русскихъ и Калмыкахъ. Соснина.—10. Извѣстія о Болгаріи 1835 г. (Изъ бумагъ П. И. Прейса).—11. Монгольскія легенды о монастырѣ Эрдени—Цзу. Г. Н. Потанина.—12. Пруссіе Нѣмцы и Суданскіе Габері «на дубахъ». В. И. Ламанскаго.—13. «Бѣлая Русь». В. И. Ламанскаго.—14. Францъ Миклошичъ. В. И. Ламанскаго.—15. Слово проф. И. В. Ятича о Миклошичѣ съ замѣчаніемъ проф. В. И. Ламанскаго.—16. Въ Нео-филологическомъ обществѣ.—17. Журналъ Засѣданія Отдѣленія Этнографіи 28 ноября 1890 г.—18. Журналъ Засѣданія Отдѣленія Этнографіи 21 декабря 1890 г.—19. Записки по Отдѣленію Этнографіи Имп. Русск. Геогр. Общества. —20. Содержаніе первыхъ трехъ выпусковъ «Живой Старины» 213—268

Выпуклъ II.

Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подпісаться на журналъ «Живая Старина».

О т дѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Письма П. И. Прейса къ М. С. Куторгѣ, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарiku, Куршту и др. (1846—1856). 3—42
2. Три года въ Якутской области. (Этнографические очерки) В. Л. Приклонскаго. 43—66
3. Стародавняя жизнь Остяковъ и ихъ богатыри по былинамъ и сказаніямъ. С. К. Патканова. 67—108
4. Мусульманство Рустема Доста-новича. В. А. Жуковскаго. 109—117

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Пересказы нѣкоторыхъ неизданныхъ Джатакъ Палійскаго канона. (Изъ бумагъ покойнаго И. П. Минаева) 118—121

- Стр.
- Угро-русские заговоры и заклинания начала XVIII в. Сообщ. А. Л. Петрова съ замѣчаніем О. А. Петрушевича 122—130
 - Свадебный обрядъ въ Угровской Руси. (Окончаніе). 131—138
 - Якутскія народныя сказки. Сообщ. В. Л. Приклонскимъ 139—148
 - Лиса и волкъ въ западнѣ (изъ армянской книжной сказочной литературы). Н. Н. Марра. 149—155
 - Осторыки изъ Киргизского сказания о Идыгѣ, изъ записокъ Ч. Валиханова, сообщ. Г. Н. Потанина 156—163

О т дѣлъ III.

Критика и библиографія.

- Отъ редактора (съ пѣськовыми письмами П. О. Шафарика И. И. Срезневскому) 164—174
- Рецензія И. И. Срезневскаго на книгу Шафарика *Slovanský Národopis* 174—187
- Шашкаревъ. Сборникъ отъ болгарския народни умотворенія. Части прва К. Я. Г. 187—191
- Zibril, C. Dr. Listy z českých dějin kulturnich. Прага 1891. Іос. Каракса 191—195
- Комаровъ. Новая збирка малорусскихъ прыказокъ. Одесса. 1890 г. Арк. Л-нка. 195—196
- Замѣтки В. И. Григоровича о нарѣчіяхъ и говорахъ болгарскихъ 196—197
- Vrćević Narodne pripovjesti iz života po Boki Kotorskoj. Hercegovini i Crnoj Gori. А. Л. 198

О т дѣлъ IV.

Смѣсь.

- Праздники Рязанск. губ., Данковск. уѣзда. О. П. Семеновой 199—202
- Ладвинскій или Масовскій языкъ 202—203
- Крестьянскія игры въ Минской губ. М. Довнара-Запольскаго 203—208
- Сонъ и сновидѣнія въ народныхъ вѣрованіяхъ. А. Балюва 208—213
- Народная дѣтская игра въ сѣно. Ив. Мамакина 214
- Игры и пѣсенки деревенскихъ ребята Лайшевскаго уѣзда, Казанской губ. И. Несчая 214—226
- Минусинскій Публичный Мѣстный Музей. Н. В. 226—227
- Филологическая замѣтка. Я. Грома 228—229
- Изъ вновь открытаго древне-

- Стр.
- русскаго поученія до-монгольской эпохи. Сообщ. А. И. Соболевской 229
 - И. Коперницкій. Некрологъ. 229—230
Объявленія.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Выпускъ I.

О т дѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

- Очеркъ Русской діалектологіи. И. А. Южно-велико-русскіе говоры, проф. А. И. Соболевской 1—24
- Балтійскіе Готы и Гута-Сага. Ст. перв. С. Н. Сыромятниковъ 25—40
- Сага-Гутовъ. Переводъ С. Н. Сыромятникова 41—48
- Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842 г.). Съ предисловіемъ редактора и примѣчаніями Вс. И. Срезневской 49—77

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

- Маюоруссіе разсказы и повѣрья (Екатеринославской губ.). Зап. Ив. Манжурою. 78—80
- Болгарскія народныя сказки (изъ Прилѣпа). 81—88
- Болгарскія народныя пѣсни (изъ Прилѣпа). 83—84

О т дѣлъ III.

Критика и библиографія.

- Zbiór wiadomości do antropologii Krajowej. Ир. Полов-на. 89—98
- Обзоръ трудовъ по чешской этнографіи за послѣднее десятилѣтие (1880—90). Ю. И. Плиски 99—104
- Dr. W. Iunker. Reisen in Afrika. Проф. Э. Н. Петри. 105—107
- Ядринцевъ, Н. М. Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе. Н. В—аю.
- А. Н. Лисовскій. Опытъ изученія малорусскихъ думъ. Арк. Л-нко. 109
- Ceský lid. I. А. Липовская. 110

Стр.	Стр.
О т д ѣ л ь IV.	
Смѣсь.	
1. Отчеты канд. С.-Петербургскаго унив. <i>и. Катанова</i> , от- правленного для этнографиче- скаго изслѣдования тюрскихъ племенъ въ Восточную Сибирь, Монголию и Сѣв. Китай.	111—122
2. Бурятская легенда объ озерьѣ Балъдзи. <i>Г. Н. Потанина</i>	122—126
3. Некрологъ А. А. Потебни. <i>В. И. Ламанскаю</i>	126—136
4. Памятія А. А. Потебни. <i>Б. М. Ляпунова</i>	136—149
5. Памятія А. А. Потебни. <i>М. Халанскаю</i>	150
6. Замѣтка (изъ Ярославскихъ губ. Вѣд. № 6.). <i>Е. И. Якуши- кина</i>	151
7. Записки И. Р. Г. О. по отде- ленію этнографіи.	151—152
<i>Выпускъ II.</i>	
О т д ѣ л ь I.	
Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.	
1. Очеркъ русской діалектологіи. І. Б. Сѣверо - велико - рус- ское, или окающее поднарѣчіе. Проф. <i>А. И. Соболевскаго</i>	1—26
2. Путевые письма И. И. Срез- невскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839— 42 г.), съ примѣчаніями <i>Вс. И. Срезневскаго</i>	27—70
3. Троичина (бытовой очеркъ). <i>С. Шустикова</i>	71—91
О т д ѣ л ь II.	
Памятники языка и народ- ной словесности.	
1. Осташская былина про богаты- рь города Эмдера. <i>С. К. Патканова</i>	92—97
2. Мордовская свадьба. <i>Е. М. Евсѣева</i>	98—117
О т д ѣ л ь III.	
Критика и библіографія.	
1. О типѣ Ильи Муромца. <i>А. Соболевскаго</i>	118—122
2. Словарь русскаго языка. <i>А. С—каю</i>	122—125
3. Памятная книжка. <i>А. С—каю</i>	125
4. Харьковскій сборникъ. <i>А. С—каю</i>	126
5. Календарь Вятской губ. на 1892 г. <i>А. С—каю</i>	—
6. Zbiór wiadomości do antropo- logii Krajowej m. XIII. <i>Ир. П.</i> 127—137	—
7. Listy z českých dějin kulturnich. <i>Е. Пльухова</i>	137—139
8. Изъ старыхъ книгъ. <i>В. Каллаша</i>	139—142
9. Библіографические втюды по литературѣ сказочныхъ схемъ и мотивовъ. <i>І. Ленора</i> (же- нихъ или братъ мертвѣцъ). <i>ІІ.</i> Шемякинъ судь. <i>В. Каллаша</i>	142—145
10. Обзоръ трудовъ по чешской этнографіи за послѣднее деся- тилѣтіе (1880—90 г.). <i>Ю. Поп- лиски</i>	146—152
О т д ѣ л ь IV.	
Вопросы и отвѣты. <i>А. Соболев- скаго</i>	
153	
О т д ѣ л ь V.	
Смѣсь.	
1. Расколъ въ Каргопольскомъ край. <i>А. А. Дукачева-Баска- кова</i>	154—162
2. Игра со ѿюномъ.	162—167
3. О. О. (Некрологъ). <i>Ф. И. Пер- воѣфъ</i>	168
<i>Выпускъ III.</i>	
О т д ѣ л ь I.	
Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.	
1. Очерки русской діалектологіи. <i>П. Бѣлорусское нарѣчіе. А. И. Соболевскаго</i>	3—30
2. О побратимствѣ и посестрим- ствѣ. Очеркъ изъ обычного нра- ва Болгаръ. <i>С. Бобчева</i>	31—43
3. Путевые письма И. И. Срез- невскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839— 1842).	43—105
4. Троичина Кадниковскаго уѣз- да (бытовой очеркъ.) Оконча- ние. <i>А. Шустикова</i>	106—138
О т д ѣ л ь II.	
Памятники языка и народ- ной словесности.	
1. О причитаніяхъ и плачахъ за- писаныхъ въ Олонецкой и Архангельской губ. <i>Ф. Исто- жина</i>	139—145

	Стр.
2. Заговоръ отъ ружья (Тоб. губ.). Сообщ. <i>С. К. Патканоевъ</i> 146—147	
3. Купля, продажа скота; заговоръ отъ лихорадки, какъ окуриваютъ новотелыхъ коровъ. <i>Побасенка</i> (Нижегор. губ.). Сообщ. <i>Ив. Мамакинъ</i> 148—149	
4. Заговоръ отъ присухи (Шермск. губ.). Сообщ. <i>И. А. Шимковъ</i> 149—151	
5. Проводки и проводочные пѣсни въ Ростовскомъ уѣздѣ. <i>Н. Б.</i> 151—156	
6. О говорѣ жителей Каргопольскаго края. <i>Як. Семилова</i> 156—164	

О т дѣлъ III.

Смѣсь.

1. Игра въ тура. <i>В. Мошкова</i> 164—171	
--	--

Выпускъ II.

О т дѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очерки Русской діалектологіи. <i>Ш. Малорусское нарѣчіе. Д. Чл. А. И. Соболевскаю</i> 1—61	
2. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842) 62—96	

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

О влияніи корельскаго языка на русскій въ предѣлахъ Олонецкой губерніи. <i>Н. Льскова</i> 97—103	
--	--

О т дѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Кавказскій обычай, какъ источникъ изученія первобытнаго права: замѣтки по поводу сочиненія Проф. М. М. Ковалевскаго «Законъ и обычай на Кавказѣ». Москва 1890, т. I и II 104—120	
2. Семья по воззрѣніямъ русскаго народа, выраженнымъ въ пословицахъ и другихъ произведеніяхъ народно-поэтическаго творчества. Историко-литературный очеркъ А. Желобовскаго 16 ^о 63 стр. Воропежъ. 1892. (Отд. отд. изъ Фил. Зап.).	

	Стр.
3. Kobieta w piесni ludowej. Написала Kazimira Skrzynska 12 ^о , 100 стр. Warszawa. («Biblioteka Wisly, т. VIII»).	
4. Современный великорусъ въ его свадебныхъ обычаяхъ и семейной жизни. Л. Весна («Русская Мысль» . 1891. Сент. и Окт.). <i>Вл. Перстна</i> 120—124	

О т дѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

О т дѣлъ V.

Смѣсь.

1. Бытовыя черты Русинки Холмскаго края. <i>К. Яроцкайо</i> 125—134	
2. Отчетъ кандидата И. Слѣд. Университета г. Катанова, отправленного въ экспедицію для этнографическаго изслѣдованія тюркскихъ племенъ въ Восточную Сибирь, Монголію и Сѣв. Китай 134—137	
Объявленія объ изданіи «Жизнѣ Старинѣ» и др. журналахъ въ 1893 году.	
Оглавленіе 8 выпусксовъ «Жизнѣ Старинѣ» за первые два года.	

ГОДЪ ТРЕТИЙ.

Выпускъ I.

О т дѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Замѣтки о Бѣлорусскихъ говорахъ; И. Говорѣ Ново-Сверженской волости Минскаго уѣзда. <i>М. Довнара-Запольскайо</i> 3—19	
2. Путевыя письма. И. И. Срезневскаго 20—63	
3. О происхожденіи Корси (Куронъ) <i>Юрія Труслмана</i> 64—91	
4. Объ источникахъ сказки «О рыбакѣ и рыбкѣ» Пушкина. Св. П. Р—ва 91—95	

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности и живой старины.

Ритуалъ сибирской свадьбы. <i>И. О. Осипова</i> 96—114	
--	--

Стр.

Стр.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

- Къ вопросу о финскомъ вліяніи на великорусское племя. *А. Соболевская*. 115—122
- Piesni ludu, zebrał Zygmunt Gloger (w latach 1861—1891), muz. opracowała Zygmunt Noskowski. Kraków. *H. B. Перстніа*. 122—124
- Календарь Вятской губерніи на 1893 г. *А. И-скайо*. 124—125
- Brandstetter. R. Charakterisierung der Epik der Malaien. Luzern. *C. O.* 125
- Zemirich, Johannes. Toteniseln und verwandte geographische Mythen. *C. O.* 125—126
- Nöldeke Th. Das arabische Märchen von Doctor und Makrocob. *C. O.* 126—127

Отдѣлъ IV

Вопросы и отвѣты.

- Отвѣтъ на вопросъ, предложенный г. Соболевскимъ. *Ивана Мамакина*. 128

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

- Особенности языка олонецкихъ былинъ, сказанныхъ И. Т. Рябининымъ. *Н. Волкова*. 128—133
- Поклоненіе дереву. *В. Ламанжако*. 133—135
- Двина рѣка. *Ю. Труслана*. 135
- Ворожея XVII в. *Н. Тупинкова*.
- Отзывъ медальной комиссіи о трудахъ Д. Члена Проф. А. И. Соболевского по истории и географіи Русского языка. 136—7
- Объявленія

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

- Путевые письма И. И. Срѣзневской. 139—177
- Нидерландская народная пѣсни. Проф. Амстердамского Университета К. Уигенбека. 178—210

Отдѣлъ II

Памятки языка, народной словесности и живой старины.

- Мордовская свадьба (продолжение). 211—219
- Народная свадьба въ Толвуйскомъ приходѣ, Петроводскаго уѣзда, Олонецкой губ. *П. Ильина*. 219—248

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

- Нѣсколько словъ о малорусскихъ думахъ. 248—253
- Богатырь-козакъ Илья Муромецъ, какъ историческое лицо. 253—254
- Къ вопросу о древне-русскихъ скоморохахъ. 254—255
- Къialectологіи велико-русскихъ нарѣчій. *А. Соболевская*. 255—256
- Памятная книжка Воронежской губ. на 1893 г. *Н. Т-ова*. 256—257
- Остроумовъ. Сарты. *А. Липовская*. 257—263
- Записки товариства імени Шевченка. 263—264
- Самарово село Тобольской губ. и округа. *Арк. Л-ко* 264—265
- Волынскія Губернскія вѣдомости въ 1838—1888 гг. Состав. *Аркадій Ляшенко*. 265—278

Отдѣлъ IV.

опросы и отвѣты.

- Бѣлоруссы. *И. Латыші*. III. Поляки 279—280

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

- Бесѣдныя игры: тетера, въ гуси, въ кони. *В.lad. Перстніа*. 281—282
- Замѣтки по бѣлорусской этнографіи. *М. Довнара-Запольская*. 283—296

Выпускъ III.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

- Этнографическихъ наблюденія въ Абхазіи *Н. М. Альбова*. 297—329

Стр.

Путевые письма И. И. Срезневского 330—373

Отдѣлъ II.

Памятники языка, народной словесности и живой старины.

Говорь южной части Череповецкаго уѣзда, Новгородской губ. *М. Герасимова* 374—388
Говорь сѣверо-восточной части Вытегорскаго уѣзда, Олонецкой губ. *Александра Мельникаго* 388—392
Говорь Велико-Устюжскаго уѣзда, Вологодской губ. *А. Дмитриева* 392—395

Отдѣлъ III.

Критика и библиографія.

Яблоновскій. Населеніе Украины въ XVI вѣкѣ. *А. И. Соболевская* 396—399
Mikkola. Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. *А. И. С-ская* 399—400
Р. Р. бар. Штакельбергъ. Ирано-финскія лексикальные отношенія. *А. И. С-ская* 400
Cerny Ad. Mythiske bytosce luiskich Serbow. *В. Г. Перетца* 401—402
Лопаревъ, Х. М. Слово о святомъ «патріархѣ Феостирикѣ». *Н. Т.* 402—403
Н. Ф. Сумцовъ. Легенда о грѣшной матери. *Н. Т.* 403
Н. Ф. Сумцовъ. Былины о Добрынѣ и Маринѣ и родственныя имъ сказки о женѣ волшебницѣ. *Н. Т.* —
Е. Ф. Карский. Къ вопросу о разработкѣ стараго западно-русскаго нарѣчія. *Н. Т.* —
Н. Ф. Сумцовъ. Современная малорусская этнографія. *Н. Т.* —
Les Cris de Londres au XVII si鑒le. *Г. А. Виссендорфа* 404—405
И. Созонович. Ленора Бюргера и родственные ей сюжеты въ народной поэзіи европейской и русской. Пр. *Д.* 405—408
Списокъ печатныхъ трудовъ Довкonta. *С. Балтрамайтиса* 408—412
П. Н. Буцинскій. Мангазея и Мангазейскій уѣздъ 1601—1645 гг. *Н. Тупикова* 412—414

Стр.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Представлія короляковъ о нечистой силѣ. *Н. Лыскова* 415—419
Замѣтки по этнографіи бѣлоруссовъ. *И. М. Довнар-Запольскаго* 419—425
Молитвы, заговоры и заклинанія, записанные въ Пошечонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи 425—428
Какому святому и въ какомъ случаѣ должно молиться 428
Легенды о чудесахъ отъ св. иконъ 428—429
Сказание Арсенія икона Селуна града о Іерусалимѣ 429—430
Сказание о преподобной Феодорѣ, ея же память 11 сентября. *А. Балова* 430—431
Донладъ о поѣздкѣ въ Олонецкую губернію лѣтомъ 1892 года. *Н. Лыскова* 432—436
Latvju dainas 436
Отъ редакціи 436
Объявленія 1—4

Выпускъ IV.

Отдѣлъ I.

Населенія, наблюденія, разсужденія.

1. Названія населенныхъ мѣстъ и ихъ значеніе для русской исторической этнографіи. *А. Соболевская* 437—439
2. Древнійшія русскія двусловные личные имена и ихъ уменьшительные. *Г. Г. Гинкена* 440—461
3. Путевые письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842). Окончаніе 462—506

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Народный говоръ въ Пошечонскомъ уѣздѣ, Ярославской губ. *А. Балова* 507—513
2. Говоръ Павловичской волости Могилевскаго уѣзда. *Андр. Романова* 513—518
3. Жмудскія пѣсни, записанныя Мечиславомъ Довѣніна-Силь-

Спр.	Стр.
востроевичъ, съ переводомъ и примѣчаніями <i>А. Л. Погодина</i>	519—531
4. Загадки Корель Олонецкой губ., записанныя <i>Н. Ф. Лыковымъ</i>	532—540
5. Пословицы Корельскіи, записанныя <i>Н. Ф. Лыковымъ</i>	540
6. Корельская пѣсня, записанная и переведенная <i>Н. Ф. Лыковымъ</i>	541—553
О т дѣлъ III.	
Критика и библиографія.	
1. В. Мочульскій. Слѣды народной библии въ славянской и древне-русской письменности. Одесса. 1893. <i>Вл. I—а</i>	554
2. Мотивы свадебныхъ пѣсень Пинчуковъ. Этнографический этюдъ <i>М. Довнара - Запольскаго</i> . Гродна. 1893. 160. 69 стр. <i>Вл. II—а</i>	556
3. Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологического Общества. Т. 5. Харьковъ. 1893. <i>Арк. I—ка</i>	556—557
4. Памятная книжка Гродненской губерніи на 1893 г. <i>Т.</i>	557
5. Памятная книжка Ковенской губерніи на 1893 г. <i>Т.</i>	—
О т дѣлъ IV.	
Вопросы и отвѣты.	558
О т дѣлъ V.	
Смѣсь.	
1. Сагайскіе татары Минусинскаго округа, Енисейской губерніи, по статистическимъ даннымъ, собраннымъ въ 1889 г. <i>Н. Ф. Катанова</i>	559—570
2. Вариантъ пѣсни о сестрѣ отравительницѣ. Сообщ. <i>Арк. Ляшенка</i>	570—571
3. Нѣсколько словъ о Куронахъ. <i>А. Л. Погодина</i>	571—572
Объявленія.	
ГODЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.	
<i>Выпускъ I.</i>	
О т дѣлъ I.	
Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.	
1. Деревня Будагоша и ея прѣдѣлъ. <i>В. Н. Неретца</i>	2—18
2. Отчетъ о поѣздкѣ къ Олонецкимъ Кореламъ лѣтомъ 1893 года. <i>Н. Ф. Лыковъ</i> , съ замѣчаніемъ автора	19—36
3. Изъ года въ годъ. Описание круговорота крестьянской жизни въ селѣ Усть-Ницинскомъ, Тюменского округа. <i>Филиппа Зобнина</i>	37—64
4. Русь и Асы въ Китаѣ, на Балканскомъ полуостровѣ, въ Румыніи и Угорщинѣ. (Въ XIII—XIV в.). Замѣтки преосв. Палладія, д-ра Бретшиендора, архимандр. Руварца	65—77
О т дѣлъ II.	
Памятники языка и народной словесности.	
1. Новая «понѣть» объ Илье Муромцѣ. Сообщилъ <i>Михаилъ Протопоповъ</i>	78—82
2. Веснянки, Петривки и Купальныя пѣсни. Сообщилъ <i>В. Ф. Боячановскій</i>	83—89
3. Очеркъ литовскихъ свадебныхъ орацій. <i>А. Погодина</i>	90—97
4. О свадебныхъ обычаяхъ въ селѣ Корбанѣ, Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губерніи. <i>А. Балова</i>	98—99
О т дѣлъ III.	
Критика и библиографія.	
1. Свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ. <i>С. Балтрамайтиса</i>	98—104
2. Русскія былины старой и новой записи. Москва. 1864 г. <i>А. Погодина</i>	104—107
3. Систематический указатель статей исторического журнала «Деревня и Новая Россія». Спб. 1893 г. <i>В. Б.</i>	107
О т дѣлъ IV.	
Смѣсь.	
1. Замѣтки по белорусской этнографіи. <i>М. Довнара - Запольскаго</i>	108—114
2. Отчетъ о поѣздкѣ въ Ковенскую губ. лѣтомъ 1893 г. <i>А. Погодина</i>	114—119
3. О происхожденіи названія г. Пскова. <i>Ю. Трусмана</i>	120—122
4. Къ исторіи суевѣрій. Сообщ. <i>Е. Коз-скій</i>	122—123
5. Изъ области народныхъ вѣро-	

	Стр.
ваній. <i>А. Балова</i>	123
6. Алитерація въ народномъ языке. <i>А. Балова</i>	123—124
7. Къ народному словарю въ области пѣсенного искусства. <i>Ф. Истомина</i>	124—125
8. По поводу холеры. Сообщицъ <i>А. Балова</i>	125—126
9. О русскомъ языке въ Обдорскомъ краѣ. <i>В. Бартенева</i>	126—129
10. Замѣтки о некоторыхъ словахъ, употребляемыхъ въ селѣ Самаровѣ, Тобольской губ. и округа. <i>Хр. Лопарева</i>	130
Объявленія.	

Выпускъ II.

О т дѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Отчетъ о поѣздкѣ въ Сувалкскую губ. <i>Г. Г. Гинкена</i>	131—142
2. Нѣсколько словъ о говорахъ Лукоминовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. <i>Бор. Лапунова</i> (съ картою)	143—177
3. Письма А. Ф. Гильфердинга—Кукулевичу — Сакцинскому. Сообщено проф. <i>П. А. Кулаковскому</i>	178—190
4. Олекминские скопцы. (Историко-бытов. очеркъ). Ст. перв. <i>191—203</i>	

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Народные сказанія о самоубийцахъ. Сообщицъ <i>В. Н. Добролюбский</i>	204—214
2. Рекрутчина. <i>А. Мельниченко</i>	215—221
3. Святыи въ Корелѣ. <i>Н. Ф. Льскова</i>	222
4. Мудрый Маччи. <i>Н. Ф. Льскова</i>	224
5. Шуть Григорій. <i>Н. Ф. Льскова</i>	226—229
6. Пастухи и дьяволъ. <i>Н. Ф. Льскова</i>	230—232
7. Приложение къ отчету <i>А. Л. Погодина</i> о поѣздкѣ въ Конинскую губернію лѣтомъ 1893 года. <i>А. Л. Погодина</i>	233—258

О т дѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Замѣтки по изученію современной народной пѣсни. <i>В. Н. Перетцъ</i> . Современная народ-	
--	--

	Стр.
ная пѣсня. Сравнительные этюды. <i>Аркадія Лященко</i>	259—275
2. О трудахъ А. Н. Веселовскаго. <i>И. П. Жданова</i>	282
3. О трудахъ Е. Ф. Карского. <i>А. И. Соболевская</i>	283
4. О переводахъ П. С. Попова сочиненія Мэнъ гу-ю-му-ци. <i>Н. И. Веселовская</i>	284
5. Календарь и памятная книжка Вятской губерніи на 1893 годъ.	285

О т дѣлъ IV.

Смѣсь.

1. Пѣсни Рязанской губерніи. Сообщ. <i>О. П. Семенова</i>	286—293
2. Наброски изъ міра народной педагогики. <i>Ив. Мамакина</i>	294—298
3. Любопытная находка. Письмо къ Редактору о рукописномъ сборнике Кирши Данилова, принадлежавшемъ Малиновскому. <i>Н. Чехова</i>	299—300

Выпуски III и IV.

О т дѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Олекминские скопцы. (Историко-бытовой очеркъ). Ст. втор. и посл. <i>I-ка</i>	301—324
2. О народныхъ пѣсняхъ Татарь, Башкирь и Телтярь. <i>С. Рыбакова</i>	325—364
3. Якутская свадьба <i>В. Сиропьевская</i>	365—374
4. Объ обычаяхъ и обрядахъ при родахъ инородческихъ женщинъ Сибири и Средней Азии. Сообщилъ Докторъ <i>А. К. Емиловский</i>	375—390
5. Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ большої орды и кара-киргизовъ на основаніи родословныхъ сказаний и свѣдѣній о существующихъ родовыхъ дѣленияхъ и о родовыхъ тамгахъ, а также историческихъ данныхъ и начинающихся антропологическихъ изслѣдованій. <i>А. Аристова</i>	391—486

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Материалы по литовской этнографии. <i>Г. Г. Гинкена</i>	487—498
--	---------

	Стр.
2. Корельская свадьба. <i>Н. Ф. Лыкова</i>	499—511
3. Погребальные обряды Корель- ковъ. <i>Н. Ф. Лыкова</i>	511—517
4. Китаби-Кокурдъ. <i>В. Бартоль- да</i>	517—523

О т д ѣ л ь IV.

Критика и библиография.

1. Какъ давно Русские живутъ въ Карпатахъ и за Карпатами? <i>А. Соболевская</i>	524—526
2. О такъ называемой народной этимологіи. <i>А. Соболевская</i>	526—528
3. О сравнительной миѳологии Макса Мюлера. <i>А. Соболев- ская</i>	529
4. Новая книга. <i>А. Погодина</i>	530—540
5. Мелочи по киргизской и сарт- ской этнографіи за 1894 г. <i>А. Липовская</i>	540—542
6. Zur Geschichte russischer Hochzeitbräuche, von Gregor Krek. <i>А. Л.</i>	543
7. Пѣсни Сѣверо-Восточной Рос- сии. <i>Арк. Л-нка</i>	543—544
8. Лѣтопись историко-филологи- ческаго общества. <i>Арк. Л-нка</i>	544
9. Свѣдѣнія о литовскихъ руко- писяхъ. (Продолженіе). <i>С. Балтрамайтиса</i>	545—548

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. О происхожденіи названія г. Изборска и древняго населенія его окрестностей. <i>Ю. Тру- мана</i>	549—554
--	---------

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

Выпускъ I.

О т д ѣ л ь I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Отчетъ о поѣздаѣ въ Чудской край (Олонецкой губ., Лодей- нопольскаго уѣзда) въ 1894 г. <i>Н. Ф. Лыкова</i>	1—13
2. Кайганы или чухарн. <i>Д. И. Николь- ской</i>	14—16
3. О Бессермянахъ. <i>Д. И. Николь- ской</i>	17—27
4. Восточная Волынь. <i>Н. И. Ко- робки</i>	28—45
5. Письма О. М. Бодянского къ Станку Вразу въ Загребъ. Сообщ. <i>П. А. Кулаковскій</i>	46—56

Стр.

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной
словесности.

1. Еврейско-Нѣмецкія слова въ русскихъ нарѣчіяхъ. <i>Л. Ви- нера</i>	57—70
2. Пѣсни Каменецкаго уѣзда, Подольской губерніи. <i>Н. Ко- робки</i>	71—83
3. Латышскія преданія. <i>Г. Вис- сендорфа</i>	84—86
4. Народныи игры въ Кадников- скомъ уѣздѣ. <i>А. Шустикова</i>	86—100

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиография.

1. А. Шахматовъ. Изслѣдованія въ области русской фонетики. <i>Б. М. Ляпунова</i>	101—116
2. G. Krek. Zur geschichte russischen hochzeitsbräuche. Graz. 1893. <i>Н. Тупикова</i>	116—118

О т д ѣ л ь IV.

1. Вопросы и отвѣты. <i>Э. Воль- тера</i>	119—120
---	---------

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. Легенда о предсказаніи препо- добнаго Геннадія. <i>Н. А. Ти- хомирова</i>	121
2. Особая форма нищенства. <i>Н. А. Тихомирова</i>	122
3. Письмо къ Редактору ЖЖВ. Стар. <i>Н. В. Шейна</i> . Г. Вис- сендорфа	122—123
4. Кривулѣ у Латышей. Г. Вис- сендорфа	124
5. Протоколъ 1-го засѣданія Ла- тышско-Литовской комиссіи (25 ноября 1894 года).	124—125
6. Протоколъ 2-го засѣданія Ли- товско-Латышской комиссіи (12 декабря 1894 года).	125—126

Выпускъ I.

О т д ѣ л ь I.

Изслѣдованія, наблюденія,
разсужденія.

1. Замѣтки о населеніи Якутской области въ историко-этногра- фическомъ отношеніи. <i>В. А. Лохельсона</i>	127—161
---	---------

	Стр.
2. Особенности языка латышского писателя Г. Манцеля. <i>П. Шмидта</i>	162—170
3. Тавренъга, Вельского уезда. (Этнографический очеркъ). <i>А. Шустикова</i>	171—198
4. Письма: а) аббата Иос. Добровского 29 Дек. 1821 г. и б) В. С. Караджича 9 Ноября 1824 г. къ Министру Народного Просвѣщенія Шишкову. 199—202	

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Сказания и сказки Вельского у. Сообщ. <i>А. Шустикова</i>	203—211
2. Царь солома. Сообщ. <i>Е. Валентинъ</i>	212—213
3. Прочтитанія на рукописи. Сообщ. <i>Свяц. Владимира Иванова</i>	214—217
4. Пѣсни с. Писокъ, Житомирского уезда. Сообщ. <i>Вл. Борщевский</i>	217—221
5. «Иван Кунайло» въ с. Корытной Гайсинского уезда. Подольской губ. <i>Ф. Рыбако</i>	221—222
6. Свадебные обряды и пѣсни въ м. Маковѣ, Каменецкаго уезда, Подольской губерніи. Сообщ. <i>О. Рыбакій</i>	222—234

О т дѣлъ III.

Критика и библиографія.

1. О границѣ Русскихъ и Словаковъ въ Угорчинѣ. <i>А. Соболевскаго</i>	235—236
2. Ежегодникъ Тобольского Губернского Музея. <i>Н. Т.</i>	237
3. Историко-статистическое описание церквей и приходовъ Волынской епархии. <i>Арк. Линка</i>	237—238
4. Marillier. <i>La survivance de l'ame et l'idée de justice chez les peuples non civilisés</i> . Paris. 1894. <i>Ш—еа</i>	238

О т дѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Отвѣтъ на вопросъ, предложенный г. III. въ IV отд. «Живой Старинѣ» IV вып. 1893 г. <i>Ив. Мамакина</i>	239
---	-----

О т дѣлъ V.

Смѣсь.

1. Заговоры Архангельской губерніи, Шенкурского уезда, села Кургоменъ.	240—241
--	---------

	Стр.
2. Новгородская легенда объ апостолѣ Андрѣѣ. <i>В. Бояновская</i>	241—242
Объявленія	1—4

Выпуски III и IV.

О т дѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Отчетъ о поѣздкѣ къ ливонскому Латышамъ вътомъ 1894 г. <i>А.Л. Погодина</i>	243—260
2. Литовцы и русскій алфавитъ <i>М. Лозорайтиса</i>	251—259
3. Къ вопросу объ алфавитѣ для Литовцевъ. <i>Георгія Гимнена</i>	260—262
4. Объ иностранныхъ языкахъ вообще и о латинскомъ алфавитѣ у Литовцевъ въ особенности. <i>В. И. Ламанская</i>	263—271
5. Изъ статьи А. Ф. Гильфердинга о Литовской народности.	272—276
6. Докладъ С. Балтрамайтиса	277
7. Докладъ А. О. Смилго.	278
8. Поязданія въ Корелу. <i>Н. Ф. Льскова</i>	279—297
9. Этнографическія замѣтки о Тюркахъ Минусинскаго края. (Отчетъ о поѣздкѣ 1894 г.). <i>П. Островскаго</i>	297—348
10. О красильномъ искусствѣ у Русскихъ Енисейской губ. <i>А. Макаренка</i>	349—356
11. О красильномъ искусствѣ у Латышей. <i>Г. А. Виссендорфа</i>	257—258
12. Тавренъга Вельского уезда. Этнографический очеркъ. (Окончаніе). <i>А. Шустикова</i>	359—375

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. О говорѣ жителей Левочской волости, Боровичского уезда. <i>Михаила А. Синозерска</i>	376—381
2. Простонародныя слова, употребляемыя въ уѣздахъ Новгородской губерніи: Крестецкомъ, Старорусскомъ, Кириловскомъ и Боровичскомъ. <i>К. Лаврова</i>	382—384
3. Особенности говора Кадниковскаго уезда, Вологодской губ. <i>Шайтанова</i>	384—398
4. Замѣтки объ одномъ изъ говоровъ Костромской губерніи. Студ. Пет. Унив. <i>Николая Каринского</i>	399—402
5. Особенности въ говорѣ насе-ления, расположенного по рекѣ Письмѣ, Костромской губер-	

Стр.	Стр.
1. Буйского уезда, Студ. Итеб. Дух. Ак. <i>Покровского</i> . 403—415	9. Заговоры противъ болѣзней, разныхъ повѣрья и примѣты. (Житом. у.). <i>В. О. Бояновская</i> 499—504
6. Говорь южной части Томскаго округа, Томской губерніи. Студ. Шт. Ун. <i>В. Ламанского</i> . 416—418	10. Изъ письма къ Редактору. <i>Д. Михайловскаго. Оренбургъ</i> 504
7. Сказанія и сказки. Сообщ. <i>А. Шустикова</i> 419—427	11. Списокъ литовскихъ журналовъ, издаваемыхъ въ Россіи въ 1883—1896 г. <i>Балтрамайтиса</i> 505—506
8. Космическая легенды Балтійскихъ народовъ. <i>А. Л. Погодина</i> 428	12. Опечатки 507
9. Духовные стихи. Сообщ. <i>М. А. Синегорскій</i> 449—452	Объявленія.
10. Малоруссійская сказки и байки изъ Галичины 458—466	

О т дѣлъ III.

Критика и библиографія.

1. Замѣтка по поводу изданія «Жмудскихъ пѣсень изъ Плангена». <i>Изв. Ос. Яблонскаго</i> . 467—469
2. Труды Тибетской экспедиціи. <i>В. Л.</i> 469—475
3. Богдановичъ, А. Е. Пережитки древняго міросозерцанія у Бѣлоруссіи. <i>В. Л.</i> 475—478
4. «Иллюстрированная библиотека Крестнаго Календаря». Сказки русскаго народа. <i>В. П. Семенова</i> 478
5. Н. Я. Никифоровскій. Очерки простонароднаго житія-бытія въ Витебской Бѣлоруссіи и описание предметовъ обиходности. (Этнографическая дан-нія). <i>Н. Т-ва</i> 478—479
6. Weigand, G. Die Agrammen ethnographisch-philologisch-historische Untersuchungen über d. Volk d. sogenannten Makedo-Romanen oder Zinzagen. <i>В. Л.</i> 480—486

О т дѣлъ IV.

Смѣсь.

1. Погребальные обычаи Обдорскихъ Остиковъ. <i>В. В. Барченева</i> 487—492
2. Народонаселеніе Австро-Венгрии. <i>В. Л.</i> 492—493
3. Летучій огненный змѣй. Сообщ. <i>М. И. Соколовъ</i> 493—494
4. Летучій змѣй въ 1745 г. въ Бѣлгородѣ. Сообщ. г. <i>Николаевскій</i> 494—495
5. Какому святому и когда должно молиться. Сообщ. <i>А. Балловъ</i> 495
6. Куретница. Сообщ. г. <i>Николаевскій</i> 495—496
7. Радунскій приходъ Лидскаго уезда. Виленской губ. <i>Б-са</i> 497
8. Еще по поводу Литовской печати. <i>А. Л. Погодина</i> 498—499

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

Выпускъ I.

О т дѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Изъ поѣздки по Малой Азіи. <i>Д. И. Смирнова</i> 3—31
2. Древнія двуосновныя личныя имена у Литовцевъ, ихъ составъ и происхожденіе. <i>Ю. П. Кузнецова</i> 32—50

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Свадьба въ подгородныхъ волостяхъ Сольвычегодскаго уезда. <i>Н. Г. Ордина</i> 51—121

О т дѣлъ III.

Критика и библиографія.

1. По поводу приложения къ отчету А. Л. Погодина о его поѣздкѣ въ Ковенскую губернію. <i>Изв. Яблонскаго</i> 123—130
2. Бѣлорусское польсье. Сборникъ этнографическихъ материаловъ, собранныхъ М. Довнаромъ-Запольскимъ. Выпускъ I. Пѣсни. <i>Пинчуковъ</i> . Кіевъ. 1894 г. <i>Н. Т-ва</i> 131
3. Ежегодникъ Тобольскаго губернскаго Музея. <i>Н. Т.</i> 131—132

О т дѣлъ IV.

Смѣсь.

1. Къ вопросу о характерѣ и значеніи древнихъ «купальскихъ» обрядовъ, и игрищъ. <i>А. Балова</i> 133—142
--

	Стр.
2. Летучий огненный змей. <i>М. А. Синозерского</i>	143
3. Изъ письма къ Редактору. <i>А. Шустикова</i>	43—144
4. Опечатки.	144
Объявления.	

Выпускъ II.

О т дѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Грихья-сутры какъ источникъ для истории индоевропейской бытовой культуры. <i>Д. Н. Будраевскаго</i>	145—156
2. Великорусская фамилия и ихъ происхождение. Историко-этнографический очерк. <i>А. Балова</i>	157—168
3. Знамѣніе въ Скопинскомъ и Данковскомъ уѣздахъ Рязанской губерніи. <i>Н. Рубинскаго</i>	169—201
4. Замѣтки по сравнительному изученію народно-этическаго стиля. <i>К. Тіандера</i>	202—225

О т дѣлъ II

Памятники языка и народной словесности.

1. Свадебные причеты, записанные въ Щетинской волости, Пощеконского уѣзда. <i>Н. Ильинскаго</i>	226—248
2. Рекрутская причитанія. <i>Д. Успенскаго</i>	242—248

О т дѣлъ III.

Критика и библиографія.

1. Литовско-латышско-польско-русскій словарь, составленный кс. Мих. Межинисомъ. Тильзитъ, 1894 г., стр. 292. <i>Ив. Яблонскаго</i>	248—254
2. Монголія и Монголы.—Результаты поѣздки въ Монголію, исполненной въ 1892—1893 гг. <i>А. Позднѣевымъ. Томъ I. Дневникъ и маршрутъ</i>	254—255
3. Якуты. Опыт этнографического изслѣдованія В. Л. Сѣровшевскаго. Подъ редакціей проф. Н. И. Веселовскаго. Т. I. Съ 168 рисунками, портретомъ и картою.	255—257
4. Якушкинъ, Е. И. Обычное право. Выпукъ второй. Ярославль. 1846	257—258
5. Бартеневъ, Викторъ. На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири. Очерки Обдорскаго края. Петербургъ. 1896.	258

	Стр.
6. Харузинъ, Н. Исторія развитія жилища у кочевыхъ и полу-кочевыхъ Тюркскихъ и Монгольскихъ народностей Россіи. Москва. 1896	258
7. Пантиховъ, И. И. О пещерахъ и позднѣйшихъ жилищахъ на Кавказѣ. Тифінъ. 1896	258—259

О т дѣлъ IV.

Смѣсь.

1. О Пасхѣ. <i>А. Балова</i>	260—261
2. Краливное заговоры. <i>А. Балова</i>	261—262
3. Свѣчи и ладонь въ народныхъ повѣрьяхъ. <i>А. Балова</i>	262—264
4. Живая Старина. <i>А. Балова</i>	264—265
Объявленія.	

Выпуски III и IV.

О т дѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Угасаніе инородческихъ племенъ Тобольского сѣвера. <i>Д-ра Ар. Ив. Якобія</i>	267—272
Замѣтка редактора	272
2. Инструкция изслѣдованія инородческихъ племенъ Тобольского сѣвера. Проф. <i>Ар. Ив. Якобія</i>	273—276
3. Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей и свѣдѣнія объ ихъ численности. <i>Н. А. Аристова</i>	277—286
4. О семейномъ положеніи крестьянской женщины въ одной изъ мѣстностей Костромской губ. по даннымъ волостного суда. <i>Ф. Покровскаго</i>	457—476
5. Поѣзда къ теленгетамъ на Алтай. <i>А. Калачева</i>	477—488

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Нѣсколько словъ о поэзіи теленгетовъ. <i>А. Калачева</i>	489—500
2. Свадебные обряды въ Ольгопольскомъ уѣзда, Подольской губ. <i>Н. Дущинскаго</i>	501—522

О т дѣлъ III.

Критика и библиографія.

1. Отчетъ о шведскомъ этнографическомъ журналь: Nyage	
---	--

	Стр.
bidrag till Kännedom om de svenska landsmälen och svenska folklif 1885—1895 г. <i>К. Тиандера</i>	523—529
2. Якушкинъ, Е. И. Обычное право. Выпукъ второй. Ярославль. 1896. <i>В. Ламанскаю</i>	529—534

О т д ѣ л ь IV.

Смѣсь.

1. О выборѣ невѣстъ въ Новгородской губерніи. <i>М. Синозерскаго</i>	535—536
2. Чортовъ домъ. <i>М. Синозерскаго</i>	536—537
3. Цвѣтъ «спартника». <i>М. Синозерскаго</i>	537
4. Отчего пораженные грозой святые. <i>М. Синозерскаго</i>	537—538
5. Ильинская пятница. <i>М. Синозерскаго</i>	538
6. Игры (въ свободѣ Усть-Ницнскай, Тюменского округа). <i>Ф. Зобнина</i>	538—542
7. Вѣщица или труболетка. <i>Ф. Зобнина</i>	542
Объявленія.	

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

Выпукъ I.

О т д ѣ л ь I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Киселевскіе Цыганы. <i>В. Н. Добролюбскаго</i>	3—36
2. О происхожденіи Псково-Печерскихъ полувицѣвъ. <i>Ю. Труслана</i>	37—47
3. Замѣтка по поводу предполагаемаго изданія народныхъ сказокъ <i>С. В. Максимова</i>	48—56

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Материалы по народной медицинѣ, Ужурской волости, Ачинскаго округа, Енисейской губ. С приложениемъ сборника народно-медицинскихъ средствъ той же волости. <i>А. Макаренка</i>	57—100
2. Былина и пѣсни Енисейского округа. <i>А. Александрова</i>	101—105
3. Домовикъ въ галицко-русскихъ вѣрованіяхъ. <i>Ю. А. Яворскаго</i>	105—106

	Стр.
4. Галицко-русскія повѣрія обѣ опырахъ. <i>Ю. А. Яворскаго</i>	107—110
5. Изъ галицко-русскихъ народныхъ сказаний и сувѣрій. <i>Ю. А. Яворскаго</i>	110—111
6. Сказки. Приложение къ замѣткѣ С. В. Максимова.	112—123

О т д ѣ л ь IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Отвѣтъ. <i>А. Макаренка</i>	124—126
--	---------

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. Дурачки и убогіе. <i>А. А. Макаренка</i>	126—128
2. Урочливая. Его-же	128—130

Выпукъ II.

О т д ѣ л ь I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Обѣ эскимосскихъ народіяхъ Анадырскаго округа. (На основаніи матеріаловъ, собранныхъ Н. Л. Гондатти). <i>Всев. Фед. Миллера</i>	133—159
2. Отчетъ о поездкѣ къ киргизамъ лѣтомъ 1896 по порученію Императорскаго Географического Общества. Часть 1-я: Общія наблюденія надъ современнымъ бытомъ киргизъ. Чл.-сопр. <i>С. Г. Рыбакова</i>	160—217

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Материалы по народцамъ иностранныхъ Анадырскаго округа, собранные <i>Н. Л. Гондатти</i>	218—229
2. Дѣтская и женская болѣзни. (Продолженіе). <i>А. Макаренка</i>	230—246
3. Почитаніе огня у крестьянъ-сибиряковъ Енисейской губ. <i>А. Макаренка</i>	247—253
4. Миеологические отрывки. (Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи 24 октября). <i>П. К. Краучуниса</i>	254—261

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Narodopisný Sborník československý. Svazek první. Vydává narodopisná Společnost' československá.	
---	--

Стр.	Стр.
slovanská a národopisné Mu- seum českoslovanské. Redactor prof. Fr. Pasternek Ve Praze. 1897. <i>H. B. Истребова</i> . . . 262—265	rechnet von Eduard Leipen. Wien. 1896 473—479
О т д ѣ л ь IV.	
Смѣсь.	
1. Этнографические изыскания въ Восточной Сибири 265—266	
<i>Выпуски III и IV.</i>	
О т д ѣ л ь I.	
Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.	
1. Поѣзда на Алтай. <i>Ф. Зоб- нина</i> 267—293	1. О значеніи Моравскаго или Ресавскаго нарвія для со- временной и исторической этнографии Балканскаго полу- острова 482—485
2. Тюркская сказка о Идыге. <i>Г. Потанина</i> 294—350	Объявленія.
3. Сказанія о поѣздахъ остиа- къяхъ князей къ русскимъ ца- рьмъ. <i>С. Потанина</i> 315—356	
4. Данные для народного кален- дара Смоленской губерніи въ связи съ народными вѣрово- ніями. <i>В. Н. Добровольскаго</i> 357—380	
О т д ѣ л ь II.	
Памятники языка и народной словесности.	
1. Материалы по народной ме- дицинѣ. Ужурской волости. Ачинского округа Енисейской губ. Со сборникомъ народно- медицинскихъ средствъ той же волости (Окончаніе). <i>А. Ма- харенка</i> 381—438	1. Сольвычегодскій крестьянинъ, его обстановка, жизнь и дѣя- тельность. <i>Н. Иванова</i> 3—74
2. Галицко-русскія човѣрія о дикой бабѣ. <i>Ю. Яворскаго</i> 439—441	2. О Сибирскихъ великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ. <i>С. В. Максимова</i> 75—79
3. Изъ сборника галицко-ру- сскихъ сказокъ, собранныхъ для предполагаемаго сборнаго издания. <i>И. Р. Географиче- скаго Общества. Ю. Яворскаго</i> 441—445	
4. О народныхъ говорахъ сѣверо- западной части Костромской губерніи. <i>Ф. Покровскаго</i> 446—469	
О т д ѣ л ь III.	
Критика и библіографія.	
1. Рыбаковъ, С. Музыка и пѣсни уральскихъ мусульманъ 470—473	1. Теогонія Гезіода и Прометей. (Разборъ сказаний). Георгія Властова. <i>Д. Курлявскаго</i> 112—116
2. Die Sprachgebiete in der Län- dern der ungarischen Krone auf Grund der von Königl. ung. sta- tist. Landes-Bureau veröffen- tlichten Ergebnisse der Volke- zählung vom Jahre. 1890 be-	2. Отъ Отдѣленія Этнографіи Им- ператорскаго Русскаго Гео- графическаго Общества 117—121
О т д ѣ л ь IV.	
Вопросы и отвѣты.	
2. Отъ редактора 121	

Стр.	Стр.
Отдѣлъ V.	
Смѣсь.	
1. Изъ Череповецкаго уѣзда, Новгор. губ. Пословицы и говорки, примѣты и обычаи 122—123 Объявленія.	2. Усть-Ницынская слобода, Тюменскаго уѣзда, Тобольской губ. (Продолженіе). <i>Ф. Зобнина</i> 320—328 3. Два письма П. И. Прейса къ Нейю въ Гѣтзен и къ Н. И. Надеждину. 329—330 4. Остатки работъ П. И. Прейса 331—367 5. Первая лекція П. И. Прейса, читанная весною 1843 г. въ Императорскомъ Петербургскомъ Университетѣ 368—384
Выпускъ II.	
Отдѣлъ I.	
Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.	
1. Усть-Ницынская слобода, Тюменскаго уѣзда, Тобольской губ. (Продолженіе слѣдуетъ). <i>Ф. Зобнина</i> 125—157 2. Материалы по народной медицинѣ и акушерству въ Череповецкомъ уѣзда Новгородской губерніи. <i>М. К. Герасимова</i> 158—183	1. Село Коснище, Владиміръ-Волынскаго уѣзда, Волынской губ. (Окончаніе). <i>Дм. И. Абрамовича</i> 385—386 2. Образцы говора Жиздринскаго уѣзда, Калужск. губ. <i>В. Н. Добровольскій</i> 387—392 3. Материалы лексикографические по Новгородскимъ говорамъ. 1. Слова Череповецкія. Сообщ. <i>М. К. Герасимова</i> . 2. Слова Ладожскія. Сообщ. <i>Николай Кедровъ</i> 392—408 4. Нѣкоторыя лѣкарственныя растенія, употребляемыя простымъ народомъ Курской губ. <i>Т. И. Вержбичъ</i> 409—420 5. Ирзовища крестьянъ сельца Березовки Дмитровскаго уѣзда, Орловской губерніи <i>В. Добровольскій</i> 421—424 6. Сборникъ загадокъ для дѣтей. Сообщ. учит. народа. <i>К. Славинъ</i> 425—436 7. Игры крестьянскихъ дѣтей Казанской губерніи, Свияжскаго уѣзда, села Бежбатманъ. <i>А. Можаровскій</i> 437—442 8. Два старинныхъ областныхъ словаря XVIII столѣтія. Сообщеніе <i>И. К. Симони</i> 443—450 9. Объ особенностиахъ языка въ г. Устюжѣ и въ Устюжскомъ уѣзѣ, Волог. губ. <i>Николай Чернавскій</i> 451—462 10. Бѣлорусскія дѣтскія игры. <i>Н. Демидовичъ</i> 453—462
Отдѣлъ II.	
Памятники языка и народной словесности.	
1. Село Коснище, Владиміръ-Волынскаго уѣзда, Волынской губ. (Въ 5-ти верстахъ отъ мѣст. Любимъ). (Окончаніе будетъ). <i>Дм. И. Абрамовича</i> 184—202 2. Сборникъ рязанскихъ областныхъ словъ. Чл. Сотр. <i>Димитровъ</i> 203—227 3. Смерть и душа въ погрѣяхъ и въ рассказахъ крестьянъ и мѣщанъ Рязанскаго, Рыбинскаго и Данковскаго уѣздовъ Рязанской губерніи. Чл. Сотр. <i>О. П. Семеновой</i> 228—234 4. Сомиринскій говоръ. Сообщ. <i>В. Кузнецова</i> 235—236 5. Перегудки. Сообщ. Чл. Сотр. <i>Н. А. Иваницкая</i> и Чл. Сотр. <i>А. А. Шустикова</i> 237—243 6. Сказка про ерша. Сообщ. <i>М. А. Симозерскій</i> 244 7. О трехъ заговорахъ и о народномъ возвращеніи на змѣй въ Могилевской и Херсонской губерніяхъ. <i>В. Врадій</i> 245—246 Объявленія.	1. Село Коснище, Владиміръ-Волынскаго уѣзда, Волынской губ. (Окончаніе). <i>Дм. И. Абрамовича</i> 385—386 2. Образцы говора Жиздринскаго уѣзда, Калужск. губ. <i>В. Н. Добровольскій</i> 387—392 3. Материалы лексикографические по Новгородскимъ говорамъ. 1. Слова Череповецкія. Сообщ. <i>М. К. Герасимова</i> . 2. Слова Ладожскія. Сообщ. <i>Николай Кедровъ</i> 392—408 4. Нѣкоторыя лѣкарственныя растенія, употребляемыя простымъ народомъ Курской губ. <i>Т. И. Вержбичъ</i> 409—420 5. Ирзовища крестьянъ сельца Березовки Дмитровскаго уѣзда, Орловской губерніи <i>В. Добровольскій</i> 421—424 6. Сборникъ загадокъ для дѣтей. Сообщ. учит. народа. <i>К. Славинъ</i> 425—436 7. Игры крестьянскихъ дѣтей Казанской губерніи, Свияжскаго уѣзда, села Бежбатманъ. <i>А. Можаровскій</i> 437—442 8. Два старинныхъ областныхъ словаря XVIII столѣтія. Сообщеніе <i>И. К. Симони</i> 443—450 9. Объ особенностиахъ языка въ г. Устюжѣ и въ Устюжскомъ уѣзѣ, Волог. губ. <i>Николай Чернавскій</i> 451—462 10. Бѣлорусскія дѣтскія игры. <i>Н. Демидовичъ</i> 453—462
Выпускъ III и IV.	
Отдѣлъ I.	
Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.	
1. Объ Авганистанѣ и его населеніи. <i>Н. А. Аристоинъ</i> 247—319	1. Рустика (Т. А. Мартемьянова). Городъ Волховъ, Орловской губерніи (историко-бытовые очерки). <i>В.І. Штурминъ</i> 463—467 2. Великоруссы въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, ле-

	Стр.
гендахъ и т. п. Материалы, собранные въ порядке П. В. Шейномъ. <i>В.и. Шарутинъ</i>	467—470
3. Slovenská příslöví, pořekadla a uslovi. Sepsal Adolf Peter Zaturecký	471—472
4. Deutsche Volkskunde. Von Eduard Meyer. Mit siebzehn Abbildungen und einer Karte.	472—475
5. Два отзыва по присуждению большой и малой золотыхъ медалей Этнографического Отдѣленія. <i>В. Ламанскаю</i>	475—476
6. Библиографический обзоръ Литовскихъ времененныхъ изданій за 1898 годъ. <i>Б.</i>	477—479

О т дѣлъ IV.

Смѣсь.

1. Вечеринки и игрища въ Устьсисольскѣ. Сообщ. Членъ Сотр. Импер. Рус. Геогр. Общ. <i>С. Мельниковъ</i>	480—481
2. Коляды въ Устьсисольскѣ. Мѣщанинъ <i>Стефанъ Мельниковъ</i> . (Чл.-сотр. И. Р. Г. Общ. 1842 г.)	481—482
3. Коледа во Влад. губ. (Изъ Арх. Р. Г. Общ.). <i>Н. Добровольскій</i>	482—485
4. Духовные стихи. Сообщилъ <i>Яковъ Ильинскій</i>	485—487
5. Сказка (записанная въ Эскінскихъ юртахъ Верх-Демьянск. вол. Тоб. окр.). <i>С. Паткановъ</i>	487—489
6. Тагась на Бѣломъ озерь. Учитель народн. школы <i>М. Комельковъ</i> (уроженецъ села Куности)	489—493
7. Дополненія къ статьѣ г. Комелькова. Учитель Кисненского училища Кирилловскаго уезда <i>П. Матюровъ</i>	493
8. Пословица и загадка. <i>В. Добровольскій</i>	494—497

Объявленія.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

Выпускъ I.

О т дѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Разсказы изъ жизни Палѣхъ Жиздринского Полѣсъя. <i>Р. И. Добровольскій</i>	4—22
---	------

	Стр.
2. Этнографическія замѣтки на пути отъ г. Никольска до г. Тотмы. <i>Гр. Н. Потанина</i>	23—60
3. Распределеніе жителей Битольского Виляета по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ, въ 1897 году. <i>А. Ростковскій</i>	61—112

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Сборникъ Панаюта Дыновскаго изъ села Галичника (въ Дебрахъ). Сообщ. <i>П. А. Ровинскій</i>	113—123
2. На мѣрскомъ передѣлѣ земли. (Очеркъ изъ сѣверно-русской жизни). <i>А. А. Шустикова</i>	130—138

О т дѣлъ IV.

Смѣсь.

1. Мѣстныя слова города Тотмы. (Волог. губ.). Записаль <i>В. Шевяковъ</i>	139
2. Четыре сказки Минусинскихъ инородцевъ. Записаны <i>А. Кузнецовой</i>	140—149

Выпускъ II.

О т дѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Разсказы изъ жизни Палѣхъ Жиздринского Полѣсъя. (Окончаніе). <i>В. Н. Добровольскаю</i>	151—166
2. Этнографическія замѣтки на пути отъ г. Никольска до г. Тотмы. (Окончаніе). <i>Гр. Н. Потанина</i>	167—235

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности

1. Сборникъ Панаюта Дыновскаго изъ села Галичника (въ Дебрахъ). (Продолж.). Сообщ. <i>П. А. Ровинскій</i>	236—250
2. Материалы для словаря тунгусскихъ нарѣчий. Сообщ. стул. <i>Ин. Скурлатовъ</i>	251—262
3. Сказка о Чесоточномъ Шаманѣ. Сообщ. <i>В. Богоявл.</i>	263—270

Стр.	Стр.
О т д ѣ л ь III.	
Критика и библиография.	
1. Slovanský Přehled, sborník statí, dopisů a zpráv ze života slovanského. Redaktor A. Černý	272
2. Věstník slovanských starožitnosti. Indicateur des travaux relatifs à l'antiquité slave. Vydává L. Niederle	272
3. Die Bulgaren. Ethnographische Studien. Von A. Strausz	273
4. Српске народне пјесме. Скупљио их Вук Карапић. Књ. VI (Државно издање)	274
5. Piesne ljudu slovenského. Vydáva Muzeálna slovenská spoločnosť	274
6. Научное изучение белорусского наречия за последний десять лет (1886—1899 гг.) П. Владимирова	—
7. Шатицесятилітіе «Мыслей объ исторіи русскаго языка». (Очеркъ трудовъ за 50 лѣтъ и новые материалы). Его же	274—275
8. Клижское наречіе, великорубской области, Петрозаводской волости, Олонецкой губ. Св. А. Понамарева	275
9. В. Н. Перетцъ: Изъ истории пословицы. Историко-литературные заметки и материалы. —	—
10. Описание русскихъ монетъ музея Ярославской ученої архивной комиссии, пожертвованныхъ И. А. Вахрамьевымъ. Сост. Э. Берендей	—
11. Bei den Huzulen im Pruththal. Ein Beitrag zur Hausforschung in Oesterreich. Von prof. Kaindl	275—276
12. Наукове товариство ім. Шевченка у Львові. Матеріали до українсько-руської етнографії, виданнє етнографичної комісії за редакцію Хв. Вовка	276
13. Записки наукового товариства імені Шевченка під редакцію М. Грушевського. Г. Н. —	—
О т д ѣ л ь IV	
Смѣсь.	
1. Матеріали по народному языку, собранные въ Пощепонскомъ уѣздѣ Ярославской губ. Сообщ. А. Балогъ	277
Выпускъ III.	
О т д ѣ л ь I.	
Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.	
1. Латышскія заимствованія изъ славянскихъ языковъ. I. Эндсліна	285—312
2. Очеркъ современного экономического положенія Башкирь Уфимской губерніи. А. Калачева	313—329
О т д ѣ л ь II.	
Памятники языка и народной словесности.	
1. О народномъ говорѣ Чухломскаго уѣзда Костромской губерніи. Ф. И. Попровская	330—349
2. Сказаніе объ Элленди и его сыновьяхъ (переводъ съ чукотскаго). Сообщ. В. Г. Болораз	350—370
3. Три сказки, записанныя въ Колымскомъ краѣ. Сообщ. В. Г. Болораз	371—380
О т д ѣ л ь III.	
Критика и библиография	
1. Slovenske narodne pesmi. Uredil D-ra K. Strekelj. Izdala in založila Slovenska Matica. Г. А. Ильинская	381
2. Moravské Kravařsko (Politický okres Novojicky). Г. А. Ильинская	—
3. Statystyka ludnosci Kaszubskiej. Zebrał i opracował Stefan Ramult. Г. А. Ильинская	382
4. Kleinere Schriften von Weinhold Köhler. I. Band. Kleinere Schriften zur Märchenforschung. Ю. А. Яворская	383
5. Die Zeugung in Sitte, Brauch und Glanben der Südslaven Ю. А. Яворская	384
6. Српске народне приветкѣ. Скупљио Атанасије Николић. На свет издали његови унуци. Ю. А. Яворская	385
О т д ѣ л ь IV.	
Смѣсь.	
1. Свадебный обычай крестьянъ Кургоминского Правленія Арг. губ. Шенк. у. Свящ. К. И. Болотнова	386—388

- Стр.
2. Религиозно-народные повѣрья и легенды. (Записаны въ Калязинскомъ уѣзде Тверской губ.). *В. И. Суворова* 389—397
 3. Къ статистикѣ литовскихъ народныхъ книгъ. *Э. Волтера* 398—399
Объясненія 400—402

Выпускъ IV.

О т дѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Домашній быть крестьянъ Левоцкой волости, Боровичскаго уѣзда Новгородской губ. Студента Имп. Спб. Унив. *М. Синозерскаго* 403—435
2. Англо-индійскій «Кавказъ». Столкновенія Англіи съ авганскими пограничными племенами. (Этноко-исторический и политический этюдъ). Статья первая. *Н. А. Аристова* 436—486

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Списокъ Тобольскихъ словъ и выражений, записанныхъ въ Тобольскомъ, Тюменскомъ, Курганскомъ и Сургутскомъ окружахъ, въ двухъ первыхъ д. чл. *Потаповъ*, въ трехъ послѣднихъ чл. сотр. Зобниковъ и приведенныхъ въ алфавитный порядокъ студ. И. Спб. Унив. *Николаевъ* 487—518
2. Пѣсни и Прибаутки, (записанные Г. Н. Потанинымъ въ дер. Аксеньевъ, въ 3-хъ вер. отъ гор. Никольска). Сообщ. *Гр. Н. Потанинъ* 519—525
3. Прозвища крестьянъ дер. Хмѣлевской, Кадниковскаго уѣзда. Сообщ. *А. А. Шустиковъ* 526—528
4. Народные слова и прозвища, записанные въ Сысерскомъ заводѣ Пермской губ. Екатеринбург. у. Чл. Сотр. Общества *В. А. П. Яковъ* 529—530
Свадьба въ Хмѣлевицкомъ
5. приходѣ Ветлужского уѣзда, Костромской губ. Сообщ. *Я. Кузнецова* 531—535

О т дѣлъ III.

Смѣсь.

1. Св. Андрей Первозванный и Св. Екатерина въ народныхъ

- Стр.
- русскихъ вѣрованіяхъ. Историко-этнографический очеркъ *А. Балова* 536—538

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

Выпускъ I и II.

О т дѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Англо-индійскій «Кавказъ». Столкновенія Англіи съ авганскими пограничными племенами. (Этноко-исторический и политический этюдъ). Обзоръ столкновеній Англо-Индіи съ восточными авганскими племенами. Ст. вторая и послѣдн. *М. А. Аристова* 3—150
2. Бродячіе роды тундры между реками Индигирской и Колымой, ихъ этнический составъ, нарядъ, быть, брачные и иные обычай и взаимодѣйствіе различныхъ племенныхъ элементовъ. *В. А. Йохельсона*. Съ рис. 151—193

О т дѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Міросозерцаніе нашихъ восточныхъ инородцевъ: вотяковъ, черемисовъ и мордвы. *В. А. Машкова* 194—212
2. Опытъ сравнительного словаря русскихъ говоровъ. (Галицко-бояковскій говоръ). *Илларіона Сопницкаго* 213—229
3. Сборникъ Панаіота Дыновскаго изъ села Галичника (въ Дебрахъ). (Продолженіе). Сообщ. *П. А. Рогинскій* 230—248
4. По говору Любимскаго уѣзда Сообщ. *А. Балова* 249—250

О т дѣлъ III.

Критика и библиографія.

1. Жреческая организация индо-германцевъ. (Обзоръ новѣйшихъ трудовъ о культурѣ индо-германцевъ). *А. Чоподина* 251—264
2. Румынскія сказанія о рабманахъ. *А. И. Яцимирская* 264—272
3. Psihologia penală a teranului de Dem. I. Dobrescu. *А. Яцимирская* 273—277
4. П. Луповъ. «Христіанство у вотяковъ со времени первыхъ историческихъ извѣстій о нихъ до XIX вѣка». *И. Сирнева* 277—283

Стр.	
5.	Nová mapa Království českého Sestavil V. Kotýška. Kreslil N. Hanf. Měřítko 1 : 200.000. Г. Ильинскою
283	
6.	Smichovsko a Zbraslavsko. Společnou prací učitelstva Redaktor prof. Fr. Hansl, c. k. okre- sní školní inspector. Г. Ильин- скою
284—286	
7.	Starožitnosti země české. Sc- stavil L. Piš Dř. I. Čechy předhistorické. Na základě pva- historické sbírky Musea Krále Českého. Г. Ильинскою
284—286	
8.	Rodinny nedíl cíli záduchu v pravu slovanském. Sepsal K. Kadlec. Nákl. vlastním. Г. Ильинскою
286—287	
9.	Führer durch Dalmatien. He- rausgegeben vom Vereine zur Förderung der volkswirtschaft- lichen Interessen des König- reiches Dalmatien. Г. Ильин- скою
287—288	
10.	Гуцульщина. Написав проф. Володимир Шухевич. Г. Иль- инскою
288—289	
11.	Етнографічний збірник. Видає етнографічна комісія Науков- Тов. ім. Шевченка. Г. Ильин- скою
289	
12.	Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, зага- докъ и проч. XVII—XIX ст. Г. Ильинскою
289—291	

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1.	Смерть, похороны и причита- ния. (Этнографический мате- риал Калужской губ.) В. Н. Добровольскою
292—294	
2.	О Сибирскомъ Полярномъ От- дѣлѣ Сѣверо-тихоокеанской экспедиціи. (Изъ письма къ Предсѣдателю Этнографич- ского Отдѣла Император. Рус- ского Географич. Общества). В. Бородай и В. Іохельсона. 295—296

Выпуска III.

О т д ѣ л ь I.

Изслѣдованія, наблюденія и
разсужденія.

1.	Труба въ народныхъ вѣрова- ніяхъ. Ст. перв. В. А. Мочкова 297—352
2.	Хунь-ну и гунны. (Библиогра- фический обзоръ теорій о про- исхождении наарда Хунь-ну китайскихъ лѣтописей, о про- исхождении европейскихъ Гун- новъ и о взаимныхъ отноше- ніяхъ этихъ двухъ народовъ). Ст. перв. К. А. Пиостранцева 353—386

Стр.	
3.	Объ одномъ старославянскомъ оборотѣ съ точки зрења вре- менныхъ славянскихъ нарѣчий. Г. А. Ильинскою
387—392	

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной
словесности.

1.	Распределеніе жителей Солун- скаго Вилаета по народно- стямъ и вѣроисповѣданіямъ въ 1899 году. А. Ростковская
2.	Нѣсколько духовныхъ сти- ховъ. В. Чернышева
426—435	

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1.	Die Slowinzen und Lebakaschu- ben. Mit einer Sprachkarte und 3 Tafeln Abbildungen. Г. А. Ильинскою
436—437	
2.	Ор. Шкапскій. Аму-Дарын- ские очерки. А. А. Липов- скою
438—439	
3.	П. Н. Милюковъ: 5 этногра- фическихъ картъ Македоніи— съ текстомъ И. П. Рогановичъ: Македонскій вопросъ на почвѣ своей исто- ріи, этнографіи и политики . . . Сп. Гопчевичъ: Старая Сербія и Македонія. Историко-этно- графическое изслѣдованіе. В. Кораблева
439—441	
4.	Е. Т. Смирновъ. Приамурскій край на Амурско-Приморской выставкѣ 1899 г. въ гор. Ха- баровскѣ. С. Брайловская
441—442	
5.	Кубанский сборникъ. «Труды Кубанского Областного Стати- стического Комитета», изда- ваемые подъ редакціей С. В. Руденка. А. Лященко
442	

О т д ѣ л ь IV.

Вопросы и отвѣты. 443

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1.	Отрывки изъ свадебныхъ при- чесовъ Ляменского прихода, Никольского уѣзда, Вологод- ской губерніи. Михаила Ише- ничуна
444—446	
2.	Изъ старыхъ журналовъ. А. Лиценка
447—449	

Объявление.

Выпускъ IV.	Стр.	Стр.
О т д ѣ л ь I.		
Исслѣдованія, наблюденія и разсужденія.		
1. Труба въ народномъ вѣрованіяхъ. Ст. вт. и посл. <i>В. А. Моликова</i> . Карта и рисунки . 451—524		
2. Хунъ-ну и Гуны (Библіографический обзоръ творій о про-исхожденіи народа Хунъ-ну китайскихъ иконописей, о про-исхожденіи европейскихъ Гунновъ и о взаимныхъ отноше-ніяхъ этихъ двухъ народовъ). Ст. вт. и посл. <i>К. А. Иностранны-чева</i> 525—564		
О т д ѣ л ь II.		
Памятники языка и народной словесности.		
1. Распределеніе жителей Солун-скаго Вилаета по народно-стямъ и вѣронсповѣданіямъ въ 1899 году. (Окончаніе) <i>А. Ростковская</i> 565—583		
О т д ѣ л ь III.		
Критика и библіографія.		
1. Путешествіе антіохійскаго патр. Макарія въ Россію въ		
О т д ѣ л ь IV.		
Вопросы и отвѣты. 594—595		
О т д ѣ л ь V.		
Смѣсь.		
1. Изъ галицко-русскихъ народ-ныхъ повѣрій. <i>Ю. Яворская</i> 596—505		
2. Примѣты и разсказы. Сообщ. <i>В. Чернышевъ</i> 595—598		
3. Л. Н. Майковъ † апр. 1900. <i>В. Ламанская</i> 600—601		
Объявленія.		

О П Е Ч А Т К И:

Къ ст. К. А. Иностранцева о Гунахъ.

Страница.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
528	33	могли быть	не могли быть
530	5	рушившееся	рушившееся
531	20	о Гунахъ	о Тюркахъ
544	11	сыну неба.	сыну неба.
549	39	Sprachengeschlechte	Sprachengeschlecht
553	32	къ слѣдующимъ	къ слѣдующему

Къ статьѣ В. Мошкова: «Труба въ народныхъ вѣрованіяхъ».

(«Живая Старина» вып. III и IV, 1900 г.).

Страница:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
304	7 сверху	Rareka	Рачека
—	17 ,	Упоминаеть	Упоминается
307	14 снизу	чах	гах
308	19 сверху	кояя. «Ачжинай»	кояя «Ачжинай»
318	4 ,	пальмашут	палтемъ пут
319	6 ,	выдуть	выдуть
—	13 снизу	минимума,	максимума,
321	18 ,	Gourmet	Guimet
323	19 сверху	бур	бур
324	5 снизу	Rnuchama	Rnuchama
325	19 сверху	Минкольшири	Линкольшири
333	2 ,	Кумирень	Кумирень
335	12 ,	Такъ называются дунчи	Такъ напримѣръ ламы, трубящіе въ раковину называются дунчи
—	1 ,	когда одною трубою за- трубяты поднимутся	когда одною трубою за- трубятъ, соберутся князья и тысяченачальники Израиле- вы: когда затрубите тревогу, поднимутся станы, становящіеся къ востоку, когда во второй разъ затрубите тревогу, подни- мутся станы, становящіеся къ югу; когда затрубите въ третій разъ тревогу, поднимутся станы, становящіеся къ морю, когда въ четвертый разъ затрубите тревогу поднимутся
342	5 .	привости	привести
351	16 ,	vaposky	vaposky
—	10 снизу	тамъ	тамъ
453	19 ,	Phounda	Phounga
455	8 ,	прыгали стучали ногами	прыгали, стучали ногами
456	3 сверху	колдовство мы находимъ	колдовство, мы находимъ
—	13 ,	по близости находится кто нибудь	по близости кто-нибудь
459	8 снизу	ди	ди
—	4 ,	примѣненіемъ почти	примѣненіемъ трубы почти
—	3 ,	пользованіе трубою	пользованіе єю
460	6 сверху	ужасъ въ особенности	ужасъ, въ особенности
465	, ,	самы	самый
460	, ,	пословица.	пословица:
460	, ,	Дадинскомъ	Радинскомъ
467	18 ,	а въ случаѣ	въ случаѣ
467	, ,	въ случаѣ непослушанія	въ случаѣ же непослушанія
—	22 ,	клубка,	лубка,
—	3 снизу	здышіе	здышніе
468	5 сверху	Владавскомъ	Виодавскомъ
469	4 ,	Хоромановскій	Хороманскій
—	6 ,	Заборахъ	Замборахъ
471	8 снизу	Градиска	Гродниска,

<i>Стр.</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
471	6 снизу	«Святого Яна».	«Святаго Яна».
—	5 »	Гарвенина.	Гарвенина,
—	4 »	Буковскому	Луковскому
472	2 сверху	Сокалова.	Соколова,
473	8 снизу	Ziemienika	Ziemienika
476	8 сверху	въ колдовствѣ считается	въ колдовствѣ, считается
480	12 снизу	въ мѣстѣ	вмѣстѣ
—	8 »	габа	габа
481	1 сверху	8)	3)
482	20 »	онъ	отъ
483	» »	Алоніями	Алоніями
—	» »	священнаго	священнаго
484	» »	вамъ	намъ
485	10 »	духовные	духовные
—	10 »	вредъ	вредъ
487	2 »	Родинскаго	Радинскаго
488	6 »	ототнать	отогнать
—	18 снизу	Талышинцы	Талышинцы
—	17 »	Шемахинскаго	Шемахинскаго
—	11 »	Африкъ	Америкъ
—	2 »	которые не были бы	которые были бы
489	13 »	мудштукомъ	мундштукомъ
490	8 »	Sine	Sinc
491	7 »	busaine,	розаше,
496	20 сверху	спектики	скептики
497	16 »	4 платки	4) платки
—	17 »	«Менахотъ» 44)	«Менахотъ» (44
497а	15 »	салузенъ».	«халузенъ».
—	19 »	Шуминна).	Шуминна).
—	11 снизу	Камнегуровской	Камнегуровской
—	19 »	Радиканскомъ	Радинскомъ
498а	16 »	и	и
499	4 сверху	канатами	канатами
—	10 »	богъ,	богъ,
—	8 снизу	какъ кажется, что мы	какъ кажется, мы
—	1 »	полосатыми	полосатыми
501	11 сверху	Вельки,	Вельки,
502	7 »	тибетцахъ	тибетцахъ
513	4 »	множно	множно
—	6 »	Свѣть истинный	Свѣть истинный,
514	6 »	я проговорю	и проговорю
—	7 снизу	мѣдные	мѣдные
516	1-я графа, 4 снизу	Весь	Весь,
—	1-я графа, 2 »	Бендажэ	Бендажэ
517	1-я графа, 10 »	ки	ки,
518	1-я графа, 2 свер.	Бокинка,	Бокинка
—	1-я графа, 3 »	Панская, докудовъ.	Панская, Докудовъ,
—	2-я графа, 5 снизу	Камнегуровская	Камнегуровская
—	3-я графа, 12 свер.	Думица	Дубица.
519	1-я графа, 8 снизу	Олизоровъ	Олизоровъ
—	2-я графа, 8 свер.	коростичи.	Коростичи.
—	2-я графа, 19 »	зановинъ,	Зановинъ, ¹⁾

¹⁾ Въ слѣдствіе лѣтнаго пребыванія редактора за границею, оплошности его замѣстителя и послѣдности типографіи въ III вып. и въ началѣ IV вып. Ж. Ст. вкрадось много опечатокъ, особенно въ ст. В. А. Мошкова. На бѣду къ приѣзду редактора въ Петербургъ статья В. А. Мошкова уже была отпечатана и оригиналъ ея былъ уничтоженъ. Пришлось безпокойтъ живущаго въ Варшавѣ автора просьбою о вовстановленіи значительныхъ пропусковъ (см. стр. 72 и пр.) и исправленіи разныхъ ошибокъ. Доброе намѣреніе замѣстителя помочь Живой Старинѣ выходить безъ запозданія къ сожалѣнью привело лишь къ тому, что запоздали выходомъ въ свѣтъ и IV вып. 1900 г. и I вып. 1901 г. Благодаря за благія желанія и услуги, Ред. Ж. Ст. просить извиненія у подписанчиковъ въ запозданіи книжекъ, но прибавляеть, что это изданіе, не посвященное ни политікѣ, ни модамъ, отъ послѣдности и своевременности выхода, ничего не выигрываетъ. Имѣя на рукахъ и другія дѣла, редакторъ прежде всего заботится о внутреннемъ содержаніи книжекъ и ихъ исправности.

ОТДЕЛЪ I.

Труба въ народныхъ вѣрованіяхъ.

(Окончаніе).

Трубы при рожденіи ребенка.

По вѣрованью, чрезвычайно широко распространенному въ старомъ свѣтѣ, человѣку съ первого же дnia его жизни грозить серьезная опасность со стороны нечистой силы. Средства, которыми въ это время стараются устранить отъ роженицы и новорожденаго опасность, отгоняя нечистую силу, повторяются повсюду почти тѣ же самые, которые употребительны при періодическомъ изгнаніи бѣсовъ, т. е. бываютъ палкой или кнутомъ по стѣнамъ дома, кладутъ подъ голову роженицѣ оружіе, употребляютъ сильно пахучія растенія, вродѣ чеснока, стрѣляютъ изъ ружей, жгутъ въ теченіе нѣсколькихъ дней неугасаемый огонь, ставить около роженицы воду, обводятъ ее очарованнымъ кругомъ и т. под. Но случаи, когда при родахъ обращаются къ помощи трубы, повидимому, очень рѣдки. Намъ удалось найти въ этнографической литературѣ только одинъ такой случай у кавказскихъ евреевъ въ С. Варташенѣ Нухинскаго уѣзда Елизаветпольской губ. Но и тамъ къ трубленію въ рогъ и стрѣльбѣ изъ ружей прибѣгаютъ не при каждомъ рожденіи, а только въ случаѣ трудныхъ родовъ (178).

Труба на свадьбахъ.

Вѣрованье, что на свадьбѣ надо ожидать вредъ для новобрачныхъ со стороны нечистой силы, также весьма широко распространено по земному шару и опасность въ этомъ случаѣ опять-таки устраивается тѣми же излюбленными средствами: заставляютъ свадебный поѣздъ перѣѣзжать черезъ огонь, разливаютъ передъ нимъ воду, кричать, шумать, поютъ, сопровождаютъ свадьбу музыкой и стрѣльбой, ходятъ съ обнаженнымъ оружіемъ, съ бичами или кнутами, устраиваютъ пляски, бѣга или скачки на лошадяхъ, причемъ

обходить или обвязываютъ вокругъ молодыхъ съ разными священными предметами или же заставляютъ ихъ самихъ обходить вокругъ чего либо, считающагося священнымъ и т. д.

Объ участіи музыки на свадьбахъ древнихъ евреевъ мы не вмѣемъ никакихъ данныхъ, но на свадьбахъ современныхъ евреевъ оркестръ, а въ особенности духовой, такая необходимая принадлежность, что безъ него не обойдется ни одинъ самый бѣдный еврей и, насколько намъ приходилось наблюдать, собирая материалы объ еврейской свадьбѣ въ г. Варшавѣ и въ мѣстечкахъ Волынской губерніи, еврейскій свадебный оркестръ никогда не обходится безъ какой-либо трубы; по общественнымъ понятіямъ, такой оркестръ непремѣнно долженъ быть громокъ и оглушителенъ.

Въ книгѣ г. Расина (*Costume historique*) приведена копія съ оригинального индійского рисунка, относящагося къ началу текущаго столѣтія, на которомъ изображена свадебная процессія. Во главѣ этой процессіи идутъ трубачи, играющіе на своихъ инструментахъ. Кроме того въ Бременскомъ музѣѣ есть огромная модель базара въ Ость-Индскомъ городѣ Агра, гдѣ изображены различные уличныя сцены и, между прочимъ, индійская свадебная процессія, впереди которой идутъ трубачи съ ихъ инструментами у рта.

У Абисинцевъ во главѣ свадебной процессіи шествуютъ музыканты съ трубами, флейтами и бубнами (179).

У хорватъ въ Муракѣѣ (въ Венгрии), когда свадебная процессія направляется въ церковь, то впереди ея выступаютъ два музыканта, играющіе на трубѣ и на гармоникѣ (180).

У русскаго народа въ старину свадьбы также сопровождались трубами, по крайней мѣрѣ у богатыхъ людей, что видно изъ великороссійской пословицы: „съ трубами—свадьба и безъ трубъ—свадьба“, приводимой у Даля (181).

У жителей г. Борну (въ Суданѣ), по разсказу извѣстнаго путешественника по Африкѣ, Эдуарда Фогеля, въ день свадьбы женихъ совершає торжественное шествіе черезъ весь городъ, а затѣмъ усаживается на возвышенномъ сѣдалицѣ передъ своимъ домомъ, причемъ публика тѣснится около него, барабанитъ, дудитъ въ рога и кричитъ: „вѣчно вамъ жить. Аллахъ благослови васъ. Дожить бы вамъ до сѣдыхъ волосъ“ (182).

Труба на похоронахъ.

По вѣрованью Китайцевъ, есть злые духи Фунгъ-шүэ, которые бродятъ вокругъ гроба и мучатъ покойника во время похоронъ, а потому обрядъ этотъ сопровождается у нихъ куренiemъ пахучихъ травъ, а также и грой

на трубахъ и другихъ духовыхъ и ударныхъ инструментахъ, наполняющихъ воздухъ оглушительнымъ шумомъ. Думаютъ, что такими пріемами можно отогнать отъ покойника злыхъ духовъ (183). Повидимому, вѣрованье китайцевъ принадлежитъ къ числу международныхъ, такъ какъ у иныхъ народовъ практикуются на похоронахъ тѣ же и многие другие пріемы, употребляемые при обрядѣ „изгнанія бѣсовъ“, какъ то: огни, которые жгутъ вокругъ покойника, вода, которая ставится возлѣ умирающаго и та, которой его обмываютъ, музыка, сопровождающая похороны, стрѣльба изъ ружей и пушекъ, курение душистыми травами, конекія скачки и т. д. Къ числу этихъ пріемовъ у многихъ народовъ земного шара принадлежитъ, также, какъ у Китайцевъ, и игра на трубахъ.

Объ участіи трубы въ похоронахъ древнихъ евреевъ мы не имѣемъ свѣдѣній, но у современныхъ этотъ обычай еще кое-гдѣ сохранился. Такъ у кавказскихъ евреевъ села Варташенъ Нухинскаго уѣзда Елисаветпольской губ., если умираетъ очень почетный и уважаемый человѣкъ, то его несутъ во дворъ синагоги, читаютъ тамъ молитвы и играютъ въ рожокъ (шуфарь), а затѣмъ уже несутъ на кладбище (184).

На рисункѣ, приводимомъ у Расинѣ, взятомъ изъ Пондишери, можно видѣть похороны брамина на югѣ Остъ-Индіи, также сопровождаемыя трубачами. Въ объясненіи къ рисунку сказано, что два человѣка обыкновенно играютъ на длинныхъ мѣдныхъ прямыхъ трубахъ (Phounda или Tagе) съ аккомпанементомъ другихъ, болѣе короткихъ трубъ.

У буддистовъ, въ Монголіи, звуками музыкальныхъ инструментовъ, съ преобладаніемъ трубъ, также сопровождаются похороны, но только не простыхъ смертныхъ, а князей (185).

Обычай хоронить покойника съ трубными звуками практиковался также у древнихъ обитателей Таврическаго полуострова. Въ катакомбѣ, открытой въ Керчи въ 1841 году, фрески изображаютъ похоронную процессію, во главѣ которой выступаютъ трубачи съ длинными прямыми трубами (186).

У древнихъ Римлянъ при похоронахъ во главѣ процессіи шли музыканты (tibicines), число которыхъ по закону было ограничено десятью, съ трубами, кларнетами и рожками (tubae, tibiae, cornua). Отсюда произошло латинское выраженіе „ad tubicines mittere“, что значитъ въ переносномъ смыслѣ „приговаривать къ смерти“ (187).

Въ настоящее время, во всей западной Европѣ съ духовымъ оркестромъ, состоящимъ изъ трубъ, хоронятъ лицъ военнаго сословія и особъ, пользующихся высокимъ общественнымъ положеніемъ, но кое-гдѣ похороны съ трубами сохранились и въ низшемъ классѣ, какъ напримѣръ: у Итальянцевъ (188), у баварскихъ нѣмцевъ (189) и у гуцоловъ (въ Галиціи). У этихъ

послѣднихъ кромѣ того, что провожаютъ умершаго съ трубнымъ звукомъ до самаго кладбища, передъ опусканиемъ гроба въ могилу, приподнимаютъ крышки его и трижды трубятъ надъ головой покойника (190).

Подобный этому обычай существуетъ и въ Полинезии на островахъ Тонга. Тамъ при похоронахъ Тун-Тонга (короля острововъ), когда покойникъ уже зарытъ въ землю, два воина трубятъ надъ его могилой въ военные трубы-раковины (191).

Обычай трубить надъ могилой покойника былъ въ стаину также и у Литовцевъ (191).

Сюда же нужно отнести употребленіе трубы на такъ называемомъ, „праздникѣ мертвыхъ“, т. е. на годовыхъ общественныхъ поминкахъ покойника. Такой обычай существуетъ до настоящаго времени въ Остъ-Индіи (193). Кромѣ того рогъ употребляется у африканскаго народа Латуковъ (въ верховьяхъ Нила) при пляскахъ, совершаемыхъ въ честь каждого покойника (194). Наконецъ, известный обычай Остъ-Индіи сожиганіе вдовъ, который близокъ по своему смыслу къ похоронамъ, также сопровождался трубами (195).

Трубнымъ звукомъ встрѣчаютъ восходъ солнца и провожаютъ солнце при закатѣ.

Такой обычай есть у русскихъ горцевъ, гудуловъ, въ Галиціи и соблюдается лѣтомъ на полонинахъ (на пастбищахъ). Пастухи ежедневно встаютъ передъ зарей, а когда солнце покажется на горизонте, то читаютъ молитву, оборотясь лицомъ къ востоку и 3 раза трубятъ въ трубу. Исполнивши обрядъ, они снова ложатся спать.

Очень близко къ этому обычай стоитъ вѣрованье албанцевъ, которые думаютъ, что ночью на трубѣ играть грѣшно, такъ какъ это значитъ только тѣшить черта, который подъ звуки трубы танцуетъ (196).

Нѣчто подобное было у древнихъ Персовъ, а именно трубою изъ пальмовыхъ листьевъ царя подавался сигналъ къ выступленію и къ битвѣ, но, вслѣдствіе религіознаго вѣрованья, такой сигналъ не могъ быть поданъ передъ восходомъ солнца (197). Въ современной Персіи также соблюдается до настоящаго времени древній обычай звуками трубы и барабана ежедневно оповѣщать народъ о восходѣ и заходѣ солнца. Исполняется этотъ обычай тремя музыкантами на самой возвышенной террасѣ дворца (198).

Професоръ Варшавскаго Университета Ф. И. Езбера, родомъ чехъ, рассказывалъ намъ, что въ стаину, за его память, лѣтъ 40 тому назадъ во

многихъ городахъ Чехії придерживались обычаи, чтобы ночные сторожа, влѣзая на башни, ежедневно въ 11 часовъ вечера играли на трубѣ, давая тѣмъ знать жителемъ города о наступлениі времени для сна. Въ настоящее время этотъ обычай уже совершенно исчезъ.

Въ древнемъ Римѣ ночные сторожа (*vigiliae*) и слуги при римскихъ магистратахъ трубными звуками оповѣщали народъ о каждомъ часѣ дня и ночи (199).

Хотя въ приводимыхъ нами примѣрахъ трубные сигналы имѣютъ скрѣ практическое, чѣмъ религіозное значеніе, но, судя по тому, что съ трубленіемъ при восходѣ солнца кое-гдѣ соединены и вѣрованья, можно думать, что разсматриваемый нами обычай въ древніе времена имѣлъ какое-то религіозное основаніе, которое съ теченіемъ времени было забыто.

Труба при лунныхъ затменіяхъ.

Вѣрованье, что солнце и луну во время ихъ затменія поглощаются, со-
суть или ъдѣть демоны, змѣи, драконы или другія миѳическая чудовища,
распространено во всѣхъ частяхъ свѣта, а вмѣстѣ съ нимъ распространено и
способъ прогонять этихъ чудовищъ различнаго рода шумами. Извѣстно, что
основанныхъ на такомъ вѣрованіи, мы приведемъ только одинъ, въ которомъ
участвуетъ труба.

Англійскіе путешественники, братья Ландерь, во время своего пребыва-
вія въ Африкѣ на берегахъ Нигера, въ гор. Бусса, были свидѣтелями лун-
наго затменія. Описывая ужасъ, который вызываетъ это явленіе среди дика-
рей, они передаютъ слѣдующее: „Дикари собрались на огромной площади
города, забравъ съ собою все необходимое для воспроизведенія звука, шума и
треска. Взрослые образовали большой тройной кругъ, бѣгали то туда, то сюда
со скоростью волчка, съ криками, воемъ и стонами, издававшимися изо всей
силы африканскихъ легкихъ, бросались во всѣ стороны, какъ бѣшеные, изги-
бались корпусомъ и крутили руками и ногами, производя тысячи судорож-
ныхъ движеній, скакали, прыгали стучали ногами объ землю и поднимали
руки въ небо. Внѣ круга бѣгали въ полномъ отчаянія маленькия дѣти, уда-
ряя другъ о друга пустыми тыквами и горько плача. Группы мужчинъ
дули до полнаго изнеможенія въ огромныя трубы, другіе въ воловыи
рога съ хриплыми нестройными звуками, иные со страшными усилиями били
въ старые надтреснутые барабаны, тогда какъ отъ желѣзныхъ прутьевъ и
цѣпей, стапкивающихся между собою, неслись ноты самая зловѣщія въ этомъ
дьявольскомъ концертѣ“ (200).

Труба отвращает чары.

Върованье, что труба можетъ отогнать отъ человѣка направленное на него колдовство мы находимъ не только въ Старомъ Свѣтѣ, есть оно и въ Новомъ, но только иѣсколько въ иномъ видѣ.

На Ново-Гебридскихъ островахъ (въ Полинезіи), какъ известно, существуютъ шаманы, почти такие же, какъ, въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ. Шаманы эти, по върованію туземцевъ, если пожелаютъ, могутъ вызвать болѣзнь или смерть человѣка, раздѣбывши отъ него нагакъ. Нагакомъ называются здѣсь брошенные вѣмъ-нибудь остатки пищи, которые бросать отиѣдь не слѣдуетъ, а нужно тайно сжечь или закопать. Если какой-нибудь полинезійскій шаманъ найдеть чьи-нибудь остатки пищи, то онъ завертываетъ ихъ въ древесную кору, а когда наступить ночь, то садится при огнѣ и понемногу сжигаетъ нагакъ. Если по близости находится кто-нибудь боленъ, то онъ просить кого-либо изъ своихъ домашнихъ занграть на трубѣ-раковинѣ для того, чтобы шаманъ оставилъ свое вредное дѣло. На утро шаману приносить выкупъ за возвращеніе „нагака“. Такой же обычай лишь съ малыми измѣненіями существуетъ кромѣ того на Маркизовыхъ островахъ и на островахъ Фиджи (201).

Труба излечиваетъ болѣзни.

Особенно любопытно соединеніе съ трубою вѣрованіе Семиградскихъ нѣмцевъ-колонистовъ. Образованіе гнойнаго нарыва они приписываютъ тому, что злой духъ, по имени Омъ (Ohm), входитъ въ человѣческое тѣло. Противъ него употребляютъ слѣдующее оригинальное средство: держать надъ нарываемъ трубу и просать кого-нибудь на ней поиграть. Во время этой игры больной долженъ приговаривать: „Heilige Blazius (отъ слова blazen- дуть, трубить), du frommer Knecht, thu mir recht, erhör' mein Gebet, treib' in den Wald meinen Ohm“ (т. е. Святой Блазіусъ, ты благочестивый слуга, окажи мнѣ справедливость, исполни мою молитву, выгони въ лѣсъ моего Ома). При этомъ наблюдается, чтобы надъ больнымъ мужчиной трубила женщина и наоборотъ. Послѣ произнесенія наговора приглашенная особа (а отиѣдь не самъ больной) должна выдуть на трубу еще иѣсколько звуковъ, обращая растрѣбъ инструмента въ сторону лѣса (202).

У монгольскихъ буддистовъ, по разсказу французскихъ миссіонеровъ Гюка и Габэ, вѣрятъ, что причиной болѣзни всегда бываетъ Чутгуръ, т. е. бѣсъ, а потому леченіе больного заключается въ изгнаніи этого бѣса. Вышеупомянутые миссіонеры были свидѣтелями излеченія одной жен-

щины отъ лихорадки; по ихъ описанію, въ шатерь, гдѣ была больная, сбрасывалось не менѣе восьми ламъ съ цимбалами, морскими раковинами, барабанами и колокольчиками. Изъ сушеныхъ кореньевъ они сдѣлали большую куклу, которую называли „бѣсомъ лихорадки“ и больную посадили противъ этой куклы. Передъ докторомъ-ламой стоялъ большой мѣдный тазъ; въ немъ было пишено и разныя фигуры изъ тѣста. По извѣстному знаку раздалась музыка, которая могла бы перепугать самого неустрешимаго и упорного черта. Когда музыка прекратилась, лама открылъ книгу заклинаній и стала пѣть томнымъ, унылымъ голосомъ и при этомъ выбиралъ изъ таза по нѣсколько пишенихъ зернушковъ и бросалъ ихъ кругомъ. Кончивъ заклинанія, лама подалъ знакъ остальнымъ своимъ товарищамъ, чтобы они начали „свою страшную музыку“. Монголы быстро вскочили, бѣгали другъ за другомъ вокругъ шатра и такъ при этомъ кричали, что у слушающаго „волосы могли бы стать дыбомъ на головѣ“. Сдѣлавши такимъ образомъ три тура вокругъ шатра, который они обсыпали палочными ударами, они опять вошли внутрь и сѣли на прежнія мѣста. Затѣмъ кукла была сожжена и всѣ присутствовавшіе процессіей вышли изъ шатра, неся въ рукахъ горящія головы. Шествіе открывали лица недуховныя, за ними больная, и въ концѣ ламы, снова затянувшіе свою „адскую музыку“. Этимъ былъ законченъ обрядъ леченія (203).

Труба сопровождаетъ главнѣйшія занятія человѣка: скотоводство и земледѣліе.

Свѣдѣнія обѣ употребленіи трубы у пастуховъ мы имѣемъ только изъ Европы. Обычай этотъ несомнѣнно принадлежитъ къ глубокой древности, но намъ удалось найти самое раннѣе свидѣтельство о немъ только въ исторіи древнаго Рима. Тамъ мѣдная труба *buccina*, подражавшая своей формой морской раковинѣ, употреблялась пастухами для собиранія скота и для вызыванія его изъ лѣсу (204).

Въ настоящее время пастухи вооружены трубами въ слѣдующихъ мѣстностяхъ Европы: во Франціи (205), въ Швейцаріи, въ Швеціи и Норвегіи (207), въ Венгріи (208), у Чеховъ (209), у Гуцуловъ (въ Галиціи) (210), у Латовцевъ и Латышей, у Поляковъ въ губерніяхъ: Ломжинской, Сувалкской, Плоцкой и Сѣдлецкой, у малороссовъ въ губ. Сѣдлецкой и Гродненской, у Бѣлоруссовъ и Полѣшуковъ въ губ. Минской, Виленской, Витебской, Могилевской, Смоленской и Черниговской, у Великороссовъ въ губ. Псковской, Новгородской, Петербургской, Олонецкой, Архангельской, Тверской, Костромской, Московской, Орловской и Владимірской.

Употреблениј трубы пастухами въ большей части Европы въ настоящее время почти утратило свой смыслъ вмѣстѣ съ истреблениемъ лѣсовъ и дикихъ звѣрй, но на сѣверѣ ея, въ Швеціи и въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ, и лѣсовъ и дикихъ звѣрей еще очень много, а потому тамъ трубы служить кромѣ созыванія скота еще и для отпугиванія звѣрей. У Шведовъ, какъ мы уже видѣли, до сихъ поръ сохранился праздникъ пастуховъ, спрашивающійся при первомъ выгонѣ скота въ поле. Въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ день этотъ празднуется почти также, какъ въ Швеціи. Надъ скотомъ служится молебенъ, его опрыскиваютъ святой водой и иногда перегоняютъ черезъ огонь, обходить вокругъ него съ образомъ и т. под., но вмѣсто трубныхъ звуковъ дѣлаютъ наговоры надъ трубами, сопровождая ихъ разными обрадами. Обряды эти въ с. Уница Петрозаводскаго уѣзда Олонецкой губерніи, по записи изъ нашего знакомаго, доктора С. В. Тучемскаго, состоять въ слѣдующемъ:

Пастухъ, панимающійся пасти деревенскій скотъ въ теченіи наступающаго лѣта, беретъ воскъ отъ свѣчи, горѣвшей сперва передъ циацціей, а потомъ во время Христовской (Пасхальной) заутрени. Съ этимъ воскомъ онъ приходитъ къ своему стаду, беретъ по волосинкѣ отъ каждого животнаго и закатываетъ ихъ въ воскъ. Надъ воскомъ онъ говорить такъ называемый отпускъ или наговоръ. Такихъ отпусковъ въ С. Уницахъ три: Майскій, Іюльскій и Сентябрскій. Изъ нихъ пастухъ въ началѣ лѣта произносить только первый и при этомъ трижды обходить вокругъ стада по солнцу. Наговоренный воскъ раздѣляется на двѣ половины; одну половину пастухъ носить при себѣ, т. е. кладеть ее подъ берестяную обкладку трубы, а другую въ какое-либо мокрое мѣсто, гдѣ бы ее никто не тронулъ. Такой же самыи обрядъ повторяется потомъ въ Іюль и въ Сентябрь. Въ приложеніи къ настоящей статьѣ, мы печатаемъ три названные отпуска цѣликомъ, а здѣсь приведемъ только слова ихъ, относящіяся къ трубѣ. Вотъ что говорится въ Іюльскомъ отпускѣ: „заяграю я, рабъ Божій, пастырь (Им. р.), въ свой рогъ или трубу, я проговорю сіи слова: „собирайся мой милый скотъ, крестьянскій животъ, быки и коровы, нетели и малыя телата, идите, бѣжите ко своимъ домамъ, ко своимъ хозяевамъ, какъ летить изъ лука стрѣла, сколь прямо и сколь ярко, назадъ не возвращается и какъ ярыя пчелы сходятся и слетаются въ свои ульи и какъ малые мураши сходятся и свиваются къ своему царю, большому муравью и какъ шасть и горить уголь въ горѣ, такъ шаально бы и горѣло у всякой скотинѣ по скотинѣ поръ (?) и сердце по своемъ хозяину и хозяйкѣ и по мнѣ, рабѣ Божиѣмъ, пастырь (Им. р.) по моемъ трубному голосу“....

Кромѣ приводимыхъ нами Олонецкихъ отпусковъ, еще нигдѣ не напечатанныхъ, въ нашей этнографической литературѣ, есть еще нѣсколько ихъ

записанныхъ: 1) въ Олонецкой же губерніи, но въ Пудожскомъ уѣздѣ (211), 2) въ Новгородской (212) и 3) въ Архангельской (213). Въ Новгородскомъ отпускѣ про воскъ (съ закатанной въ него шерстью) сказано: „одну часть положи настухъ въ свою трубу подъ берестку или въ рогъ, а другую часть воска съ шерстью положи въ замокъ и тотъ замокъ замкни“... А про трубный звукъ говорится. „И какъ сходится народъ Божій, крещеный по колокольному звону и приходило бы мое счетное стадо коровье, конное и овчье на мой голосъ и трубу“. Въ другомъ мѣстѣ: „и затрублю въ свою трубу или въ рогъ заиграю тогда бы на голосъ трубы мой скотъ, Влашевъ родъ, со всѣхъ сторонъ всѣ скоплялись“... Въ Архангельскомъ отпускѣ про воскъ сказано: „положи третью въ дерево, другую третью— въ замокъ, третію третью заверти въ рогъ, замокъ запечатай инымъ воскомъ и замки и ключъ утони въ воду“...

Что касается земледѣлія, то наиболѣе интересный обычай связанный съ этими родомъ занатій существуетъ у чеховъ. Ихъ раковины-трубы называются trouby proti mgasním (т. трубы противъ грозовыхъ тучъ). Г. Рачекъ, описывая эти трубы, говоритъ, что въ Кучерѣ съ незапамятныхъ временъ они употреблялись для отогнанія грозовыхъ тучъ. Полевой сторожъ (Glidač polný) постоянно носить такую трубу при себѣ въ полотниномъ чехлѣ, чтобы отогнать тучу, пока она еще въ зародыши. Такой трубачъ, если только гдѣ нибудь завидитъ зловѣшнюю тучу, становится противъ нея, поднимаетъ свою трубу вверхъ и не перестаетъ трубить до тѣхъ поръ, пока туча не разойдется, хотя бы около него ударяла молнія и самъ бы онъ промокъ до костей. Когда такой трубачъ въ первый разъ съ весны выходитъ въ поле, онъ долженъ выполоскать свою трубу священой водой и обтереть священой солью. Онъ трубить все лѣто, пока не начнется жатва. Народъ вѣрить въ силу этой трубы и никакимъ образомъ нельзя его въ этомъ разубѣдить (215).

Къ этому можно еще прибавить, что малороссы Ковельского уѣзда трубить по окончаніи жатвы, во время посѣва озимаго хлѣба, для того, чтобы, по ихъ выражению, „жито крутилося въ трубу“, а въ Тибетѣ ламы выходятъ въ полѣ и трубить передъ началомъ жатвы (216).

Труба, какъ боевой инструментъ.

Едва ли не самыи важныи практическими примѣненіемъ почти у всѣхъ народовъ земного шара было пользованіе трубою на войнѣ. Изъ перечисленныхъ нами народовъ, у которыхъ прината труба, едвали найдутся такие, которые бы не примѣняли этого инструмента въ военномъ дѣлѣ, тѣмъ

болѣе, что даже въ европейскихъ арміяхъ онъ не утратилъ еще до сихъ поръ нѣкоторой доли своего значенія.

Труба оказывала людемъ на войнѣ услугу троекаго рода: во первыхъ, какъ сигнальный инструментъ, облегчавшій сношеніе между людьми на большихъ разстояніяхъ, во вторыхъ, какъ инструментъ громкій, наводившій на враговъ ужасъ въ особенности, когда игроки на немъ соединились въ массы, и въ третьихъ, какъ такой инструментъ, который мощнімъ звукомъ своимъ въ состояніи былъ вызывать энтузіазмъ въ рядахъ воюющіхъ.

Мы видѣли уже, что въ Біблії труба, какъ сигнальный инструментъ, рекомендовалась евреямъ отъ имени самого Бога, и тогда же опредѣлено было значеніе каждого отдельнаго трубного сигнала. Изъ Бібліи же мы узнаемъ, что евреи пользовались на войнѣ огромными военными оркестрами или лучше сказать скопленіями музыкантовъ. Такъ, напримѣръ, благодаря трубачамъ, Гедеонъ при одномъ изъ столкновеній съ мадіанитянами обратилъ въ бѣгство своего многочисленнаго непріятеля. Въ его распоряженіи было только 300 человѣкъ солдатъ, а мадіанитянъ было, по словамъ Бібліи, такъ много, „какъ саранчи“. Гедеонъ, по приказавшю Божію, вооружилъ свою маленькую армію вмѣсто оружія трубами и кувшинами, скрывавшими въ себѣ зажженные факелы. Эти триста Израильтянъ ночью окружили лагерь непріятеля и своей игрой на трубахъ вмѣстѣ со свѣтомъ факеловъ навели такой ужасъ на мадіанитянъ, что тѣ обратили свое оружіе другъ противъ друга и бѣжали въ полномъ безпорядкѣ (217).

Въ другой разъ Авія, царь Іудейскій, съ войскомъ своимъ былъ окруженъ превышавшимъ его силы войскомъ невѣрнаго царя Израильскаго, Іеровоама. Не потерявши присутствія духа, Авія приказалъ священникамъ затрубить въ трубы. Музыка эта возбудила такой энтузіазмъ въ его солдатахъ, что они, бросившись на своего многочисленнаго противника, не только избѣжали опасности, но еще и заставили войска Іеровоама обратиться въ бѣгство (218).

Въ древности, кромѣ евреевъ, труба употреблялась въ Азіи въ качествѣ военно-сигнальнаго инструмента еще у Ассирийцевъ (219), у Персовъ (220), у Мидійцевъ (221), и у Арманъ (222), въ Африкѣ—у Египтянъ (223), а въ Европѣ—у Римлянъ (224), Этрусковъ (225), Грековъ (226), Фракійцевъ (227), Германцевъ (228), Галловъ (229), Бриттовъ (230), Скандинавовъ (231), Литовцевъ (232) и Славянъ (233).

Кромѣ краткихъ замѣтокъ и данныхъ, добытыхъ раскопками, о военной трубѣ у всѣхъ вышеперечисленныхъ народовъ, мы имѣемъ о томъ же предметѣ еще кое-какія историческія свидѣтельства. Такъ о древніхъ Персахъ говорять, что у нихъ труба считалась „национальнымъ“ инструментомъ. О другихъ народахъ древности, какъ о Фракійцахъ, Галлахъ и Сла-

вияхъ, передають, что у нихъ сигналъ къ началу боя подавался страшныи мъ или ужасныи мъ ревомъ трубы. Наконецъ, о Грекахъ историки думаютъ, что у нихъ трубы, какъ военный инструментъ, вошла въ употребление только въ историческія времена, т. е. сравнительно позже, чѣмъ у другихъ народовъ, которые употребляли на войнѣ трубы съ незапамятныхъ временъ. Гомеръ, хотя и знаетъ трубы, но еще не упоминаетъ о ней какъ о военномъ инструментѣ, впервые она является таковыми у Эсхила (234).

У насъ на Руси начало употребленія трубы въ качествѣ военного инструмента также теряется въ глубокой древности. Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ говорится: „трубы трубятъ въ Новѣгородѣ, стоять стави въ Путевѣ“. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что въ древней Руси трубы были всякий разъ при выступлениі въ походъ, и что въ 12 столѣтіи русскія воинныя трубы были совершенно прямыя, вродѣ нынѣшнихъ пастушьихъ рожковъ (235).

Въ настоящее время труба, какъ военный инструментъ, распространена повсюду, гдѣ только армія устроена на европейскій ладъ. А потому мы не будемъ ничего говорить о современной Европѣ, гдѣ арміи во всѣхъ ея государствахъ болѣе или менѣе одинаковы.

Объ Азіи можно сказать, что тамъ труба, какъ военный инструментъ, независимо отъ Европейскаго вліянія существовала кромѣ евреевъ, ассирийцевъ, персовъ, мидійцевъ и армянъ еще у арабовъ, у иѣврійцевъ изъ тюркскихъ народовъ и у китайцевъ. Такъ известно, что она была прината въ Ново-Персидской монархіи временъ Сассанидовъ (отъ 3 до 7 вѣка по Р. Х.) (236), известно также, что у турокъ-османъ была своя собственная военная труба подъ названіемъ кабуцира (237) и что по образцу „турецкой или анычарской“ музыки были сформированы европейскіе военные оркестры (238). Есть также военные трубы у Коканцевъ, хотя войска ихъ устроены вовсе не по Европейскому образцу (239). Что касается китайцевъ, то въ ихъ войскѣ, которое менѣе всего можно упрекнуть въ заимствованіяхъ изъ Европы, для военныхъ сигналовъ употребляется двоякаго рода трубы: 1) длинныя, прямыя, металлическія и 2) раковины (240).

Въ Африкѣ военные трубы имѣютъ весьма важное значеніе въ Абиссиніи. Тамошняя труба издастъ только одинъ звукъ громкій, грубый и внушающій страхъ. Въ походахъ, когда еще не видно непріятеля, она звучить умѣренно, но во время атаки въ нее дуютъ такъ сильно и бурно, что звукъ ее приводить абиссинскихъ солдатъ въ ярость и бѣшенство. Не заботясь о своей жизни, они съ жаромъ бросаются тогда на непріятеля. Даже въ мирное время, по словамъ англійскаго путешественника Брюса, пока эта труба зву-

чть, никто не оставался сидть, вскакивали и испытывали необходимость двигаться (241).

Въ другихъ мѣстностяхъ Африки труба также является военнымъ инструментомъ у негритянскихъ племенъ: Вакуафи (въ Нубія) (242), Вагого (во внутренней Африкѣ) (243), Дагомейцевъ (въ западной Африкѣ), Говасовъ Мадагаскара (244) и у негровъ Самори (245).

Въ Австралии, на о-хъ Тонга, военной трубой считается раковина, а на Новой Зеландіи деревянная труба (Британскій музей).

Въ Америкѣ еще до прихода туда европейцевъ воинственный краснокожія племена, жившія въ Центральной Америкѣ, по берегамъ Мексиканскаго залива, производили дикую военную музыку раковинами — трубами, дудками и барабанами (246).

Въ прямомъ отношеніи къ военному дѣлу въ древности стояли всевозможныя состязанія въ физической силѣ и ловкости, какъ то: скачки, борьба, рыцарскіе турниры и проч., а потому во многихъ мѣстахъ земного шара принято было начинать ихъ непремѣнно по сигналу трубы. Такъ, въ древнемъ Римѣ трубой сопровождались игрища (247), въ средніе вѣка въ западной Европѣ виссіна обязательно присутствовала на всѣхъ турнирахъ, ею подавали сигналъ къ началу и окончанію боя (248). Кое-гдѣ въ видѣ переживанія обычай начинать состязанія звуками трубы сохранился и до нашего времени. Такъ, напримѣръ, въ Испаніи трубой подается сигналъ къ началу боя быковъ (249), а на островѣ Корфу — къ началу скачекъ, бывающихъ во время карнавала (250). У Имеретинъ трубой подается сигналъ къ началу полурелигіозной игры „въ мячъ“ (251).

Трубами позорять людей, совершившихъ безнравственный поступокъ.

Изъ предыдущаго мы видѣли, что съ незапамятныхъ временъ человѣкъ считалъ трубные звуки однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ противъ нечистой силы, а трубу — инструментомъ священнымъ. Вѣра эта была въ древнія времена настолько искреннею, что человѣкъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы злоупотреблять трубой и не могъ бы допустить пользованія ею въ случаяхъ, несоответствующихъ тому высокому положенію, которое инструментъ этотъ занималъ въ его религії. Съ этой точки зрѣнія, если мы видимъ въ настоящее время какой-либо обычай, злоупотребляющій трубой, напримѣръ направляющій звуки ея вместо нечистой силы противъ самого человѣка, то мы вправѣ сдѣлать заключеніе двоякаго рода: или, что обычай, нами взятый, относится не къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда труба высоко стояла въ глазахъ человѣка, а къ болѣе позднимъ, когда этотъ инструментъ

ужъ успѣлъ потерять свое религиозное значеніе, или же въ нашемъ обычаѣ есть какой-либо элементъ, незамѣтный съ первого взгляда, который ставитъ его наравнѣ съ другими древніми обычаями и примиряетъ кажущуюся его нелогичность и противорѣчіе съ общимъ порядкомъ вещей.

Если, исходя изъ сказанного, мы обратимся къ обычаю пользоваться трубою на войнѣ, гдѣ предполагаемая сила трубы направлена не противъ злого духа, а противъ человѣка, то не можемъ прійти къ первому изъ нашихъ двухъ заключеній, потому что употребленіе трубы на войнѣ относится къ самой глубокой древности. Слѣдовательно остается заключить, что человѣчество приравнивало своего непріятеля на войнѣ къ злому духу. И дѣйствительно мы знаемъ не мало фактовъ изъ исторіи войнъ, когда, по древнимъ вѣрованьямъ, войска обѣихъ враждующихъ сторонъ направлялись другъ на друга не самопроизвольно, а по внушенію божества. Множество примѣровъ такого вѣрованья мы находимъ между прочимъ въ исторіи Троянской войны. Слѣдовательно, если признано, что нашу армію ведетъ на войну доброе божество, то нашихъ непріятелей направляетъ на насъ божество злое, нечистая сила, противъ которой употребленіе трубы одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ и еамыхъ законныхъ средствъ.

Гораздо труднѣе доказать древность обычая, поставленного въ заголовкѣ настоящей главы, который у французовъ называется шаривари и направляется противъ вдовца или вдовы, вступающихъ во второй бракъ. Но прежде, чѣмъ приступить къ доказательству, необходимо познакомить читателей съ деталями обычая, какъ онъ передаются во французскихъ этнографическихъ журналахъ.

Французские простолюдины различаютъ шаривари малое и большое. Какъ то, такъ и другое по своей идѣѣ выражаютъ протестъ деревенского общества противъ безнравственнаго поступка кого-либо изъ его членовъ. Шаривари малое состоится въ томъ, что крестьяне собираются въ свободное отъ работы время, т. е. по вечерамъ или по ночамъ подъ окнами того изъ своихъ членовъ, которому устраивается шаривари. Всѣ собравшіеся вооружены деревянными и роговыми трубами и различными домашними ударными инструментами въ родѣ котловъ, кастрюль, сковородокъ, горшковъ, щипцовъ и т. под. При помощи всѣхъ этихъ инструментовъ, на которыхъ играютъ одновременно, при помощи криковъ и пѣсенъ, сочиненныхъ на этотъ случай, иногда неприличныхъ, получается невыносимая, оглушительная какофонія, продолжающаяся иногда цѣлые часы въ теченіи многихъ дней. Всякіе протесты противъ подобнаго нарушенія спокойствія со стороны, страдающей отъ него, въ большинствѣ случаевъ оказываются безполезными. Полиція въ малыхъ деревняхъ или очень слаба, чтобы помѣшать подобнымъ концертамъ, или же, что бываетъ чаще, смотрѣть на нихъ сквозь пальцы. Если страдающее лицо попытается своими собственными силами возвратить свои нарушенныя права, или

выразить свое неудовольствие бранью, то устроители концерта переходятъ ко второй степени малаго шаривари: призывными звуками трубы собираютъ они своихъ друзей и приятелей и увеличиваютъ число концертантовъ въ нѣсколько разъ. Шаривари малое устраивается преимущественно тогда, когда происходит свадьба между вдовцами или когда одинъ изъ брачующихся вдовецъ. Въ большинствѣ случаевъ въ такомъ шаривари нѣть даже никакого протеста, такъ какъ бракъ вдовца, по современнымъ понятиямъ, не предосудителенъ. Вѣроятно оно совершается просто въ силу обычая, какъ переживание прошлаго. Что касается шаривари большого, то оно очень часто выражаетъ дѣйствительный протестъ деревенского общества, такъ какъ практикуется въ томъ случаѣ, если брачующіеся извѣстны въ деревнѣ своей безнравственностью. Въ такомъ случаѣ вместо концерта устраивается настоящее драматическое представление. Какого-либо изъ сосѣдей того лица, которому хотятъ устроить шаривари, одѣваютъ и гримируютъ такъ, чтобы онъ по возможности походилъ на виновника торжества, затѣмъ ему придаютъ карикатурный видъ, сажаютъ на осла лицомъ къ хвосту и возятъ по деревнѣ съ трубами въ укомъ, съ барабаннымъ боемъ, съ криками и пѣснями. Шаривари большие и малые практикуются въ настоящее время во Франціи: въ Пуату, Бурбонѣ, въ департаментѣ Шаранты, въ Анжу, въ Коть-дѣ Нордѣ, а кромѣ того на о-вѣ Корсикѣ и въ Бельгіи (252).

Такой же самый обычай есть и въ Германіи, онъ очень древній и назывался прежде „Тиръагдъ“ (Tierjagd). Въ настоящее время онъ почти исчезъ и сохранился только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ горной Баваріи подъ вазваніемъ Haberfeldtreiben. Народъ прибѣгаетъ къ нему въ тѣхъ случаяхъ, когда хочетъ собственнымъ самосудомъ покарать кого-либо изъ своихъ согражданъ за обманъ, ростовщичество, мошенничество, кутежъ, не имѣющій границъ, и, такъ же какъ во Франціи, за нарушеніе общепринятаго кодекса нравственности. Въ общихъ чертахъ нѣмецкій Тиръагдъ напоминаетъ французское „шаривари“: также собирается народъ со всевозможными инструментами, въ числѣ которыхъ не послѣднюю роль играетъ труба, дѣлаемая нарочно для этого случая изъ древесной коры. Также производится адскій шумъ вокругъ дома виновнаго. Но все это дѣлается болѣе неожиданно, чѣмъ у французовъ, непремѣнно ночью, при свѣтѣ факеловъ и людьми, одѣтыми въ маски. Въ отличіе отъ „шаривари“, Тиръагдъ обставляется особенной таинственностью, такъ какъ результаты его бываютъ менѣе невинны, чѣмъ во Франціи: виновнаго не только подвергаютъ публичному посрамленію, но кромѣ того и побоять, которые, въ случаѣ активнаго сопротивленія жертвы самосуда, не всегда кончаются благополучно (253).

Въ Кампаніи, въ Италии, труба изъ морской раковины и воловій рогъ обязательно участвуютъ при воспроизведеніи той страшной накофоніи,

которою тамошне крестьяне угощаютъ новобрачныхъ въ первые три вечера послѣ свадѣбы въ томъ случаѣ, если одинъ изъ нихъ вдовецъ. Автоніо Де Ніно разсказываетъ, что ему довелось быть свидѣтелемъ подобной же сцены въ Монреалѣ на свадѣбѣ старого вдовца. „Свадебный поѣздъ весело дви-гался по улицѣ, сопровождаемый большою толпой зрителей. Вокругъ раздавались громкій и рѣзкій звонъ колокольчиковъ, стукъ въ кочерги, угольные ковши, металлическія крышки, бренчанье связками ключей, ко всему этому крики и свистки цѣлымъ хоромъ. Не было здѣсь недостатка и въ молотѣ съ наковальней—кузнецъ нарочно вынесъ ихъ за двери своей кузницы. Спе-циалисты наигрывали въ мѣдные рожки. А одна веселая компания отвязала на колокольнѣ колоколь и пустила его въ дѣло. Колоколу вторили удары по дну кадокъ и ушатовъ“ (254).

Несомнѣнно, что этотъ обычай принадлежитъ къ числу международ-ныхъ, такъ какъ мы встрѣчаемъ его не въ одной западной Европѣ. Въ с. Косковѣ, Свіяжскаго уѣзда (у великороссовъ) ко дню бракосочетанія вдовца мальчики и взрослые парни заготовляютъ возможно большее количество изно-шеннѣхъ лаптей, въ день самаго бракосочетанія они съ собранными лаптами отправляются къ церкви и ждутъ выхода новобрачнаго вдовца. Лишь только онъ выйдетъ изъ церкви, мальчики и парни начинаютъ бросать въ него гнилыхъ лапти. Нѣкоторые, связавъ три лапти вмѣстѣ, стараются такую связку повѣсить новобрачному на шею. Бросанье лаптей въ новобрачнаго продолжается до входа его въ домъ, или выѣзда за полевыя ворота (255).

У Уфимскихъ черемисъ, гдѣ жители села строго наблюдаютъ за нрав-ственностью другъ друга, въ случаѣ замѣченныхъ близкихъ вѣвѣбрачныхъ отношеній между холостыми парнемъ и дѣвушкой, заставляютъ ихъ вѣн-чаться; въ случаѣ же если въ томъ же попадется вдова съ парнемъ или женатымъ, выводятъ виновныхъ на улицу, привязываютъ другъ къ другу шнурками отъ птановъ, обвѣшиваютъ обоихъ старыми метлами, вѣнниками, лаптами и т. под. и водятъ по улицамъ села, при чмъ одинъ изъ сопут-ствующихъ десятскихъ бѣть въ барабанъ (256).

Нѣчто подобное французскому большому шаривари въ старину устраивалось у гагаузовъ Бендерскаго уѣзда, гдѣ замѣченныхъ въ незаконной связи сажали, такъ же, какъ у французовъ, на осла и съ крикомъ возили по улицамъ села. Тоже самое дѣлается и до настоящаго времени у имеретинъ (257).

Видоизмѣненіемъ того же обычая можно считать практикующіе въ разныхъ мѣстахъ Россіи способы публичнаго посрамленія воровъ, которыхъ водятъ по улицамъ, обвѣшивая украденными вещами, или родителей и род-ственниковъ дѣвушки, несоблювшей невинности на которыхъ надѣваютъ хомуты и т. под. Сюда же надо отнести обычай студентовъ всего цивилизованнаго міра устраивать передъ окнами неугодившаго имъ профессора кошачьи сиренады и т. п.

Для нась въ настоящемъ случаѣ важно въ обычѣ, нами разсматриваемомъ, то, что во Франціи, Германіи и Италии онъ сопровождается трубами или рогами. Если ихъ нѣть въ данной мѣстности въ то время, когда нужно устроить шаривари, то ихъ нарочно заказываютъ „саботьерамъ“ (мастерамъ деревянной обуви), какъ это дѣлается въ Бельгіи, или берутъ у жнецовъ, какъ въ Пуату. Отсюда самый обычай шаривари въ иѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ въ Бельгіи, называется cornage, т. е. трубленіе, отъ слова corne — рогъ. Отсюда же и русское фигуральное выраженіе трубить, прорубить, въ смыслѣ разнести какую либо вѣсть въ обществѣ (258), у французовъ — согнегъ, у иѣмцевъ — ausposaশпенъ, у англичанъ — то trumpet и т. д.

Итакъ, изъ прилагаемыхъ примѣровъ видно, что народъ въ разныхъ мѣстахъ Европы приравниваетъ бракъ между вдовыми къ мошеничеству, растовщичеству, кутежу, незаконному сожительству и другимъ несомнѣнно безнравственнымъ поступкамъ. А такъ какъ въ наше время бракъ вдовцовъ вовсе не считается безнравственнымъ, то значитъ, что онъ когда-то считался таковымъ, но взгляды народа на нравственность перемѣнились, а способъ карать лицъ безнравственного поведенія пережилъ свое время.

Это обстоятельство, по нашему мнѣнію, доказываетъ древность обычая шаривари, что подтверждаетъ также и его широкое распространеніе. Какимъ бы способомъ это распространеніе не совершилось, оно несомнѣнно требовало большой промежутокъ времени для своего осуществленія. Если же обычай шаривари принадлежитъ къ числу древнихъ, т. е. относится къ тѣмъ временамъ, когда на трубу смотрѣли съ уваженіемъ и не стали бы ею злоупотреблять, то значитъ, что въ старину на преступленія противъ общественной нравственности смотрѣли, какъ на дѣйствіе злого духа, и трубой старались отогнать его отъ преступника.

Обычай трубить периодически во второе (осеннее) полугодіе въ теченіи извѣстнаго промежутка времени.

Хотя обычай периодического трубленія въ осеннее полугодіе нами уже разсматривался выше, но мы выдѣлили здѣсь частыи случай этого обычая въ отдельную главу и главнымъ образомъ, потому что ради него собственно собранъ нами весь этнографическій материалъ, вошедший въ настоящую статью.

Записывая вѣрованья, обряды и обычай отъ малороссовъ, бывшихъ уніатовъ, въ Бѣльскомъ и Радинскомъ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи, мы натолкнулись на обычай, поставленный въ заголовокъ настоящей главы, который поразилъ насъ своею странностью, какъ по его внутреннему содержанію, такъ и потому, что въ материалахъ малороссійскихъ, бѣлорусскихъ и великорусскихъ, собранныхъ раньше, мы не нашли ничего къ нему подходящаго. Такъ какъ

обычай этот и его, повидимому, нерусское происхождение настъ заинтересовали, то намъ и пришлось обратиться за разъясненіемъ сначала къ этнографическому матеріалу ближайшихъ сосѣдей: польсовъ и литовцевъ, а потомъ, расширяя все болѣе и болѣе область изслѣдованія, собрать всѣ тѣ даныя, изъ которыхъ составилась настоящая статья. Часть ихъ мы почерпнули изъ этнографической литературы, а часть собрали сами записываніемъ отъ народа. Надо добавить, что въ настоящемъ случаѣ, кромѣ самого обычая, нашъ интересъ возбуждали и другие вопросы: во-первыхъ, общій вопросъ о томъ, какъ распространяются одни и тѣ же вѣрованія среди различныхъ народныхъ группъ, а во-вторыхъ смутная надежда на то, что факты, нами собранные и еще неизвѣстные наукѣ, могутъ пролить свѣтъ на историческія судьбы заинтересовавшаго настъ русскаго Забужья, или же указать правильный путь къ такого рода изслѣдованіямъ. Насколько оправдались наши надежды, читатель увидѣть изъ послѣдующаго.

Начавши съ Радинскаго уѣзда Сѣдлецкой губ., мы прослѣдили районъ распространенія интересовавшаго настъ обычая во всѣ стороны и старались по возможности опредѣлить его границы, чего намъ удалось достигнуть только отчасти, такъ какъ районъ этотъ оказался слишкомъ великъ для его поднаго изслѣдованія силами одного человѣка. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ мы не упускали ни малѣйшаго случая отмѣтить въ записную книжку: 1) тѣ села и деревни, въ которыхъ нашъ обычай существуетъ по настоящее время, 2) тѣ, въ которыхъ онъ былъ прежде, но уже оставленъ и 3) тѣ, въ которыхъ онъ вовсе неизвѣстенъ.

Во многихъ изъ этихъ мѣстностей мы побывали сами, о другихъ спрашивали людей, тамъ живущихъ, живавшихъ прежде или только что оттуда пріѣхавшихъ, изъ духовенства, помѣщиковъ и сельскихъ учителей, а, главнымъ образомъ, отъ крестьянъ, собиравшихся на базарахъ, ярмаркахъ и въ мѣстахъ богомолья. Кромѣ того намъ помогали въ этомъ дѣлѣ нѣкоторые изъ нашихъ знакомыхъ мѣстныхъ крестьянъ, не на шутку заинтересовавшихся нашимъ изслѣдованіемъ. И вотъ въ результатѣ всего этого у настъ накопилось столько данныхъ, что оказалось возможнымъ составить карту, если не всего, интересовавшаго настъ района, то его центральной, наиболѣе извѣстной намъ части. Карту эту и списокъ населенныхъ мѣстъ, о которыхъ были получены свѣдѣнія, мы прилагаемъ къ настоящей статьѣ.

Центръ нашего обычая находится приблизительно въ Брестскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи около рѣки Буга и распространяется отсюда узкой полосой на сѣверо-западъ и на юго-востокъ. Въ Гродненской губ. мы нашли его въ уѣздахъ: Брестскомъ, Бѣльскомъ, Пружанскомъ, Кобринскомъ и Слонимскомъ. Самый обычай заключается здѣсь въ томъ, что молодежь мужскаго пола въ свободное время, чаще всего вечеромъ или ночью, трубить въ очень

длинную трубу въ теченіи всей осени, начиная съ того времени, когда окончена жатва и вывезенъ съ поля послѣдній снопъ и вплоть до наступленія зимы, т. е. до появленія первого снѣгу. При этомъ строго наблюдается, чтобы кто-нибудь, сохрани Богъ, не началъ трубить раньше времени, что считается большими грѣхомъ. Если нетерпѣливая молодежь раньше опредѣленного срока издастъ хоть одинъ звукъ на трубѣ, то старшіе отбираютъ трубу и ломаютъ, иначе той деревни, где это случилось, по ихъ мнѣнію, грозить неминуемое наказаніе отъ Бога. Исключение составляеть только сѣверо-западный уголокъ Брестскаго уѣзда (Ратайчичская волость), где начинаютъ трубить, не справляясь съ состояніемъ жатвы, а съ Ильина дна (20 Июля), и продолжаютъ трубленіе, какъ и въ иныхъ мѣстахъ Гродненской губ., до наступленія холодовъ, по поводу чего въ этой мѣстности есть даже пословица: „Одѣ Ильи берыся до трубы“. О цѣли, съ которой производится трубленіе, большинство крестьянъ отзываются незнаніемъ, иначе прибавляютъ, что такъ ведется изстари, что обычай унаслѣдованъ отъ отцовъ и дѣдовъ, а что оно дѣйствительно угоденъ Богу, видно изъ того, что въ некоторыхъ мѣстахъ пробовали его „сасовать“ (уничтожить), но потомъ всегда за этимъ слѣдовали наказанія въ видѣ эпидеміи, пожаровъ, неурожаевъ и проч.

На востокѣ отъ Гродненской губ. тотъ же обычай намъ удалось прослѣдить въ уѣздахъ Шинскомъ и Мозырскомъ Минской губ. Онъ тамъ совершенно одинаковъ съ обычаемъ Гродненской губ., но причину, почему нельзя начинать трубленіе раньше окончанія жатвы, здѣсь объясняютъ тѣмъ, что труба „призываетъ зиму“, а потому, если приняться за нее раньше времени, то зима наступитъ раньше обыкновенного и будетъ суровая.

Въ с. Давыдъ—городѣ Мозырского уѣзда, составляющемъ по всѣмъ признакамъ крайній восточный пунктъ распространенія нашего обычая, трубы тоньше и короче, чѣмъ въ Шинскомъ уѣздѣ и трубить на нихъ не взрослые парни, а ребятишки-подростки, осенью, когда пасутъ коней и noctуютъ въ полѣ.

Въ Волынской губерніи обычай нашъ заходитъ въ сѣверную часть уѣздовъ: Ровенскаго, Ковельскаго и Луцкаго. Здѣсь трубить въ такія же длинныя трубы, какъ въ Гродненской и Минской губерніяхъ, но для трубленія не ждутъ окончанія жатвы, а сопровождаютъ имъ посѣвъ озимаго хлѣба для того, какъ выражаются здѣшніе крестьяне (с. Самари и Кортылисы Ковельскаго уѣзда), „шобы жито крутылося въ трубу“.

На западѣ отъ Гродненской губерніи тотъ же обычай продолжается за рѣку Бугъ въ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи: Бѣльскомъ, Владавскомъ, Константиновскомъ и Радинскомъ, среди русскаго населенія такъ-называемаго Подляшья.

Въ Бѣльскомъ и Радинскомъ уѣздахъ нашъ обычай совершенно одинаковъ съ гродненскимъ. Трубить здѣсь преимущественно по вечерамъ и по ночамъ, но особаго какого-либо порядка въ этомъ трубленіи не существуетъ.

Кто-нибудь изъ парней передъ окончаніемъ жатвы смастерить себѣ трубу и, когда жатва уже окончена, выйдеть вечеркомъ на улицу, чтобы позабавиться трубой. На звукъ его инструмента выходить на улицу другіе парни и каждый изъ нихъ попросить у своего товарища поиграть на его трубѣ, чтобы показать или испытать свое искусство. Трубление не считается здѣсь богоугоднымъ дѣломъ и не имѣть ничего общаго съ религіей, сохраняется же просто въ силу привычки, а также потому, что игра на трубѣ при однообразіи деревенской жизни представляетъ собою очень веселое развлечеіе. Для молодыхъ деревенскихъ хлопцевъ всегда доставляетъ большое удовольствіе пользоваться трубой по ночамъ, какъ телеграфомъ: они перекликаются со своими знакомыми или пріятелями изъ сосѣднихъ деревень и по манерѣ трубить стараются узнать, кто именно изъ ихъ пріятелей трубить въ настоящую минуту. Начинаются обѣ отомъ разговоры, споры и т. д., что наполняетъ вечеръ вмѣстѣ съ соревнованіемъ въ музикальномъ искусствѣ. Если же все это дѣлается, также какъ въ Гродненской губерніи, только въ урочное время отъ окончанія жатвы до начала зимы, то не изъ страха передъ Божиимъ наказаніемъ, а потому, что только въ это время старики позволяютъ играть, а въ остальное изъчно не позволяютъ трубить, а въ случаѣ непослушанія сломаютъ трубу. Словомъ, здѣсь трубять, потому что наступилъ для этого сезонъ, также какъ въ другихъ мѣстахъ маскируются исключительно во время святочъ.

Въ Радзинскомъ уѣздѣ въ прежнія времена приготавляли на осень оригинальныя трубы гигантскихъ размѣровъ, изогнутыя и склоненыя изъ клубка, какъ швейцарскій *Alpenhorn*, но теперь такія трубы стали большою рѣдкостью, онѣ замѣнились „блѣшаными“ (жестанными) покупными, жидовскаго издѣлія. Одна изъ такихъ стариинныхъ трубъ, привезенная изъ села Вереза, сохраняется въ Варшавскомъ этнографическомъ музѣѣ и представлена нами въ фотографическомъ снимкѣ (табл. V, лит. A). Въ Бѣльскомъ уѣздѣ употребляются трубы, отличающіяся отъ Гродненскихъ, Минскихъ и Волынскихъ тѣмъ, что онѣ короче и слегка согнуты, а кромѣ того имѣютъ вставной мундштукъ изъ болѣе твердаго дерева, чѣмъ сама труба, т. е. это совершенно тоже самое, что польская *лигавка*, (смотр. табл. IV, лит. A); различается эта труба отъ польской лигавки только своимъ русскимъ названіемъ труба. Польское название трубы лигавка, хотя известно здѣшнимъ крестьянамъ, но считается „шляхетскимъ“. Трубять здѣсь не такъ, какъ настоящіе европейскіе трубачи, т. е. не серединой губъ, а ихъ углами, передъ игрой непремѣнно размачиваютъ трубу въ водѣ, чтобы она набухла и чтобы съдовательно легче выдувались изъ нея звуки. Здѣшіе старики, которые какъ и вездѣ ревниво соблюдаютъ ненарушимость дѣдовскихъ обычаевъ, какъ мы уже говорили, вовсе не требуютъ отъ молодежи, чтобы она непремѣнно трубила, но строго наблю-

даютъ, чтобы не было трубленія несвоевременнаго, т. е. до окончанія жатвы. Интересно при этомъ замѣтить, что картофель, какъ растеніе чужеземное, хлѣбомъ не считается и до окончанія его уборки трубить разрѣшается безпрепятственно.

Обычай трубленія во Владавскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губерніи, на границахъ съ Бѣльскимъ нѣсколько отличается отъ Бѣльскаго и Радинскаго, а именно, здѣсь не ждутъ полнаго окончанія жатвы и начинаютъ трубить, какъ только на полѣ появляется первыя юноны сжатаго хлѣба или какъ только убрана гречиха. Въ селѣ Любень и въ его ближайшихъ окрестностяхъ, т. е. въ самомъ центре Владавскаго уѣзда начинаютъ трубить не осенью, какъ въ другихъ селахъ уѣзда, а съ 20 Июля (въ Ильинъ день), также какъ въ Брестскомъ уѣздѣ Гродненской губ., и продолжаютъ до 1-го Октября (до Покрова). Трубы во Владавскомъ уѣздѣ дѣлаются такія же какъ въ Бѣльскомъ, или же свертываются изъ бересты. Но мѣстами, такъ же, какъ и въ Радинскомъ уѣздѣ самодѣльныя трубы уже замѣняются покупными изъ жести. Смысль periodического трубленія здѣшніе крестьяне объясняютъ тѣмъ, что звуки трубы разгоняютъ волковъ.

Въ Константиновскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губерніи только въ южной его части обычай трубленія такой же какъ въ Бѣльскомъ и Радинскомъ уѣздахъ, но уже въ селѣ Гуслевѣ русскій обычай смѣшанъ съ польскимъ, т. е. трубятъ осенью по окончаніи жатвы по руски, а кромѣ того трубятъ еще въ теченіи всего Филипповскаго поста (Адвента) по польски. Въ селѣ Журавлевка (гмины Гуслевѣ) и далѣе на сѣверъ обычай уже исключительно польскій, хотя населеніе въ этихъ мѣстахъ еще русское (бывшіе униаты). Труба здѣсь остается также самая, что и въ Бѣльскомъ уѣздѣ, но тамъ, гдѣ соблюдаются обычай трубленія польскій, принято и трубу называть по польски, т. е. лигавкой.

Если въ вышеперечисленныхъ мѣстностяхъ съ польскимъ населеніемъ, какъ было уже говорено, обычай трубленія сохраняется, какъ переживаніе отдаленаго прошлаго и неимѣть почти никакого отношенія къ современной христіанской религіи, то нельзя этого же сказать и о мѣстностяхъ Сѣдлецкой, Ломжинской и Варшавской губ., въ которыхъ сохранился обычай ежегоднаго periodического трубленія. Повидимому, въ дѣлѣ соблюденія сказаннаго обычая у поляковъ потрудилось польское духовенство. Прежде всего хотя у поляковъ и сохранился обычай periodического трубленія осенью, но сроки его начала и окончанія вполнѣ согласованы съ католическимъ календаремъ: трубятъ въ продолженіи всего Рождественскаго поста и кончаютъ въ Рождественскій сочельникъ (по польски „Вілія“) передъ началомъ обѣдни, которая у поляковъ называется „Пастэркой“ (пастушеской). Кромѣ того, какъ намъ при-

ходилось наблюдать, польское духовенство вообще поддерживает этот обычай между крестьянами, ибо находит его вполне совместимым с католичествомъ. Такъ, въ словарь польскихъ древностей мы находимъ замѣтку по поводу лигавки, что „Варшавскій архіепископъ Хоромановскій, умершій въ 1838-мъ году, былъ большимъ любителемъ поэтическаго обычая трубить въ лигавку. Когда онъ былъ еще приходскимъ священникомъ въ с. Заборахъ (около г. Ломжи), то во время „Пастерки“ (обѣдни въ канунъ Рождества) вся приходская молодежь собиралась на кладбище и трубила въ „лигавки“.

Кромѣ того, въ некоторыхъ селахъ съ польскимъ населеніемъ въ Сѣдлецкой губ., на нашъ вопросъ: трубятъ ли здѣсь въ „лигавку“? мы получали отъ деревенской молодежи отвѣтъ, что обычай этотъ былъ здѣсь уже оставленъ: но мѣстный приходскій ксендзъ потребовалъ отъ прихожанъ, чтобы они трубили въ Рождественскомъ посту, какъ это было въ старину. Передавшіе намъ этотъ фактъ, повидимому, были очень недовольны на своего ксендза за то, что онъ искусственно возобновляетъ обычай, отжившій свой вѣкъ и въ настоящее время неимѣющій никакого смысла. Одинъ изъ нихъ обратился даже къ намъ съ вопросомъ: не грозитъ ли имъ опасность со стороны гражданскаго начальства, если они не исполнять требование ксендза и не станутъ трубить?

Въ этомъ сближеніи польского обычая трубленія съ современной религіей, какъ намъ кажется, и заключается главное его отличіе отъ русскаго, если не считать того, что у поляковъ, также какъ и у галицкихъ гудуловъ, различаются двѣ трубы: одна — назначаемая только для обрядового трубленія — „лигавка“, а другая „тромба“ — пастушеская иного устройства, чего мы не встрѣчали у русскихъ. Во всемъ остальномъ польский обычай такъ близокъ къ русскому, что въ происхожденіи ихъ обоихъ изъ одного источника не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Начинаясь въ Константиновскомъ уѣздѣ, нашъ обычай переходитъ затѣмъ въ уѣзды Соколовскій и Венгровскій Сѣдлецкой губерніи. Въ первомъ изъ этихъ уѣздовъ населеніе состоитъ изъ бывшихъ уніатовъ, говорящихъ между собою по польски, а следовательно бывшее когда-то русскимъ, но ополячившееся, а во второмъ — чисто польское. Далѣе, по направленію на сѣверо-западъ, тотъ же обычай переходитъ черезъ р. Бугъ въ Ломжинскую губернію, въ уѣзды Мазовецкій, Островскій, Ломжинскій и Остроленскій. Не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, что въ Венгровскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губ. и въ уѣздахъ Ломжинской губ. обычай трубленія въ „лигавку“ мы встрѣчали исключительно только у шляхты (мелкаго дворянства), живущей въ этихъ мѣстностяхъ въ деревняхъ сплошною массой. Впрочемъ, мы не можемъ все-

таки поручиться, что гдѣ-нибудь въ тѣхъ же мѣстностяхъ нельзѧ его найти и у простыхъ крестьянъ.

Изъ Ломжинской губ. обычай съ „лигавками“ распространяется еще далѣе на западъ въ Пултускій уѣздѣ Варшавской губерніи, гдѣ и кончается. Но если отъ прослѣженій нами полосы подвинуться на югъ, то мы увидимъ, что здѣсь среди чистопольскаго населенія нашъ обычай снова подвергается измѣненію. Въ сѣверной и въ средней части Сѣдлецкаго уѣзда „лигавокъ“ вовсе не знаютъ, въ южной же части посѣгъ перерыва въ нѣсколько десятковъ верстъ, начиная съ села Мрочна, мы снова встрѣчаемъ „лигавки“ и обычай трубленія въ нихъ, но только уже не въ Рождественскомъ посту, а раньше, отъ 7-го сентября, т. е. съ кануна Рождества Богородицы (по польски праздника „Матки Боски сѣвной“) и до кануна Рождества Христова. Этотъ обычай представляетъ собой какъ-бы переходъ отъ русскаго обычая къ чистопольскому, впервыхъ потому, что онъ, также какъ и русскій, имѣть связь съ жатвой и посѣвомъ, чего обычай Ломжинской губерніи вовсе не имѣть, а ввторыхъ, онъ начинается раньше, чѣмъ въ Ломжинской губ., т. е. почти въ тоже время, какъ и русскій. Такой обычай соблюдается въ юго-западномъ углу Сѣдлецкаго уѣзда, въ сѣверной части Луковскаго и въ Новоминскомъ уѣздѣ Варшавской губ.

Наконецъ въ восточной части Гарволинскаго уѣзда Сѣдлецкой губ. обычай трубленія снова измѣняется: здѣсь трубить въ теченіе всего Рождественскаго поста, какъ въ Ломжинской губ., но на Рождество не кончаютъ трубить, а продолжаютъ во весь такъ называемый „карнаваль“, т. е. вплоть до начала Великаго поста. Самая труба, служащая въ этой мѣстности при исполненіи обычая, совершенно такая же какъ въ Ломжинской губ., но название ея произносится не лигавка, а легавка.

Вотъ и вся область распространенія нашего обычая. Намъ остается только болѣе подробно прослѣдить ея границы. Пройти эти границы, мы не имѣли возможности, а потому намѣтили лишь нѣсколько граничныхъ пунктовъ и собрали свѣдѣнія о томъ, гдѣ изслѣдуемый нами обычай вовсе неизвѣстенъ. Разумѣется, при такомъ способѣ изслѣдованія у насъ получилось множество пробѣловъ и данныя, нами собранныя, конечно далеко не исчерпали вопроса.

И такъ начнемъ съ восточной границы. Здѣсь мы уже намѣтили конечный пунктъ распространенія нашего обычая, с. Давыдъ-Городокъ Мозырскаго уѣзда (на р. Горыни, близъ впаденія ея въ Припеть). На востокъ отъ этого пункта въ с. Туровѣ и въ г. Мозырѣ съ ихъ ближайшими окрестностями не только не знаютъ обычая трубить, но даже вовсе не имѣютъ деревянныхъ трубъ. Трубы изъ воловыхъ роговъ употребительны въ этихъ мѣстностяхъ только у пастуховъ и только тамъ, гдѣ сохранились большіе

хъса, т. е. далеко въ сторону отъ береговъ Припети. Еще далѣе на востокъ, въ гор. Рѣчицѣ Минской губ. (на р. Днѣпрѣ), о трубѣ слышно еще менѣе, чѣмъ въ г. Мозырѣ. Въ самой Рѣчицѣ въ „блажаную“ (жестянную) трубу трубатъ, по словамъ городскихъ мѣщанъ, только „панскіе“, т. е. помѣщичіи пастухи, „а нашъ и жидовскій скотъ“, добавили разсказчики, „пасется безъ всякихъ трубъ“. Трубы у пастуховъ они приписывали какой-то блажи или капризу помѣщиковъ.

Отъ с. Давыдъ-Городокъ на сѣверо-востокъ до уѣзднаго города Волковыска Гродненской губ. границу обычая съ трубами намъ не удалось прослѣдить. Мы знаемъ только, что въ Минскомъ и Борисовскомъ уѣздахъ Минской губ. нашего обычая нѣтъ. Въ г. Волковыскѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ, гдѣ намъ приходилось бывать, употребленіе трубы вовсе неизвѣстно; какъ на ближайшіе отсюда пункты, въ которыхъ труба прината, намъ указывали съ одной стороны на Слонимскій уѣздъ, а съ другой на Бѣлостокскій уѣздъ Гродненской губ.

Еще далѣе на западъ мы прослѣдили границы обычая только до р. Буга, но есть ли онъ за р. Бугомъ и далеко ли тамъ продолжается къ сѣверу мы не знаемъ. Точно также мы не знаемъ гдѣ онъ кончается на сѣверѣ отъ Ломжинской губ. Только въ одномъ мѣстѣ намъ удалось совершенно точно намѣтить граничный пунктъ нашего обычая, — это на р. Наревѣ возлѣ г. Остроленки Ломжинской губ. Здѣсь на лѣвой сторонѣ рѣки живетъ шляхта, у которой есть лигавки, а на правой — курпи-крестьяне, у которыхъ труба (trѣba) употребляется только пастухами.

Въ Шулусскомъ уѣздѣ Варшавской губ. мы не знаемъ точной границы, но если направляться отсюда на юго-востокъ, то увидимъ, что здѣсь обычай нашъ захватываетъ только восточный край Радзиминскаго уѣзда Варшавской губ.; въ деревняхъ Рувнѣ, Страхувка и Боручѣ, а также въ ближайшихъ окрестностяхъ гор. Радзимина уже лигавокъ не знаютъ. Далѣе граница направляется на деревни Ариновъ и Цыганка Новоминскаго уѣзда, а отсюда къ ближайшимъ окрестностямъ гор. Гарволина Сѣдлецкой губ. Здѣсь намъ удалось даже прослѣдить, что западиѣе Варшавско-Любліанскаго шоссе обычай не переходитъ, за исключеніемъ развѣ городка Градиска, о которомъ мы говорили выше, и въ которомъ крестьяне трубятъ только одинъ вечоръ въ году въ канунъ Ивана Купала, или по здѣшнему „Светого Яна“.

Гдѣ кончается этотъ обычай на югъ отъ г. Гарволина, мы не знаемъ, не знаемъ также ничего о Буковскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губ., за исключеніемъ сѣверной его части, т. е. деревень: Ягодна, Ружа, Вулька и Правда, въ которыхъ лигавки извѣстны. Сѣдлецкій уѣздъ, такимъ образомъ, въ отношеніи нашего обычая представляетъ какъ-бы оазисъ, внутри котораго лигавки не-

известны. Границы пунктов этого оазиса намъ удалось прослѣдить 1) въ деревнѣ Воевудка въ окрестностяхъ гор. Сокалова, 2) въ дер. Суходоль Венгровскаго уѣзда (по шоссе изъ г. Венгрова въ гор. Сѣдлецъ) и 3) въ дер. Олесница по Сѣдлецко-Гарволинскому шоссе.

Что касается мѣстностей южнѣ Радинскаго и Владавскаго уѣздовъ Сѣдлецкой губ., то по словамъ некоторыхъ учителей, тамъ служившихъ, нашъ обычай не переходитъ южной границы названныхъ уѣздовъ, а по словамъ другихъ, заходить даже въ сѣверную часть Холмскаго уѣзда Люблинской губ., но распространяется не сплошь, а спорадически и почему-то только въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ пашутъ землю не на лошадяхъ а на волахъ. Но мы знаемъ наѣрное, что въ ближайшихъ окрестностяхъ гор. Холма, обычай трубить неизвѣстенъ вплоть до самой Австрійской границы, но, какъ намъ случилось записать отъ крестьянъ села Туromля Грубешовскаго уѣзда, тамъ есть вѣрованье, весьма близкое къ Гродненскому, что „нельзя играть ни на какомъ музикальномъ инструментѣ во все время отъ начала посѣва яровыхъ хлѣбовъ до окончанія уборки всего хлѣба съ поля“.

На востокѣ отъ гор. Холма и до Луцкаго уѣзда Волынской губ. граница обычая намъ неизвѣстна, но въ этомъ послѣднемъ уѣздѣ мы намѣтили два пункта: 1) село Шопицы (возлѣ Колокъ), гдѣ обычай такой же какъ въ Гродненской губ. и 2) с. Борохово, въ которомъ обычай съ трубой неизвѣстенъ, но существуетъ вѣрованье, подобное Грубешовскому, что „нельзя играть ни на какомъ музикальномъ инструментѣ отъ того времени, когда хлѣбъ въ полѣ уже созрѣлъ, и до тѣхъ поръ, пока не закончится его уборка“.

Въ Ковельскомъ уѣздѣ Волынской губ. намъ случилось быть въ селѣ Заболоты. Здѣсь трубъ вовсе не употребляются, но указываются на двѣ ближайшія мѣстности, гдѣ существуетъ обычай каждую осень трубить въ длинныя деревянныя трубы, это — 1) село Ляховцы Брестскаго уѣзда Гродненской губ. и 2) мѣстность, извѣстная здѣсь подъ названіемъ „Ветельщины“, къ которой принадлежать села: Самары и Кортылисы, расположенные всего только въ 3-хъ верстахъ отъ границы Гродненской губ.

Такимъ образомъ южная граница нашего обычая, повидимому, начиная отъ рѣки Буга, вдается угломъ въ Луцкій уѣздъ, а далѣе на востокѣ почти совпадаетъ съ границей Волынской губ. Въ уѣздахъ: Острожскомъ, Заславльскомъ и Новоградъ-Волынскомъ Волынской губ., гдѣ намъ случилось бывать во многихъ деревняхъ и селахъ и собирать этнографическій матеріалъ, не только не знаютъ трубы, но даже и не слыхали, гдѣ существуютъ трубы. Но въ Ровенскомъ уѣздѣ, гдѣ многіе крестьяне ходятъ на заработки по сплаву лѣса рѣками Горынью и Случемъ, рѣдкій не видѣлъ длинныхъ трубъ Полѣсья и не слыхалъ игры на нихъ во время своихъ поѣздокъ на плотахъ,

но все они указывают на обычай трубить какъ на признакъ Полѣшку. Ровенскій уѣздъ мы проѣхали на лошадяхъ отъ с. Нѣмовичи и до м. Высоцка и нигдѣ интересующаго наскъ обычая съ трубами не нашли. Только отъ Высоцкаго помѣщика мы слыхали, что труба въ этихъ мѣстностяхъ считается самымъ вѣрнымъ признакомъ, по которому можно отличить полѣшку отъ малоросса и что въ селѣ Гупковѣ, около м. Людвиполя (гдѣ намъ са-мимъ не случилось побывать) существуетъ рѣзкая граница между полѣшуками и малороссами, которая обнаруживается въ различіи построекъ, костюма и обычаевъ, а между прочимъ и въ обычай трубить осенью въ длинныя трубы, какого нѣть у малороссовъ.

Такимъ образомъ мы видимъ передъ собой обычай весьма древній, ко-торый неизвѣстенъ ни малороссамъ-украинцамъ, ни бѣлоруссамъ, ни велико-
россамъ, но въ которомъ, разсматриваемаю нами отрасль русскаго народа сходится съ поляками. Первое, что можетъ прийти въ голову при разсма-триваніи очерченного нами района, это то, что онъ входилъ когда-то въ составъ бывшаго литовско-русскаго государства и что въ Сѣдлецкой губерніи кромѣ того историки указываютъ на слѣды нынѣ исчезнувшаго литовскаго племени ятваговъ. А потому мы и обратились къ литовскому этнографиче-скому материалу. И дѣйствительно у литовцевъ-язычниковъ мы находимъ нѣчто подобное: во время ежегодно совершающагося общественнаго жертво-
приношенія, которое бывало въ концѣ года (т. е. въ мартѣ мѣсяцѣ), собирались 4—6 деревень и на общиѣ счетъ покупали быка или козла; жрецъ читалъ надъ жертвеннымъ животнымъ молитвы, затѣмъ животное закалывали, варили и щли вмѣстѣ съ лепешками, изготовленными изъ общественной муки. Пиръ продолжался цѣлую ночь и сопровождался пѣснями и игрой на дли-
нныхъ трубахъ (259). Уже и здѣсь замѣтно нѣкоторое сходство литов-скихъ обычаевъ съ обычаемъ, нами только - что разсмотрѣннымъ, но еще болѣе и несомнѣннѣе замѣчается такое сходство, если мы приведемъ описание языческаго торжества древнихъ литовцевъ въ такъ называемый Великій праздникъ. Торжество это справлялось ежегодно непремѣнно осенью, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, по окончаніи жатвы, въ честь бога земли и земледѣлія „Земеника“ (Ziemienika или kurko, kurchus). Отъ воли этого божества, по вѣрованью литовцевъ, зависѣли урожаи, оно считалось защитникомъ до-мовъ и всего края и олицетворялось въ видѣ ужа или какого-нибудь другого фетиша. Въ день его празднества, считавшагося самымъ главнымъ въ году, народъ собирался въ какую-нибудь одну деревню съ цѣлой округи, причемъ каждый несъ съ собою все, что могъ, чтобы принести въ жертву божеству. Въ самой обширной изъ деревенскихъ построекъ, посрединѣ ея, помѣщался большой столъ, накрытый скатертиами. По четыремъ угламъ стола ставили

большиє открытыє сосуды съ пивомъ. Затѣмъ приводили жертвы, состоявшія изъ первыхъ плодовъ текущаго года: теленка съ телкой, барана съ овцой, гуся съ гусыней и т. д. Жрецъ совершалъ тѣ моленія, которыхъ слѣдовали по обычаямъ, послѣ чего связанныхъ животныхъ избивали палками, чтобы не пролить капли крови. При этомъ всѣ присутствующіе выкрикивали: „Земеникъ богъ нашъ. Приносимъ тебѣ жертву и благодаримъ за то, что въ прошлые годы ты давалъ намъ здоровье и въ изобиліи всякаго добра, хлѣба и имущества, охраняя насъ отъ огня, желѣза, мороваго повѣтря и отъ всѣхъ бѣдъ нашихъ“. Послѣ того убитыхъ животныхъ варили, жарили и приготавливали изъ нихъ разныя кушанья. Усѣвшісь за столъ, жрецъ бралъ частичку каждого блюда и бросалъ въ разныя углы дома, приговаривая: „это тебѣ, Земеникъ, богъ нашъ. Соблаговоли принять наши жертвы и милостиво отвѣдать нашихъ кушаній“. Тоже самое повторялось и съ напитками. Въ теченіи цѣлаго торжества пѣли пѣсни и играли на длинныхъ трубахъ, что продолжалось непрерывно цѣлую ночь (260). Впрочемъ божеству, въ честь которого справлялся такой праздникъ, поклонялись не одни литовцы, у латышей оно было известно подъ именемъ Zeeshneeks. Оно также считался защитникомъ дома и всякаго имущества, его называли Mahjas kungs, т. е. господинъ дома, хозяинъ. Праздникъ его справлялся также осенью, причемъ ему приносилась жертва изъ первыхъ плодовъ хозяйства. У литовскаго племени Пруссовъ онъ также былъ однимъ изъ главныхъ боговъ. Ему былъ построенъ знаменитый въ свое время храмъ, въ которомъ горѣлъ неугасимый огонь и стояла статуя божества. Статую эту ежегодно подъ праздникъ (осеній) разбивали и затѣмъ воздвигали замѣни ея новую (261).

Эти данные изъ этнографического материала литовскаго народа указываютъ прежде всего, что странный обычай западной отрасли русскаго племени, о которомъ идеть рѣчь въ настоящей главѣ, ведеть свое происхожденіе отъ язычества; во вторыхъ, они свидѣтельствуютъ о близости языческихъ вѣрованій у древнихъ литовцевъ и той части русскаго народа, которая входила когда-то въ составъ бывшаго литовскаго княжества или жила съ нимъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Дѣйствительно: тѣ и другіе имѣли обычай трубить въ длинныя деревянныя трубы, тѣ и другіе трубили осенью, у тѣхъ и другихъ обычай трубленія имѣлъ отношеніе къ земледѣлію. Все это при близкомъ сосѣдствѣ и при несомнѣнно существовавшихъ сношенияхъ русскаго народа съ литовскими съ самыхъ древнихъ временъ совершенно естественно, въ особенности, если принять во вниманіе, что часть литовскаго племени слилась, какъ полагаютъ, съ предками нынѣшихъ малороссовъ Сѣдлецкой губерніи.

Но оказывается, что близкий къ русскому и литовскому обычаемъ съ трубой сохранился до настоящаго времени не только у литовцевъ, но и у черемисъ Царевококшайского уѣзда Казанской губерніи. Такая близость уже гораздо болѣе трудно объяснима съ исторической точки зренія.

Задолго до того времени, какъ мы узнали о существованіи обычая трубить у русскихъ и поляковъ, лѣтъ 8 тому назадъ намъ случилось записать отъ солдата изъ черемисовъ Уржумскаго уѣзда Вятской губерніи Каракалинской волости дер. Нижнаго Кижляя, что у нихъ въ деревнѣ существуетъ деревянная труба аршина въ $1\frac{1}{2}$ длиною, называемая „пѣлтэм пут“, на которой черемисскія дѣвушки играютъ осенью по вечерамъ, перекликаясь съ сосѣдними деревнями. Солдатъ, отъ которого мы записали это свѣдѣніе, прибавилъ тогда, что играть на трубѣ у нихъ не дозволяется до тѣхъ поръ, пока весь хлѣбъ не убранъ съ поля, а иначе, какъ они думаютъ, зима будетъ очень холодная. Въ то время мы не придали сообщенію черемиса никакой важности, такъ какъ насть интересовали не обычай съ трубой, а вообще народные музыкальные инструменты. Но теперь, когда такой же обычай оказался и у русского народа и притомъ у той его части, которая живеть далеко не въ сосѣдствѣ съ черемисами, разсказъ черемиса получилъ для насть большой интересъ. Позже мы узнали, что Нижній Кижляй вовсе не составляетъ исключенія въ ряду другихъ черемисскихъ сель и деревень: нами было уже описанъ обрядъ изгнанія бѣсовъ, практикующійся во время празднованія „Сюрема“ у черемисъ Царевококшайского уѣзда. Здѣсь остается еще добавить свѣдѣнія объ обрадахъ съ трубой у черемисовъ того же уѣзда, присланныя мнѣ моимъ братомъ, живущимъ въ той мѣстности.

„Здѣсь, пишетъ мнѣ братъ, трубить исключительно мужчины и преимущественно пожилые. Трубы имѣются двухъ сортовъ: одинъ для исполненія обрядности, другія—пастушескія (совершенно какъ у поляковъ Ломжинской губерніи, прибавимъ мы отъ себя, которые имѣютъ лигавки—трубы для обрядностей и тромбы—трубы пастушескія). Въ первыя изъ нихъ трубить для изгнанія такъ называемыхъ „кореметей“ (бѣсовъ, которые, по вѣрованію черемисовъ, заносятъ изъ деревни въ деревню различные болѣзни). Предполагается, что „кореметь“, заслышавши въ какой-нибудь деревнѣ трубный звукъ, уходитъ оттуда и уже никогда болѣе не возвращается. Во вторыхъ, черемисы думаютъ, что трубными звуками они приносятъ благодарность Богу за помощь во время лѣтнихъ работъ. Обрядъ изгнанія бѣсовъ трубой по черемисски называется: „пудом пулташъ цар толмокец“ т. е. „трубить въ трубу отъ нашествія нечистаго духа“. Трубленіе начинается послѣ заката солнца и продолжается только до полуночи, до первыхъ пѣтуховъ. Коремети, по вѣрованію черемисовъ, могутъ причинять имъ вредъ только въ это время. Въ

трубы трубать осенью, начиная съ 16-го Августа и до Филиппова поста, трубить же въ остальное время считается величайшим грѣхомъ, за который Богъ непремѣнно покараетъ или смертью или ударомъ молніи, бездождемъ, голодомъ или сильнымъ вѣтромъ въ лѣтнее время. Для трубленія выходить на улицу, ибо въ избѣ отнюдь трубить не дозволяется. Труба по черемисски называется „пучокъ“, надъ нею дѣлаются наговоры, а потому давать потрубить въ нее человѣку постороннему, а въ особенности подозрѣваемому въ колдовствѣ считается очень опаснымъ. Трубленіе осенью передъ посѣвомъ производится обыкновенно въ роговую трубу и практикуется на чердакѣ или сѣновалѣ. Трубить тогда цѣлую ночь, выдѣлывая на трубѣ различныя рулады, причемъ для измѣненія тоновъ вкладываютъ два пальца въ разтрубъ рожка и перебираютъ ими. Трубить въ такой рожокъ очень трудно, а потому, проптрубивши цѣлую ночь, черемисинъ слѣзаетъ съ сѣновала въ полномъ изнеможеніи, какъ будто разбитый“.

Въ заключеніе о черемисахъ намъ необходимо передать о томъ, какъ справляется у нихъ самый важный въ году праздникъ ихъ „Сурэмъ“. Праздникъ этотъ въ Царевококшайскомъ уѣздѣ справляется или въ самый Петровъ день или въ одинъ изъ ближайшихъ, за нимъ слѣдующихъ дней, преимущественно въ понедѣльникъ. По описанію священника О. Яковлева, послѣ полудня въ назначенное мѣсто въ полѣ съѣжаются черемисы со всего околотка и привозить съ собой узелки съ кушаньями, а жители ближайшихъ деревень выносить туда же столы. Кушанья разставляются по столамъ и начинаяется моленіе надъ ними. Молящіеся призываютъ имена боговъ, причемъ снимаютъ шапки и прикладываютъ ихъ три раза къ груди, кланяются и три раза приподнимаются со стола чашки съ юдой. Затѣмъ слѣдуетъ пиръ, а по окончаніи его благодарственная молитва. Во все время моленія и пира и граютъ на трубахъ, а молодежь, пріѣхавшая верхомъ, устраиваетъ состязательныя скачки и въ заключеніе три раза обѣзжаетъ вокругъ молящейся толпы. Этимъ заканчивается моленіе и всѣ разѣзываются по домамъ (262).

Если сравнивать черемисские обряды и обычай, соединенные съ трубой, съ обычаями литовцевъ, поляковъ и русскихъ въ вышеописанномъ районѣ, то сходство тѣхъ и другихъ окажется поразительнымъ. Здѣсь, также, какъ у поляковъ Ломжинской губерніи, различаютъ трубу для обрядностей отъ пастушеской, также, какъ у русскихъ нельзя трубить, пока хлѣбъ не убранъ съ поля и несвоевременное трубленіе, по вѣрованью народа, должно отразиться на наступающей зимѣ. Также какъ у русскихъ, поляковъ и литовцевъ главнѣйшіе обряды съ трубой совершаются осенью или вообще во второе (осеннее) полугодіе. Также какъ у полаковъ трубленіе разгоняетъ злыхъ духовъ и является богоугоднымъ дѣломъ, также какъ у русскихъ и у литовцевъ труб-

ление производится ночью и продолжается въ теченіе довольно длиннаго промежутка времени (2 мѣсяца). Кроме того общественное празднованіе черемисского „Сирема“ очень напоминаетъ празднованіе литовцами ихъ „Великаго праздника“: онъ также приходится въ осенне полугодіе, также устраивается на общий счетъ, изъ припасовъ, приносимыхъ каждымъ изъ молящихся, также сопровождается игрою на прямыхъ деревянныхъ трубахъ.

Объясненіе такой общности въ обрядахъ и обычаяхъ между народами, не живущими между собою въ ближайшемъ сосѣдствѣ, какъ мы сказали раньше, представляется довольно труднымъ сть исторической точки зреінія. Но хотя мы не имѣемъ историческихъ фактovъ о непосредственномъ сосѣдствѣ, когда то бывшемъ между литовцами и черемисами, однако оно не можетъ представляться для насъ слишкомъ неожиданнымъ и поразительнымъ, такъ какъ въ нашей этнографической литературѣ уже не разъ высказывалось предположеніе, что черемисы, мордва, вотаки и другіе наши восточные инородцы финскаго племени передъ вачаломъ русской исторіи жили гораздо западнѣе теперешняго своего мѣстожительства и были отсюда вытѣснены русскимъ народомъ, подвигавшимся при своей колонизаціи съ юга на сѣверъ. Къ такого рода предположеніямъ, насколько намъ помнится, было немало поводовъ: 1) остатки финскихъ племенъ въ Тверской губерніи, 2) финскія названія мѣстностей въ Московской губерніи, 3) нѣмецкія слова въ языкахъ восточныхъ финновъ (черемисское „тейтеръ“—дочь, пермяцкое „зои“, „зоика“—сынъ) и т. под. Словомъ этнографическая близость между восточными финнами и литовцами не можетъ представляться для насъ ни неожиданной, ни особенно поразительной. Несравненно поразительнѣе сходство въ тѣхъ же интересующихъ насъ обрядахъ между литовцами и евреями. Задмствованіе чего либо литовцами отъ евреевъ мы легко могли бы допустить и объяснить себѣ, еслибы дѣло касалось какихъ-нибудь христіанскихъ обрядовъ или обычаевъ, но когда, какъ здѣсь, рѣчь идетъ объ обычаяхъ очевидно относящихся ко временамъ дохристіанскимъ, приходится отказаться отъ какихъ-либо историческихъ объясненій фактovъ.

Данныя объ обычаяхъ съ трубою у евреевъ мы собрали сами распросами у нашихъ знакомыхъ евреевъ, знающихъ обычай своего народа, въ Варшавѣ и въ Волынской губерніи, а также воспользовались этнографическимъ материаломъ о русскихъ евреяхъ, собраннымъ у Чубинскаго („Труды экспедиціи... т. 7). Къ нимъ мы теперь и обратимся.

Трубленіе въ „шоферъ“ (бараній рогъ) у современныхъ евреевъ совершается только разъ въ году осенью. Библія предписывала древнимъ евреямъ трубить въ первое число 8-го мѣсяца въ воспоминаніе объ ангелахъ, трубившихъ на горѣ Синай. Начало седьмаго мѣсяца приходится около нашего 5-го Сен-

табра. Въ этот день современные евреи празднуютъ свой Новый годъ (Рошъ Гашана, по Чубинскому, или Рошъ Ашуна по произношению Варшавскихъ евреевъ), хотя у древнихъ евреевъ Новый годъ долженъ былъ спрятаться въ началѣ не седьмого, а первого мѣсяца, т. е. въ Мартѣ. Праздникъ продолжается 10 дней и заканчивается „Суднымъ днемъ (Гомъ-Кипуръ) (263).

Г. Брафманъ въ своей „книгѣ кагала“ такъ описываетъ празднованіе современными евреями Нового года:

„Во времія существованія іудейскаго царствованія храмъ, оглушенный гимнами левитовъ и радостными звуками священныхъ трубъ, открывалъ днѣмъ Рошъ-Гашана 10-ти дневный періодъ, въ которомъ народъ, духовенство и даже самая святыня очищались и приготавлялись къ великому народному торжеству, къ тому именно моменту, когда въ послѣдній и самый важный день этого праздника, Гомъ-Кипуръ, разверзались передъ первосвященникомъ, недоступныя для него въ теченіе всего года, двери Святая Святыхъ, и онъ, войдя туда съ искуплительными дарами приносилъ оттуда народу прощеніе и благоволеніе Геговы... Въ настоящее время, также по закону Моисееву, въ Иерусалима и въ стѣнѣ храма, должное служеніе не можетъ быть совершаемо, а потому представители народа еврейскаго ввели такъ называемую мусафъ, синагольное служеніе, открываемое обрядомъ Текіотъ-Шоферъ—трубленіемъ въ рогъ... Согласно народному вѣрованію, въ этотъ день Гегова подтверждается все то, что было предначертано каждому еврею въ Рошъ-Гашанѣ. Если человѣкъ, которому былъ предначертанъ горькій жребій на будущій годъ, не успѣлъ во времія періода показанія исправить приговоръ, то по прошествіи Гомъ-Кипура уже поздно“.

Трубленіе въ шоферъ у современныхъ, покрайней мѣрѣ у русскихъ евреевъ, начинается ежегодно съ 1-го числа мѣсяца Элляя, предшествующаго Новому году. Оно совершаются въ синагогѣ ежедневно, за исключеніемъ субботы, при началѣ утренней молитвы. Трубачъ выдуваетъ при этомъ только одну Тэкію (объясненіе смотр. выше). Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что ежедневнаго трубленія въ теченіе цѣлаго мѣсяца требуетъ сть евреевъ не Біблія и не Талмудъ, а народный неписанный обычай. Только, начиная съ первого дня Нового года трубать согласно предписанію Талмуда. Вышеписанный порядокъ трубленія, кроме мѣсяца Элляя, продолжается и въ началѣ мѣсяца Тишри, за исключеніемъ самого кануна Нового года, въ который трубленія вовсе не бываетъ. Первый день Нового года можетъ иногда прійтись въ субботу и тогда трубить тоже нельзя. Но второй день никогда въ субботу не приходится, а потому всегда сопровождается трубнымъ звукомъ. Въ первые

два дни Нового года трубление совершается всегда въ строго определенномъ порядке, выражаемомъ следующей схемой:

Отдѣленіе первое:

- 1) Одна Тэкія
- 2) Одна Тэрода
- 3) Одна Тэкія

Всё отдѣленіе повторяется 3 раза, что составить: $3 \times 3 = 9$ пріемовъ.

Отдѣленіе второе:

- 1) Одна Тэкія
- 2) Одинъ Шеваримъ
- 3) Одна Тэкія

Отдѣленіе повторяется 3 раза, $3 \times 3 = 9$ пріемовъ.

Отдѣленіе третье:

- 1) Одна Тэкія
- 2) Одинъ Шеваримъ
- 3) Одна Тэрода
- 4) Одна Тэкія.

Отдѣленіе повторяется 3 раза, что составить: $4 \times 3 = 12$ пріемовъ.

И того во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ—10 пріемовъ безъ повтореній, а съ повтореніями—30 пріемовъ. Полученная, такимъ образомъ, цифра пріемовъ съ повтореніями—30 считается минимальной. Ея придерживаются между прочимъ въ Варшавской самой большой синагогѣ (на Тлумачкѣ), принадлежащей евреямъ талмудистамъ, которыхъ Хасиды называютъ пѣмцами. Но въ иныхъ еврейскихъ общинахъ, какъ напримѣръ въ городахъ Минской губерніи цифра эта доводится до максимума, состоящаго изъ 100 пріемовъ. Въ послѣднемъ случаѣ всѣ 30 пріемовъ повторяются 3 раза, получается: $30 \times 3 = 90$ пріемовъ и кромѣ того всѣ три отдѣленія исполняются одинъ разъ безъ повтореній, получается: $3 + 3 + 4 = 10$ пріемовъ, а всего выходить 100 пріемовъ.

Такъ какъ трубачемъ на шоферѣ можетъ быть всякий, а слѣдовательно и человѣкъ, не вполнѣ знакомый съ порядкомъ богослуженія, и такъ какъ кромѣ того вышеописанная схема трубныхъ звуковъ перемежается молитвами, то при каждомъ трубачѣ имѣется ассистентъ изъ людей, свѣдущихъ „въ законѣ“, который громко произноситъ название пріема, когда трубачу приходитъ очередь исполнить тотъ или другой номеръ изъ приведенной нами схемы. Читая свои молитвы, онъ вскрикиваетъ: „тэкія“ и трубачъ исполняетъ одну

„тэню“, „шеварым“ и трубачъ играетъ шеварымъ. Если трубачъ неправильно исполнить какой-либо изъ своихъ пріемовъ, то ассистентъ заставляетъ его повторить во второй и въ третій разъ, пока трубный пріемъ не будетъ исполненъ вполнѣ безукоризненно.

Такъ какъ еврейскій народъ вѣритъ, что во время праздника Рошъ-Гашана на небѣ совершаются судъ надъ дѣйствіями людей въ прошломъ и рѣшается судьба ихъ въ будущемъ году, то соответственно съ этимъ вѣрованіемъ объясняется талмудистами обрядъ трубленія. По ихъ объясненію, обрядъ этотъ имѣтъ значеніе воззванія къ роду человѣческому, чтобы онъ оглянулся на свои суетныи дѣла и поступки и возвратился на путь истины, а вмѣстѣ съ тѣмъ звукомъ рога еврейскій народъ напоминаетъ о себѣ предъ престоломъ Всевышнаго. Каждый звукъ шофера, по мнѣнію талмудистовъ, громитъ цѣлую полчища злыхъ духовъ и даетъ силу и возможность ангеламъ плести изъ этихъ звуковъ занавѣси и вѣнки въ небесныхъ чертогахъ. Трубленіе совѣтуетъ сопровождать разными нашептываніями, часть которыхъ возлагается на самаго трубача, а часть на остальныхъ молящихся.

Обраду Тѣкіотъ-Шоферъ съеврійское еврейское общество придаетъ особенно важное значеніе, и потому во время его исполненія въ синагогѣ водворяется необычная въ этомъ мѣстѣ глубокая благоговѣйная тишина: всѣ молящіеся отъ мала до велика съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за трубными звуками, стараясь не проронить ни одного изъ нихъ, такъ какъ по звукамъ этимъ гадаютъ о событияхъ наступающаго года. Малѣйшая оплошность трубача, малѣйшая его неудача, какой-либо слабый или нечистый звукъ предвѣщаютъ въ наступающемъ году крупное несчастіе для общины, а потому тотчасъ же повергаютъ всѣхъ присутствующихъ въ уныніе. Наоборотъ, безъукоризненная игра на рожкѣ предвѣщаетъ счастіе, а потому вызываетъ всеобщее ликованіе.

Послѣдній день праздниковъ, судный день (Йомъ-Кипуръ) и въ мѣстѣ съ нимъ десятидневный періодъ покаянія заканчивается тѣмъ же, чѣмъ начался въ Рошъ-Гашанѣ: послѣ почти безпрерывной молитвы въ теченіе цѣлаго дня подъ вечеръ раздается въ синагогѣ трубный звукъ, сопровождаемый кликами всего молящагося народа: „лешана габая би рушалеймъ“, т. е. „на будущій годъ въ Йерусалимъ“. Этотъ послѣдній трубный пріемъ состоять только изъ одной, очень протяжной Тѣкія, послѣ которой рогъ болѣе уже не трогается до слѣдующаго Нового года.

Мы видимъ изъ этого описанія еврейскаго Тѣкіотъ-Шофера, что въ немъ повторяются всѣ элементы обычая съ трубой, существовавшаго у литовцевъ, поляковъ, русскихъ и черемисовъ: 1) благоговѣйное отношеніе къ трубнымъ звукамъ, 2) исполненіе обряда осенью — въ теченіи довольно продол-

жительного промежутка времени, 8) вѣра въ способность трубныхъ звуковъ разгонять нечистую силу и 4) трубленіе въ самый важный годовой праздникъ, соответствующій литовскому „Великому празднику“ и черемисскому „Сюрему“. Что касается жертвоприношений, совершившагося въ этотъ день литовцами и черемисами, то его мы находимъ почти въ томъ же видѣ у древнихъ евреевъ.

Предполагать, что евреи заимствовали свои вышеописанные обычай у литовцевъ или у черемисъ было бы разумѣется слишкомъ неправдоподобно, зная древность еврейскихъ вѣрованій и упорство, съ которыми этотъ народъ держится за всякую мелочь, изъ того, что онъ считаетъ закономъ Божіимъ.

Довольно близко къ вышеописаннымъ обычаямъ стоять также обычай Мингрельцевъ. У этого народа подъ именемъ „Чечетоба“ известны кануны праздниковъ Св. Ильи Пророка (20 июля) и Успенія Богоматери (15 августа). Въ ночь „Чечетоба“, по повѣрью Мингрельцевъ, злые духи летаютъ по землѣ и стараются дѣлать людямъ зло. Въ эти ночи никто не долженъ спать, иначе злой духъ войдетъ въ слящаго и причинить ему болѣзнь, отъ которой ужъ никто его не вылечить. Въ сумеркахъ молодежь обоего пола собирается гдѣ-либо на холмѣ вблизи деревни и здѣсь при кострахъ предается шумному веселью до самой зари. Оставшіеся въ деревнѣ тоже не спать: отовсюду слышатся выстрелы, крики, звуки деревянныхъ трубъ... Все это дѣлается для того, чтобы напугать и прогнать нечистую силу.

Мужчины и женщины „съ недобрѣмъ глазомъ“, т. е. замѣченные въ сношеніяхъ съ нечистою силой, отправляются въ эту ночь на уединенную возвышенность, ближайшую къ селу, и оттуда подслушиваются, что дѣлается въ обычательскихъ домахъ. Стукъ топора, напримѣръ, знаменуетъ, что въ этомъ домѣ умретъ кто-либо изъ мужчинъ въ теченіи года... и т. под. На утро подслушиватели объявляются по деревнѣ, что и гдѣ они слышали. Народъ вѣрить въ неизбѣжность угаданной колдунами судьбы (264).

Мингрельская „Чечетоба“ походить на литовскій „Великій праздникъ“ и еврейскій „Юмъ-Кипуръ“, а въ особенности на этотъ послѣдній, такъ какъ въ теченіе его решается судьба людей на наступающій годъ. Гаданье о будущей судьбѣ по звуку также напоминаетъ еврейское гаданіе, о которомъ мы только что сообщали. Ихъ приведеній нами замѣтки не видно, существуетъ ли у Мингрельцевъ обычай трубить въ промежуткѣ между двумя „Чечетобами“, но если его и есть, то можно думать, что онъ утратился, оставивъ послѣ себѣ трубленіе въ началѣ урочного времени и въ его концѣ.

Далѣе сходство Мингрельского обычая съ предыдущими заключается въ томъ, что время трубленія приходится также во второе (осеннее) полу-годіе и въ томъ, что Мингрельцы считаютъ необходимымъ бодрствовать въ

течениі цѣлой ночи, какъ это дѣлали и литовцы въ ихъ „Великій праздникъ“. Наконецъ Мингрельцы подобно черемисамъ вѣрять, что въ извѣстное время года, осенью, нечистая сила становится особенно опасной для человѣка и употребляютъ для ея изгнанія такие же пріемы, какъ и черемисы.

Ко всему этому нужно добавить, что въ иѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тибета передъ жатвой ламы собираются на вершинѣ холма, невдалекѣ отъ селенія и также трубить въ трубы въ знакъ благодарности за урожай, а затѣмъ при звонѣ колокола имъ приносить первые плоды, и работы по уборкѣ хлѣба начинаются (265). Кромѣ того, у Тибетцевъ существуетъ обычай встрѣчать Новый годъ трубленіемъ въ трубы (266).

Тибетскій обычай трубленіемъ встрѣчать Новый годъ сходится съ еврейскимъ; обычай трубить передъ жатвой напоминаетъ обычай русскихъ и черемисъ, а обычай приносить ламамъ свои первые плоды, напоминаетъ жертвоприношеніе древнихъ литовцевъ.

Если сходство еврейскихъ обычаевъ съ обычаями литовцевъ, поляковъ, русскихъ и черемисъ исключало возможность для его объясненія прибѣгать къ помощи исторіи, то тѣмъ болѣе неумѣстны были бы историческія объясненія загадочной общности въ обычаяхъ между вышеупомянутыми народами съ одной стороны, и Мингрельцами и Тибетцами съ другой. Очевидно, что факты подобного рода ведутъ свое происхожденіе онѣ временъ доисторическихъ, когда международные отношенія могли быть совершенно иными, чѣмъ во времена историческія.

Что касается смысла интересующаго насть обычая, то изъ всѣхъ приведенныхъ нами примѣровъ проглядываетъ довольно ясно, что онъ не имѣть другой цѣли, какъ только изгнаніе бѣсовъ, могущихъ повредить урожаю хлѣба и его жатвѣ. А связь того же обычая съ земледѣліемъ указываетъ, что вѣрованье, послужившее ему основой, должно было первоначально принадлежать народу земледѣльческому. Хотя этому послѣднему заключенію, повидимому, не соответствуютъ обряды евреевъ и мингрельцевъ, которые ничего общаго съ земледѣліемъ какъ-будто бы не имѣть, но мы настаиваемъ на немъ впервыхъ потому, что на немъ сходятся пять народовъ (поляки, литовцы, русскіе, черемисы и тибетцы), а во вторыхъ, что съ вѣрованіемъ этихъ народовъ сходится еще вѣрованье суданскихъ негровъ, сохранившееся въ своей первобытной чистотѣ. Путешественникъ по западному Судану, французскій капитанъ Binger описываетъ, что въ Котедугу ему пришлось быть свидѣтелемъ одного обычая, сильно напоминающаго, замѣтимъ мы отъ себя, черемисское изгнаніе бѣсовъ и находящагося также въ связи съ земледѣліемъ. Субъекты мужскаго пола, называемые на мѣстномъ языке „Ду“, наряжаются въ странный костюмъ: вся ихъ одежда обшивается волокнами туземной

кошками и листьями пальмы, такъ что видомъ своимъ напоминаетъ длинную густую шерсть. Изъ такой же материи дѣлается и шапка, закрывающая всю голову до шеи только съ отверстіями для глазъ. Въ такомъ нарядѣ „Ду“ бѣгаютъ, вооруженные палками, по деревнѣ и по полямъ, сопровождаемые толпой, поющей пѣсни, которая по временамъ прерывается дикими выкриками. Если кто-либо изъ встрѣтившихся съ маскированными дѣтьми или взрослыхъ испугается ихъ, то они колотятъ его не на шутку. Подобный обрядъ продолжается день и ночь; онъ совершается только во время осеннаго посѣва и по словамъ г. Binger'a имѣть своею цѣлью выгнать злыхъ духовъ, могущихъ помѣшать посѣву. У Тоновъ, одного изъ негританскихъ племенъ западнаго Судана, сходство того же обряда съ черемисскимъ увеличивается еще тѣмъ, что ихъ „ду“, называющіеся на мѣстномъ нарѣчіи „субакха“ (хозяева ночи), сопровождаютъ свои манипуляціи игрой на трубѣ изъ роговъ дикаго быка (267).

Въ одной старой французской книжѣ (Océanie ou cinquième partie du monde rag M. G. L. Domene de Rienzi' Paris 1855, стр. 49 и 85) описание религіозной церемоніи, совершающейся подъ названіемъ „Начі“ ежегодно, разъ въ годъ, у дикарей на островахъ Тонга въ Австралии. Празднество это, какъ увидитъ читатель, имѣть поразительно много общаго съ „Великимъ праздникомъ“ древнихъ литовцевъ и съ „Сюремомъ“ черемисовъ Царевококшайскаго уѣзда, а потому мы не можемъ воздержаться, чтобы не привести его описанія, сдѣланнаго путешественниками.

Церемонія, о которой мы говоримъ, въ первый разъ наблюдалась и была описана знаменитымъ мореплавателемъ, Кукомъ, въ одно изъ его путешествій по Океаніи. Торжество это у жителей Острововъ Тонга считается настолько важнымъ и, священнымъ, что не смотря на уваженіе, которымъ пользовался среди нихъ Кукъ, ему, какъ иностранцу, долго не разрушали оставаться въ качествѣ зрителя при совершении религіозныхъ церемоній. А когда любознательному англичанину удалось таки настоять на своемъ, разрѣшеніе оставаться было получено имъ только послѣ того, какъ онъ согласился вмѣстѣ со своими спутниками раздѣтись до гола и спрятаться за высокимъ полисадомъ, да и то еще въ самые важные моменты торжества туземцы умышленно закрыли отъ него зрѣлище своими спинами.

„Начі“ (въ буквальномъ переводе—часть или доля) состоить въ жертвѣ богамъ въ лицѣ божественнаго владыки, первосвященника острововъ, „Туи-Тонга“, первыхъ плодовъ земли текущаго года. Она, какъ было уже сказано, совершается только разъ въ году (въ юль мѣсяцѣ) и имѣть цѣлью призвать покровительство боговъ на народъ и на произведенія земли, изъ числа которыхъ самымъ драгоцѣнѣйшимъ считается „Ямсъ“ или „Иньамъ“. Сборъ ямса совершается обыкновенно въ концѣ Іюля, а одна изъ его разновидностей, „Kahokaho“, поспѣваетъ въ началѣ того же мѣсяца. Вотъ это посѣдннее растеніе и употребляютъ при религіозной церемоніи. Какъ только оно созрѣтъ, король („Ноц“) извѣщаетъ о томъ Туи-Тонга и просить его назначить день для совершения обряда. Такимъ днемъ назначается обыкновенно десятый, считая съ того дня, когда первосвященникомъ получено извѣщеніе короля. Въ продолженіе девяти сутокъ, предшествующихъ этому дню,

по цѣлымъ ночамъ бывають слышны звуки трубы—раковины, раздающіеся съ разныхъ концовъ острова. На девятый день вырывають изъ земли ямсъ и украшаютъ его красными лентами. Торжество совершается обыкновенно на томъ островѣ, который Туи-Тонга выбираетъ резиденціей, а потому жители отдаленныхъ острововъ начинаютъ свои приготовленія къ совершенню обряда нѣсколькими днями раньше. Въ канунъ празднства, тотчасъ по закатѣ солнца, по всему острову раздаются звуки раковинъ и все усиливаются по мѣрѣ приближенія ночи, въ тоже время на всѣхъ плантацияхъ поютъ что-то въ родѣ молитвы, называемой „Нофо“. Такъ продолжается всю ночь и только затихаетъ за 3—4 часа до восхода солнца, послѣ чего шумъ разгорается съ новой силой.

Около 8-ми часовъ утра на кладбище, огороженное палисадомъ, начинаютъ сходиться жители того острова, гдѣ совершается обрядъ, а въ тоже время подѣзываютъ на лодкахъ съ пѣснями и при звукахъ раковинъ жители соѣднѣхъ острововъ. Всѣ прибывшіе входять въ ограду торжественной процессіей, мужчины, вооруженные палицами и копьями, а женщины въ новыхъ „гнату“ (куски матеріи изъ волоконъ тутового дерева), украшенныя красными лентами и гирляндами цвѣтовъ. Мужчины навѣшиваютъ ямсъ на длинныя толстыя жерди, кладутъ концы жердей на плечи двухъ человѣкъ и въ торжественной процессіи направляются къ могилѣ послѣдняго Туи-Тонга: они умышленно выступаютъ медленными шагами, дѣлая видъ, что ноша ихъ очень тажела, чтобы показать, какъ милостивы боги, давшіе имъ такой обильный урожай и такой крупный и тяжеловѣсный ямсъ. Впереди процессіи идутъ два молодыхъ человѣка, трубящихъ въ раковины, а двое другихъ, также съ раковинами, замыкаютъ шествіе. Около могилы полукругомъ усаживаются начальники съ ихъ помощниками; головы ихъ наклонены, а руки сложены на груди. Процессія дефилируетъ между нами и могилой и описывается три или четыре круга, послѣ чего складываются передъ могилой ямсъ и усаживаются на землю. Тогда поднимается съ своего мѣста одинъ изъ „матаубей“ (помощниковъ) Туи-Тонга, выходитъ впередъ, садится противъ могилы и говорить молитву, въ которой онъ обращается сначала ко всѣмъ богамъ, потомъ къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности и наконецъ къ покойному Туи-Тонга. Затѣмъ встаютъ снова всѣ присутствующіе, берутъ свой ямсъ, снова обходятъ нѣсколько разъ процессіей около могилы и наконецъ снимаютъ ямсъ съ жердей. Послѣ того приносится всѣ остальныя жертвы, состоящія изъ двухъ плодовъ земли, сушеної рыбы, кусковъ матеріи, цыновокъ и проч. Одинъ изъ „матаубей“ Туи-Тонга производить тогда дѣлежъ всѣго пожертвованнаго: четвертую часть онъ отдаетъ жрецамъ, а остальное дѣлить поровну между королемъ и Туи-Тонга. Затѣмъ начинается приготовленіе и питье любимаго, національнаго напитка, „кава“, а въ это время одинъ изъ „матаубей“ обращается къ народу съ рѣчью, въ которой онъ говорить, что, исполнивши свою священную обязанность, народъ можетъ разсчитывать на защиту и покровительство боговъ и на долгую жизнь.

Празднство заканчивается танцами, борьбой и кулачными боями.

Сходство этого обряда съ описанными нами обрядами евреевъ, литовцевъ, черемисъ и другихъ выше перечисленныхъ народовъ заключается 1) въ

томъ, что обрядъ приходится на вторую половину года, 2) онъ пруро-ченъ ко времени созрѣванія и уборки плодовъ земныхъ, 3) совершенію обряда предшествуетъ еженощное трубленіе въ теченіе несколькихъ дней, 4) трубленіемъ же сопровождается самыи обрядъ, 5) празднество имѣть на-циональный характеръ, такъ какъ на него съезжаются люди съ далекихъ окрестностей, 6) жертва богамъ приносится изъ первыхъ плодовъ текущаго года, 7) торжество совершаются только одинъ разъ въ годъ, 8) въ ряду другихъ торжествъ оно считается самыи важнымъ или однимъ изъ самыхъ важныхъ, какъ „Великій“ праздникъ у литовцевъ, 9) цѣль жертвы—испро-сить у боговъ покровительство земледѣлію, 10) кромѣ покровительства земледѣлію жертвователями ожидается въ видѣ награды за жертву долгая жизнь, о которой во время своихъ, соответствующихъ Полинезійскому „Начи“, торжествъ гадаютъ евреи и мингрельцы и 11) празднество, также какъ черемисскій „сюремъ“, заканчивается состязаніями въ силѣ и въ лов-кости.

По времени своего совершенія (осеннее полугодіе), разбираемый нами обрядъ напоминаетъ кромѣ того Сиро-Финикійскій культь Адониса, извест-ный также и грекамъ и олицетворявшій собою ежегодное умирание и возрож-деніе растительной силы на землѣ. Согласно греческому миѳу, Адонисъ, по волѣ Зевса, отъ весеннаго до осеннаго равноденствія живетъ въ вышихъ небесныхъ сферахъ съ богиней Афродитой и ежегодно умираетъ отъ вепра, высылаемаго его противникомъ, богомъ Аресомъ. На второе же осеннее по-лугодіе онъ переходитъ въ подземныя сферы, гдѣ живетъ съ богиней Про-вершиной, пока на весну снова не возвратится въ небесныя сферы. Празд-нества въ честь Адониса, называвшіяся у грековъ Адоніями, происходили въ разныx мѣстностяхъ Греціи не одновременно, то въ началѣ лѣта, то во время жатвы, то наконецъ поздней осенью во время уборки плодовъ и вино-града (268). Культь этотъ, вѣроятно, былъ не безъизвѣстенъ и древнимъ евреямъ, судя по одному изъ титуловъ, которымъ они называли Бога: „А до-наи“. А на знакомство съ тѣмъ же культомъ литовскаго народа намекаетъ приведенный нами выше обычай древнихъ Пруссовъ (народа литовскаго племени) ежегодно осенью разбивать статую своего божества Земеника и за-мѣнять ее новою.

Труба можетъ считаться этнографическимъ признакомъ, характернымъ для нѣкоторыхъ народныхъ группъ.

Изъ собранного здѣсь материала мы видимъ, какую важную роль иг-рала труба въ жизни человѣчества. Ей приписываютъ божественное происхож-деніе, ее сохраняютъ въ качествѣ реликвіи или священнаго предмета въ хра-

макъ, звукъ ея считаютъ чудотворнымъ, имъ призываютъ въ храмъ. Трубою сопровождаются богослуженія, жертвоприношенія и религіозныя процесіі, восходъ и занять солнца, религіозныя празднества, приходящія на всѣ времена года и на всѣ мѣсяцы въ году, рожденіе ребенка, свадьбу, похорони и на конецъ главнѣйшія занятія человѣка, какъ скотоводство и земледѣліе. Словомъ, почти нѣть ни одного важнаго момента въ человѣческой жизни, который бы не сопровождался трубнымъ звукомъ. Причиной такого высокаго значенія трубы въ глазахъ человѣка были, конечно, ея мощные звуки, способные внушать страхъ живымъ существамъ, а слѣдовательно придавать извѣстную силу ея обладателю. Сила же во всѣхъ ея видахъ и во всѣ времена была предметомъ человѣческихъ желаній, стремленій и надеждъ. И такъ въ трубѣ и ея звукахъ человѣкъ высоко чтилъ ту силу, которую она ему давала. Но кто же были тѣ враги человѣчества, противъ которыхъ помогала ему эта сила? Были-ли то существа равныя ему въ умственномъ отношеніи или низшія, чѣмъ онъ? Послѣднее намъ кажется вѣроятнѣе. Дѣйствительно о многихъ народахъ древности намъ передаютъ, что ихъ нападенія сопровождались „ужаснымъ“ ревомъ трубы, изъ примѣра Гедеона и Авіи мы видѣли, что благодаря трубамъ иногда выигрывались сраженія. Но дѣйствовалъ-ли во всѣхъ этихъ случаяхъ устрашающимъ образомъ самій звукъ трубы? Разумѣется вѣтъ: труба была страшна только потому, что извѣщала о нападеніи многочисленнаго и грознаго противника. Можетъ быть, и было когда-нибудь такое время, впервые послѣ изобрѣтенія трубы, когда народъ, гдѣлавшій это изобрѣтеніе, пользовался преимуществами надъ своими противниками, которымъ трубы еще не были извѣстны, но во всякомъ случаѣ время это не могло быть продолжительнымъ, каждый народъ могъ воспользоваться очевидными преимуществами, дававшимися трубой, такъ какъ матеріала для постройки этого инструмента вездѣ много, а сдѣлать его себѣ по готовому образцу не особенно трудно. Слѣдовательно военные свойства трубы, намъ кажется, были бы недостаточны для того, чтобы она пріобрѣла такое, какъ мы видѣли, высокое значеніе у человѣчества, близкое къ ея культу. Вѣрите всего допустить, что труба въ самыя первобытныя времена оказала огромную помошь человѣку въ его борьбѣ съ хищниками животнаго царства, которые въ начальѣ были опасны для самого человѣка, а позже для его домашніхъ животныхъ.

Какъ бы ни было, но сознавая извѣстную силу, пріобрѣтеннѣю при помошіи трубы, человѣкъ естественно стремился примѣнить этотъ инструментъ всюду, гдѣ только видѣлъ для себя враговъ. Испытавши могущество трубного звука надъ звѣрями и людьми, онъ думалъ устрашить тѣмъ же и своихъ невидимыхъ враговъ, бѣсовъ, которые въ первоначальномъ представлѣніи человѣка не были могучими безплотными духами, какъ мы знаемъ ихъ теперь.

а существами, одаренными плотью и кровью, но невидимыми по ихъ малой величинѣ, чѣмъ то вродѣ мелкихъ насѣкомыхъ.

Позже взглядъ на бѣсовъ измѣнился, ихъ стали считать духами безплотными, но обряды для ихъ изгнанія остались все тѣ-же. Трубный звукъ продолжаетъ считаться страшнымъ для всей нечистой силы, а игра на трубѣ дѣломъ богоугоднымъ.

И такъ въ трубѣ человѣкъ цѣнилъ ея мощный звукъ, но вѣдь известны еще и другіе музикальные инструменты, которые даютъ звукъ не менѣе сильный и далеко слышный, какъ напр. барабанъ, тарелки, тамъ-тамъ и колоколь, или духовые инструменты вредѣ флейты и гобоя, звуки которыхъ хотя и уступаютъ трубѣ на далекомъ разстояніи, но на близкомъ чуть-ли не превосходятъ ее своей пронзительностью. Было бы интересно въ высшей степени прослѣдить сравнительное значеніе всѣхъ этихъ инструментовъ въ жизни человѣчества, но это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко въ сторону отъ предмета настоящей статьи, такъ какъ вопросъ этотъ весьма обширенъ, а потому мы ограничимся на этотъ разъ лишь иѣкоторыми краткими замѣчаніями.

Металлическія ударные инструменты какъ тарелки, тамъ-тамъ и колоколь по всей вѣроатности болѣе новаго происхожденія, чѣмъ труба, такъ какъ для ихъ производства нужны были металлы, а труба могла быть известна человѣку еще въ каменный періодъ, когда металлы не были известны. Слѣдовательно, инструменты эти, какъ болѣе новые, не могли отнять отъ трубы всей ея славы, укрѣпленной вѣками, также какъ не можетъ этого сдѣлать ни ружейный или пушечный выстрѣлъ, ни свистки локомотива, дающіе несравненно болѣе сильные звуки. Но все-таки значительную долю этой славы металлические ударные инструменты, какъ будуть описано ниже, уже отняли, а мѣстами быть можетъ и совершенно вытѣснили трубу, занявши ея мѣсто. Что касается барабана, то онъ по своей древности врядъ ли уступаетъ трубѣ, а потому сплошь и рядомъ фигурируетъ вмѣстѣ съ нею и очень часто ее замѣняетъ. Кромѣ того, есть случаи, въ которыхъ съ трубою очень успѣшно конкурируютъ такие же древніе, какъ труба, деревянные инструменты изъ рода флейтъ и гобоевъ и даже волынка. Такимъ образомъ, есть народы, которые въ своей религіозной жизни не пользуются иными инструментами кромѣ трубы, есть такие, которые кромѣ трубы имѣютъ и другіе инструменты: ударные и духовые и, наконецъ, есть такие, которые вовсе не признаютъ значенія трубы, но выше всего ставятъ барабаны, флейты или гобой. Если мы теперь обратимся къ тѣмъ моментамъ изъ жизни народовъ и къ тѣмъ приведеннымъ выше обрядамъ и обычаямъ, которые сопровождаются трубными звуками, то увидимъ, что въ массѣ случаевъ они вовсе не связаны съ трубами нераз-

рывно, такъ какъ трубные звуки замыкаются сплошь и рядомъ звуками другихъ инструментовъ или же просто шумомъ и крикамиъ.

Изъ всего собранного здѣсь материала видно, что наибольшее распространеніе по земному шару труба имѣла въ качествѣ инструмента военнаго и сигнальнаго. На войнѣ ея громкіе звуки, повидимому, болѣе всего были необходимы для человѣка, а потому эта необходимость скорѣй всего могла вызвать заимствованіе и передачу трубы отъ народа къ народу. Но при всемъ томъ мы находимъ историческія свидѣтельства, что древніе греки, напримѣръ, заимствовали свою военную трубу сравнительно въ очень позднія историческія времена, а до тѣхъ порь довольствовались на войнѣ кинарами и флейтами. Кромѣ того, есть свидѣтельства о древніхъ Парѳянахъ, что у нихъ барабанъ былъ такимъ же національнымъ военнымъ инструментомъ, какъ у персовъ труба. Далѣе у арабовъ, у османовъ, у киргизъ и въ старинныхъ польскихъ войскахъ дудки изъ рода гобоеvъ считаются военными инструментами наравнѣ съ трубами. У китайцевъ съ трубой въ качествѣ военнаго инструмента соперничаетъ го-иъ-конгъ, а у австралійскихъ дикарей тамъ-тамъ. Да наконецъ и въ наше время въ европейскихъ войскахъ барабанъ пользуется совершенно одинаковыми правами гражданства съ трубой. Такимъ образомъ въ военномъ дѣлѣ труба не представляетъ собою единственнаго и неизбѣжнаго инструмента.

Но еще рѣже встрѣчается она въ качествѣ инструмента религіознаго. Даже у евреевъ, гдѣ уваженіе къ трубѣ граничило съ ею культомъ, рядомъ съ нею были употребляемы при богослуженіяхъ арфы или гусли. Тоже самое мы видимъ въ Индіи, гдѣ брамини пользуются трубой при своихъ религіозныхъ обрядахъ вмѣстѣ съ колокольчикомъ и у буддистовъ, гдѣ кромѣ трубы при храмахъ существуетъ много другихъ музыкальныхъ инструментовъ духовныхъ и ударныхъ. У древніхъ литовцевъ при жертвоприношеніяхъ кромѣ трубъ и роговъ употреблялись бубны, котлы и пищалки. У черемисовъ Царевококшайскаго уѣзда при ихъ жертвоприношеніяхъ кромѣ трубы мы находимъ гусли и „пузырь“ (родъ волынки). Послѣдній инструментъ считается у нихъ даже священнымъ. У нашихъ сибирскихъ ино-родцевъ, у лопарей, самоѣдовъ и другихъ арктическихъ народовъ съвернаго полушарія трубы вовсе нѣтъ, а роль священнаго инструмента играетъ знаменитый бубенъ шамановъ и т. д.

Какъ инструментъ для храмового благовѣста въ Европѣ и во многихъ странахъ Азіи, труба замыкается колоколами, а гдѣ таковыхъ нѣтъ, колотушками и трещетками. Тѣ же самые инструменты замыкаютъ колокола и во время такъ называемаго „поста колоколовъ“, какъ это при-

ходится наблюдать у поляковъ католиковъ Ломжинской губерніи Островскаго уѣзда и у бывшихъ униатовъ Сѣдлецкой губерніи Родинскаго уѣзда.

Для ежедневнаго оповѣщенія жителей о восходѣ и закатѣ солнца у персіанъ, до сихъ поръ соблюдающихъ этотъ обычай, кроме трубы, употребляется еще барабанъ.

Выше мы приводили рядъ ежегодно совершаемыхъ и сопровождающихся трубой обрядовъ или прямо называемыхъ „изгнаніемъ бѣсовъ“, или хотя не называемыхъ такъ, но вполнѣ имъ соотвѣтствующихъ. И вотъ у французовъ во время совершенія обряда „огней“, кроме трубныхъ звуковъ, раздаются еще выстрѣлы, а у черемисовъ при „изгнаніи бѣсовъ“ стрѣляютъ и шумятъ трещетками. Въ иныхъ мѣстностяхъ труба въ такихъ же случаяхъ даже вовсе отсутствуетъ и замѣняется: стрѣльбой и щелканьемъ бича — въ Эльзасѣ (269), игрой на дудкахъ — у малороссовъ (270), игрой на бубнахъ, сопѣляхъ и издѣліахъ струиныхъ — въ старину у великороссовъ (271), трещеткой и скрипкой — у современныхъ чувашъ (272) и т. под.

Обрядъ трубленія въ Новый годъ, соблюдаемый у современныхъ евреевъ, имѣть также свои варианты, въ которыхъ труба или отсутствуетъ или замѣняется другими музыкальными инструментами.

Такъ, въ Германіи въ Новый годъ стрѣляютъ изъ ружей и щелкаютъ хлыстомъ, чтобы отогнать злого духа; на Гарцѣ обычай этотъ известенъ подъ именемъ „Новогодней стрѣльбы“ (273). Кашубы въ Помераніи поднимаютъ адскій шумъ, чтобы прогнать старый годъ изъ своихъ деревень и съ полей (274).

У имеретинъ (275), грузинъ (276) и гурійцевъ (277) Новый годъ встречаютъ стрѣльбой.

Въ Тибетѣ въ полночь послѣднаго дня старого года молодые люди съ барабаннымъ боемъ выходятъ въ поля (278).

У Молдаванъ наканунѣ Нового года молодежь ходить отъ дома къ дому со звономъ колокольчиковъ, хлопаньемъ бичей и дружными криками (279).

Тоже самое можно сказать объ обычай саксонскихъ нѣмцевъ и Тибетцевъ изгонять трубнымъ звукомъ злого духа, производящаго болѣзни. Идея изгнанія болѣзни шумомъ, повидимому, широко распространена по земному шару. Такъ на о-вѣ Мадагаскарѣ, по словамъ очевидца, для излеченія болѣзни считаются необходимымъ изгнать изъ заболѣвшаго злого духа ангатру, для чего бываютъ, что есть мочи, надъ ухомъ больного топорикомъ по клину, подвѣшеному на струнѣ (280). Въ западной Австралии на обя-

занности декаря лежитъ бѣгать кругомъ пациента и, уходя отъ него, стрѣлять, чтобы отпугнуть злыхъ духовъ (281) и т. под.

Вѣрованье чеховъ, что труба отгоняетъ грозовые тучи, также не можетъ считаться оригинальнымъ, потому что существуетъ у многихъ другихъ народовъ. Такъ, напримѣръ, поляки думаютъ, что грозовые облака тянутъ особые духи, называемые планетниками и что ихъ можно отогнать звономъ колоколовъ (282). Съ тю же цѣлью звонять въ колокола въ бельгійскомъ Люксембургѣ (283) и въ Эльзасѣ (284). У одного изъ южноамериканскихъ племенъ гуайкурусовъ, предвида бурю, мужчины вооружаются своими маканами и выходятъ изъ деревень, а женщины и дѣти, сѣдя за ними, кричать изъ всѣхъ силъ, думая такимъ образомъ прогнать демона, который причиняетъ бурю (285).

Еще больше варіантовъ имѣеть приведенный нами выше обычай негровъ съ береговъ Нигера отгонять съ трубою демоновъ или драконовъ, проглатывающихъ, по народному вѣрованью, луну во время ея затмѣнія. Такъ, напримѣръ, вангуаны восточной Африки въ томъ же случаѣ колотятъ въ металлическую посуду (286). Въ Константинополь производятъ шумъ при помощи чугуновъ, костровъ, котловъ и т. под. звонкой посуды (287). У Бессарабскихъ Гагаузовъ стрѣляютъ изъ ружей, стучать въ мѣдную посуду и всячески шумятъ. У Грузинъ—поднимаютъ крикъ и стрѣляютъ изъ ружей (288). У Армянъ стрѣляютъ изъ ружей, звонять въ колокола, поднимаютъ шумъ и гамъ (289). Мусульмане Талтшинцы Ленкоранского уѣзда стучать въ мѣдную посуду и стрѣляютъ изъ ружей (290). У татаръ Шемаханского уѣзда—стрѣляютъ изъ ружей, бьють палкой въ мѣдные тазы и вообще поднимаютъ шумъ и гвалтъ (291). Удины православные и греко-ориентальные с. Варташене Нухинского уѣзда—стрѣляютъ изъ ружей и шумятъ (292). У тюркскаго племени карагасовъ (въ Сибири) стрѣляютъ изъ ружей (293). Въ Китѣ самъ императоръ бѣть въ барабанъ. У Стіеновъ въ Камбоджѣ издаютъ дикие крики. На о-вѣ Суматрѣ производятъ сильный шумъ съ помощью различныхъ инструментовъ. Ирокезы въ Африкѣ кричать, шумятъ, стучать, бьють въ барабаны и стрѣляютъ изъ ружей. Каракбы—кричать и шумятъ въ священную трещетку. Индѣйцы Чикитосы пускаютъ въ небо тучи стрѣль, сопровождая все это громкими криками. Нѣкоторые племена сѣверной Мексики и полуострова Юкатана били своихъ собакъ и производили шумъ всякаго рода. Древніе Перуанцы также били своихъ собакъ, чтобы заставить ихъ выть. Гренландцы колотятъ въ котлы (294) и т. д.

Словомъ, повидимому, нѣть или почти нѣть такихъ обрядовъ, которые не были бы неразлучны съ трубою.

Вотъ почему мы думаемъ, что особое пристрастіе къ трубѣ и употребленіе

ся при тѣхъ или другихъ обрядахъ у какой-либо этнографической группы можетъ служить для нея характернымъ признакомъ, отличающимъ ее отъ однѣхъ группъ и сближающимъ съ другими.

Изъ собранного здѣсь материала видно, что труба широко распространена по земному шару за исключениемъ развѣ сѣверной Сибири (295) и всѣхъ арктическихъ странъ. Однако, можно думать, судя по примѣру Польши, въ доброй половинѣ которой иѣть трубы въ народномъ употреблѣніи, всей Малороссіи, Гагаузовъ, у которыхъ на языкѣ иѣть даже слова для понятія трубы, молдаванъ, болгаръ, древней Греціи, въ которой труба введена была въ историческія времена и проч., что труба распространяется по земному шару далеко не сплошь, а спорадически. Причемъ въ этомъ отношеніи сходны между собою такие отдаленные народы какъ австралійцы съ литовцами, негры Гвинеи съ бурятами, американские индѣйцы съ французами и т. под., а въ тоже время отличаются такія близкія племена, какъ малороссы украинскіе и галиційскіе или поляки Ломжинской губ. и поляки же Петрововской губерніи.

Есть въ этомъ распространеніи трубы что-то какъ бы нанесенное извѣнѣ, неимѣющее ничего общаго съ родствомъ людей по цвету кожи, по строенію тѣла, по языку, по исторической судьбѣ и т. д.

Первое, что можетъ прійти въ голову при разсмотрѣніи, собранного нами материала—это то, что труба могла быть изобрѣтена самостоительно у всѣхъ тѣхъ народовъ, у которыхъ она существовала или существуетъ. Но такому предположенію противорѣчать факты изъ области трубной техники. Такъ напримѣрь одинъ и тотъ же инструментъ, одинакового устройства, можно найти на огромныхъ пространствахъ. Трубы изъ слоновыхъ клыковъ съ мундштукомъ на боковой поверхности встречаются на всемъ Африканскомъ материкѣ отъ Египта до мыса Доброй Надежды и отъ Занзибара до Гвинейского залива.

Раковины-трубы съ мундштукомъ на боковой поверхности можно найти по всей Полинезіи отъ Индійского Архипелага до Маркизовыхъ острововъ. Трубы съ мундштукомъ на концѣ распространяются по всей Европѣ, Азіи и Америкѣ. Прямую и длинную деревянную трубу въ Южной Америкѣ можно встрѣтить отъ Венецуэлы черезъ всю Бразилію до Чили.

Мало того, если приглядѣться поближе къ собранному нами здѣсь материалау, то можно даже построить нѣсколько догадокъ о томъ, какими путами и въ какомъ направленіи одна часть свѣта вліяла на другую. Такъ, напримѣрь, если мы возьмемъ трубы-раковины, то ихъ центромъ была, повидимому, Индія, откуда они распространялись на востокѣ въ Полинезію, но въ этой послѣдней съ Азіатскимъ вліяніемъ столкнулось Африканское, такъ какъ раковины имѣютъ здѣсь боковое мундштучное отверстіе, составляющее характерную особенность трубъ Африканского материка. Обратного же вліянія со сто-

роны Полинезии въ сторону Африки незамѣтно, такъ какъ трубы-раковины дальше о-ва Мадагаскара въ Африкѣ не распространяются. Что касается южной Европы, то общность ея съ Индіей въ этомъ отношеніи очевидна, хотя эти мѣстности раздѣлены между собой передней Азіей, въ которой раковинъ-трубъ не было.

Наконецъ, центральная Америка, къ немалому нашему удивленію, въ отношеніи трубъ обнаруживаетъ близость не съ Австралией, какъ-бы того слѣдовало ожидать, а со старымъ свѣтомъ, такъ какъ расположение мундштучного отверстія во всей Америкѣ одинаково съ Европейскимъ и Азіатскимъ, за исключеніемъ Сѣверо-восточного угла южной Америки, которая по своему боковому мундштучному отверстію сходна съ Африканскимъ материкомъ (табл. I №№ 3, 7 и 8).

Такъ что, если труба возникла самостоительно въ иѣсколькихъ пунктахъ земного шара, то пунктовъ этихъ могло быть сравнительно очень немнога.

Въ томъ же убѣждаетъ нась сравненіе между собою названій для трубъ, встрѣчающихся въ разныхъ концахъ земного шара. Повидимому большинство этихъ названій происходятъ изъ иѣсколькихъ звукоподражательныхъ корней:

Такъ напримѣръ цѣлый рядъ названій для трубы происходит отъ корня кр.: у древнихъ евреевъ и абиѳиѳиѳовъ: керенъ, греч. κερας, кельтск. *carpnix*, латинск. *cornu*, итальян. *corno*, француз. *corne*, нѣмец. и англійск. *horn*, таранчинск. карнай, киргизское кернай, османское цурна, индійск. *carnal*, японск. *hora*.

Отъ другого корня *tr*: итал. *tromba*, франц. *trompette*, нѣм. *Trompette*, англ. *trumpet*, чешск. *trouba*, русск. труба, польск. *trąba*, галиц. трэмбита или трубета, средневѣков. европ. *taigae*, латыш. *tauge*, ость-индійск. *tare*, *tutare*, *turl*, *tarai*, южно-америк. *turge*.

Отъ корня *br*: инд. *buri*, *bhere*, *bherubnathi*, монгольское бурѣ.

Отъ корня *rg*, *rk*: русск. рогъ, латышск. гах.

Отъ корня *tud*: индійск. *tuda*, русск. туда, чувашск. тудуть.

Отъ корня *buk*, *buc*, *buc*: латин. *buccina*, франц. *busine*, *buisine*, испан. *bozina*, старонѣмец. *pusine*, новонѣмец. *busaune*, чевернійск. пузо, путь, Филип. остров. *budiong*, южн. Америк. *batuto*, греч. *βυχανη*, грузинск. и имерет. буки, арманск. *rogħ pegħenstia*, индійск. *ringa*.

Отъ корня *kb*: индійск. *kombee*, *kombi*, осман. *cabu* - цурна и т. д.

Но что труба переносилась по земному шару съ мѣста на мѣсто, болѣе всего убѣждаетъ нась сравненіе между собою обычавъ и обрядовъ, соединенныхъ съ ея употребленіемъ, изложенное въ началѣ настоящей главы.

И такъ невозможно отрицать, что между народами земного шара относительно трубы и, связанныхъ съ нею, обычаевъ существуетъ иѣкоторая общность. Вопросъ только въ томъ, какъ себѣ ее объяснить. У насъ для такого рода фактовъ есть только два объясненія: 1) прямое заимствованіе отъ соседей и 2) заимствованіе черезъ купцовъ. Объяснить такимъ образомъ передачу самого инструмента еще кое-какъ возможно, но понять распространение тѣмъ же путемъ вѣрованій, обрядовъ и обычаевъ уже гораздо труднѣе, зная какъ всея народы консервативны и какъ цѣлко они держатся за свою родную старину. Однако, дѣйствительность даетъ намъ еще болѣе сложныя и запутанныя явленія, понять которыхъ при вышеизложенномъ способѣ объясненія уже совершенно невозможно. Какъ, напримѣръ, объяснить распространеніе одинаковыхъ обычаевъ не между соседними народами, а между такими, которые говорить совершенно на различныхъ языкахъ, отдѣлены между собою тысячами verstъ и живой стѣной изъ другихъ народовъ, такихъ обычаевъ неимѣющихъ. Или какъ объяснить заимствованіе тѣмъ же путемъ и при такихъ же усло-віяхъ обычаевъ не одного какого-либо рода, а цѣлаго ряда обычаевъ самыхъ разнородныхъ, цѣлой комбинаціи ихъ, составленной какъ бы совершенно случайно. Рядъ такого рода трудно объяснимыхъ фактовъ мы и намѣреваемся привести въ слѣдующей главѣ.

Загадочные параллели.

Есть не мало скептиковъ, даже среди людей, занимающихся этнографіей, которые не ждутъ большой пользы отъ сравнительнаго изслѣдованія такъ называемыхъ международныхъ сказочныхъ темъ, вѣрованій, обрядовъ, обычаевъ и проч. Для нихъ вовсе не кажется страннымъ, совпаденіе хотя бы даже въ мельчайшихъ подробностяхъ вѣрованій, обычаевъ и темъ у народовъ самыхъ отдаленныхъ между собою по языку и раздѣленныхъ морами и океанами. Человѣчество въ ихъ глазахъ представляется настолько однообразнымъ психически, что отдѣльные его народы и племена должны были совершенно независимо, безъ всякихъ международныхъ сношеній прійти къ однѣмъ и тѣмъ же вѣрованіямъ, обрядамъ и обычаямъ. Но есть однако случаи, въ которыхъ даже эти скептики не могутъ объяснить международную общность только однообразной организаціей психической природы человѣка. Сюда относится вопросъ о человѣческихъ языкахъ. Ни одинъ самый отчаянныи приверженецъ теоріи машинообразнаго дѣйствія человѣческой психики не могъ бы допустить, напримѣръ, что такие, близкіе между собой языки, какъ русскій и польскій, нѣмецкій и голландскій, французскій и итальянскій могли возникнуть совершенно самостоятельно, независимо другъ отъ друга и только слу-

чайно сойтись между собою на однихъ и тѣхъ же корняхъ и грамматическихъ формахъ. Спрашивается: что же именно въ этомъ случаѣ заставляетъ принимать за неоспоримый фактъ общее происхожденіе изъ одного источника такихъ близкихъ между собою языковъ? Отчего, принимая у всего человѣчества однообразную психическую организацію, мы не можемъ однако ии на минуту допустить, чтобы два народа, живя совершенно отдельно другъ отъ друга и вырабатывая самостоятельно свои языки, могли бы сойтись на ихъ корняхъ и формахъ такъ близко, какъ сходится напримѣръ русскій народъ съ польскимъ? Ясно, что здѣсь играетъ роль прежде всего огромная сложность такого психического явленія какъ народный языкъ. А следовательно, если мы находимъ у двухъ или нѣсколькихъ народовъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго въ ихъ историческихъ судьбахъ, общія вѣрованья, обряды и обычай, то мы до тѣхъ только поръ можемъ сомнѣваться въ доисторической общности этихъ народовъ, пока ихъ общія вѣрованья, обряды и обычай не очень сложны, но какъ только сложность этихъ этнографическихъ признаковъ увеличится, то вѣрѣсть съ тѣмъ увеличится и вѣроятность ихъ общаго происхожденія.

Вотъ этотъ-то законъ и даетъ въ руки этнографа изслѣдователя ключъ къ мысленному проникновенію въ такія отдаленные эпохи изъ минувшей жизни народовъ, о которыхъ исторія не можетъ имѣть ни малѣйшаго представленія. Путей къ такого рода изслѣдованіямъ можетъ быть очень много, но мы хотимъ указать здѣсь на одинъ изъ нихъ, который, какъ намъ кажется можетъ привести къ очень плодотворнымъ результатамъ. Изслѣдователи должны прежде всего собрать свѣдѣнія о какомъ-либо международномъ вѣрованіи подобно тому, какъ мы собрали здѣсь свѣдѣнія о трубахъ. При этомъ по отношенію къ данному вѣрованію человѣчество раздѣлится на двѣ части: одна — несомнѣнно имѣющая у себя искомое вѣрованье, а другая — его не имѣющая. Вотъ — первый шагъ по пути подобнаго рода изслѣдованій.

Если обратиться къ трубѣ и обычаямъ, съ нею соединеннымъ, то при помощи собранныхъ здѣсь свѣдѣній мы можемъ раздѣлить все человѣчество на двѣ большія группы: 1) народы, имѣющіе у себя трубу и пользующіе ею для разныхъ своихъ цѣлей и 2) народы, неимѣющіе трубы и не пользующіе ею. Назовемъ первую изъ этихъ группъ — А.

Сдѣлать предположеніе, что у всѣхъ народовъ, вошедшихъ въ составъ группы А, труба могла быть изобрѣтена самостоятельно еще до нѣкоторой степени возможно, хотя не безъ натяжки, но при дальнѣйшемъ, болѣе близкомъ знакомствѣ съ собраннымъ нами матерьяломъ такое предположеніе, какъ мы увидимъ, становится все менѣе и менѣе вѣроятнымъ.

Если мы сличимъ между собою вѣрованья, соединенные съ трубой, у

народовъ, входящихъ въ группу А, то увидимъ что эти народы можно снова подраздѣлить на двѣ группы по сходству въ деталяхъ ихъ вѣрованій и обычаевъ. Напримѣръ, мы получимъ: 1) такие народы, у которыхъ есть религіозное уваженіе къ трубѣ и 2) такие, у которыхъ никакого религіознаго уваженія къ этому инструменту не имѣется.

Если мы назовемъ первую изъ этихъ новыхъ группъ черезъ В, то увидимъ вонпервыхъ, что группа В менѣе группы А, а во вторыхъ, что вѣроатность доисторической общности между народами, входящими въ группу В стала больше, чѣмъ она была для народовъ группы А, такъ какъ между народами группы А общую была только одна черта: пользованіе трубою, тогда какъ между народами группы В есть уже двѣ общія черты: 1) пользованіе трубою и 2) религіозное уваженіе къ трубѣ.

Если мы тѣмъ же порядкомъ снова подраздѣлимъ группу В на двѣ новые группы напримѣръ на такую, въ которой приняты исключительно прямыя трубы и такую, въ которой имѣются кромѣ прямыхъ еще и изогнутыхъ, то получимъ еще новую группу С, которая будетъ менѣе В, но у которой вѣроатность доисторического общенія народовъ, входящихъ въ группу, еще болѣе увеличится и т. д.

Слѣдовательно, если мы для сравненія между собою народовъ по отношенію ихъ къ какому-либо общему обычая будемъ вводить одну общую черту за другой, то будутъ получаться все менѣшія и менѣшія группы, а вѣроатность до исторического общенія между народами въ этихъ группахъ будетъ становиться все болѣе и болѣе и изъ области предположеній будетъ все болѣе и болѣе передвигаться въ область неоспоримыхъ фактovъ.

Рассуждая подобнымъ же образомъ, мы могли бы дойти въ концѣ концовъ и до той небольшой группы народовъ, между обычаями которыхъ, связанныхъ съ трубой, сравненіе было сдѣлано нами выше, мы говоримъ: о евреяхъ, литовцахъ, полякахъ (губерній: Плоцкой, Ломжинской и Сѣдлецкой), русскихъ (губерніи Сѣдлецкой, Гродненской, Волынской и Минской), черемисахъ, мингрельцахъ и тибетцахъ. Между народами этой группы сходство по отношенію къ вѣрованьямъ, соединеннымъ съ трубой, оказалось такъ велико, что мы считаемъ себя въ правѣ искать между ними и другія сходственные черты, ничего общаго съ трубой не имѣющія. И дѣйствительно, ниже мы увидимъ несколько поистинѣ странныхъ загадочныхъ паралелей въ числѣ этнографическихъ признаковъ этихъ народовъ.

Легко понять, что если бы мы подобнымъ же образомъ изслѣдовали и другія международныя вѣрованья, то получили бы рядъ народныхъ группъ, между которыми были несомнѣнныя близкія сношения въ доисторическія вре-

мена, а это открыло бы передъ нами широкую картину доисторической жизни народовъ.

Переходя затѣмъ къ параллелямъ между обычаями евреевъ, литовцевъ, поляковъ (Плоцкой, Варшавской, Ломжинской и Сѣдлецкой губ.), русскихъ (Сѣдлецкой, Гродненской, Волынской и Минской губ.), черемисъ, мингрельцевъ и тибетцевъ, мы должны предупредить читателей, что мы не занимались подробнымъ сравнительнымъ изученіемъ этнографического материала всѣхъ перечисленныхъ здѣсь народовъ и взяли для сравненія только такія общія имъ черты, которыя такъ сказать слишкомъ бросались въ глаза, а потому и подборъ такихъ чертъ получился совершенно случайный. Кроме чертъ болѣе или менѣе общихъ всѣмъ взятымъ нами здѣсь народамъ, мы между прочимъ обратили вниманіе и на такія, которыя общіи только двумъ или тремъ изъ нихъ.

У большинства народовъ, какъ известно, существуютъ нѣкоторые излюбленные цвѣта въ одеждѣ или въ украшеніяхъ, у одного—блѣлый, у другого красный, у третьаго—синій, зеленый, желтый и т. д. У европейскихъ народовъ нашего времени цвѣты одежды и украшений сдѣлался предметомъ моды. Измѣняющая мода не только выдвигаетъ по произволу то тогъ, то другой цвѣтъ, отдавая ему временное преимущество надъ другими и называя его моднымъ, но даже отъ времени до времени придумываетъ новые цвѣта или лучше сказать оттѣнки цвѣтовъ. А потому мы уже привыкли смотрѣть на цвѣты одежды только съ точки зреенія его красоты. Но есть и въ нашей жизни такие случаи, когда всесильная мода принуждена бываетъ сообразоваться съ народными нѣрованьями. Такъ, напримѣръ, никакая мода не въ состояніи была бы измѣнить цвѣты нашихъ траурныхъ костюмовъ, хотя цвѣты траура вещь совершенно условная: мы знаемъ что у нѣкоторыхъ народовъ траурнымъ цвѣтомъ считается блѣлый, а у другихъ синій и даже желтый. Точно также мода не пытается измѣнить цвѣта свадебнаго костюма невѣсты, всегда блѣлого, хотя привычка къ употребленію этого цвѣта на свадьбѣ не имѣетъ никакихъ другихъ основаній, кромѣ какихъ-то древнихъ, совершенно забытыхъ нѣрованій. Если же отъ европейскаго интеллигентнаго общества обратиться къ простолюдинамъ, то тамъ мы найдемъ несравненно болѣе подобныхъ привычекъ къ известнымъ цвѣтамъ, сдѣлавшихся для народа второй натурой. Дѣйствительно, если присмотрѣться къ цвѣту народнаго костюма, то мы найдемъ огромныя области, гдѣ преобладаетъ красный цвѣтъ и другія, гдѣ преобладающимъ цвѣтомъ является черный, блѣлый или синій. Отсюда берутъ свое начало такъ называемые національные цвѣта. Но кромѣ національныхъ цвѣтовъ есть еще цвѣта религіозные, составляющіе отличительный признакъ, какъ бы знамя, для людей, принадлежащихъ къ одной религіи или же считающихся любимицами цвѣтомъ того или другого божества. Очень понятно, что привычка къ

такому цвѣту, предписываемому религіей, укрѣпляясь въ народѣ цѣлыми стольтіями, впослѣдствіи дѣлалась для него второй натураой и не легко было народу отѣваться отъ нея даже и въ томъ случаѣ, если онъ перемѣнялъ свою религію. Вотъ почему намъ кажется, что предпочтеніе, отдаваемое народомъ той или другой мѣстности какому-либо цвѣту должно быть интересно для этнографа, такъ какъ происхожденіе его въ большинствѣ случаевъ береть свое начало изъ глубочайшей древности.

Шарль Летурно (297) говоритъ, что „во всѣхъ мѣстахъ земного шара человѣкъ для украшенія себя употреблялъ яркіе цвѣта. Въ этомъ отношеніи всѣмъ человѣчествомъ единогласно отдается предпочтеніе красному цвѣту. Однако, прѣбываетъ тогъ же авторъ, существуютъ и исключенія“... Далѣе онъ перечисляетъ народы, у которыхъ излюбленнымъ цвѣтомъ является голубой. Къ такимъ народамъ принадлежать между прочимъ и евреи, хотя г. Летурно о нихъ вовсе не упоминаетъ. Особенно уважался голубой цвѣтъ у древнихъ евреевъ, какъ это видно изъ книги исхода (гл. 25). Передъ постройкой скиніи Богъ приказалъ Моисею принимать отъ сыновъ Израилевыхъ разный матеріялъ для нея и между прочимъ „шерсть голубую, пурпуровую и червленную“. Говоря обѣ этихъ трехъ родахъ шерсти и перечисляя разныя составныя части и принадлежности скиніи, которая должны быть изъ нихъ сдѣланы, Библія, отличающаяся точностью своихъ выраженій, на первомъ планѣ вѣздѣ ставитъ шерсть голубую. Такимъ образомъ изъ всѣхъ трехъ родовъ шерсти были сдѣланы (гл. 26): 1) 10 покрывалъ, составляющихъ скинію, 2) два завѣса у входа въ скинію, 3) Эфодъ (часть одежды Аарона), 4) Поясъ Эфода и 5) Наперсникъ (нагрудникъ) судный, а изъ одной голубой: 1) Петли къ покрываламъ, изъ которыхъ была составлена скинія (гл. 26), 2) Шнуръ, прикрѣпляющій наперсникъ къ кольцамъ Эфода (гл. 28), 3) Верхняя риза къ Эфоду (гл. 28) и 4) Шнуръ, прикрѣпляющій золотую дощечку съ надписью: „Святына Господня“ къ Кидару (головному убору первосвященника) (гл. 28). Кромѣ того верхній покровъ скиніи былъ сдѣланъ изъ синихъ кожъ (гл. 26).

Что касается одежды древнихъ евреевъ, не священниковъ, то каждый изъ мужчинъ къ четыремъ концамъ своего плаща долженъ былъ пришивать кисти (цицѣс) обязательно голубаго цвѣта („с хелес“), которые назывались „кистями видѣнія“ и служили какъ бы национальнымъ отличительнымъ признакомъ еврея. Впослѣдствіи этотъ плащъ (онъ называется Талэс) сталъ носиться евреями только во времена молитвы, а кисти были перенесены съ него на такъ называемый Талэс Кутонъ, т. е. Малый Талэсъ, съ которымъ евреи почти не должны разставаться (благочестивые евреи даже спать въ немъ). Въ настоящее время 4 кисти Талэсъ Кутона, изъ 7-ми нитей каждая, стали

дѣлаться уже не голубаго, а бѣлаго цвѣта, но авторы Талмуда знаютъ ихъ еще голубыми. Такъ, напримѣръ, въ Талмудѣ поднимался вопросъ о томъ, избавлять ли плащъ, окрашенный цѣликомъ въ голубой цвѣтъ, отъ необходимости имѣть кисти на немъ непремѣнно голубыя и быть рѣшень отрицательно.

Въ жизни современныхъ евреевъ въ особенности русскихъ голубой и синій цвѣтъ, новидимому, не играютъ никакой или почти никакой роли, по крайней мѣрѣ, они не являются преобладающими. Такъ у А. С. Дембовецкаго (298), описавшаго бытъ Могилевскихъ евреевъ, мы находимъ объ этомъ вопросѣ краткія замѣтки, которыя, впрочемъ, ничего не говорятъ о преобладаніи синаго или голубого цвѣтовъ. Мы узнаемъ здѣсь, что до 1845-го года евреи въ Россіи носили бѣлые или синіе чулки, что пуховые перины и подушки у современныхъ Могилевскихъ евреевъ дѣлаются изъ синаго ситца, а ихъ бѣлое молитвенное покрывало (Талэсъ) обшивается по краямъ тремя полосами синаго цвѣта. Наконецъ, сами мы, наблюдая домашній и общественный бытъ евреевъ преимущественно въ Волынской губерніи, встрѣчали синаго или голубого цвѣта: 1) тѣ полосы по краямъ „Талэса“, о которыхъ говорить г. Дембовецкій; 2) занавѣсь кивота, въ которомъ хранятся свитки Торы; 3) такъ-называемыя „рубашечки“ или чехлы, въ которыхъ сохраняются самые свитки и 4) платки, обыкновенно составляющіе собственность синагоги, которыми женихи на еврейскихъ свадьбахъ накрываютъ, по обряду, голову своихъ невѣстъ. Но всѣ эти предметы намъ приходилось встрѣчать и другихъ цвѣтовъ; занавѣси и „рубашечки“ Торы — темно-коричневаго цвѣта, полосы на краяхъ Талэса — чернаго, а свадебные платки бѣлаго цвѣта. Знатоки еврейскихъ законовъ и обычаевъ, спрошенные нами по этому поводу, дали слѣдующія небезинтересныя свѣдѣнія: „дѣйствительно, говорили они, у древнихъ евреевъ голубой цвѣтъ, называвшійся по древне-еврейски „Схелесъ“ (что по научному словарю Штетберга значить: „конецъ видимаго міра, туманная даль, глубь небеснаго свода, синева, лазурь небесная, а отсюда пряжа синаго цвѣта“), игралъ несравненно болѣе значительную роль, чѣмъ теперь у насъ. Въ нѣмецкомъ переводѣ Библіи слово „схелесъ“ передано словомъ „желтый“, но это совершенно невѣрно: въ Талмудѣ (трактать Ваваимезіа 61) разсказывается, что фарисеи, чтобы показать народу свое благочестіе, носили въ изобилии части одежды синаго цвѣта, но при этомъ фальсифицировали очень дорогую краску цвѣта „схелесъ“, предписанную закономъ, при помоши индиго. Кромѣ того, въ сборникѣ легендъ, изданномъ на древне-еврейскомъ языкѣ Шульманомъ, приводится на этотъ счетъ очень интересная легенда, такого содержанія:

„Дѣло происходило въ Иерусалимѣ. Одинъ весьма ученый раввинъ си-

дѣль въ синагогѣ, углубившись въ свои учёные занятия, какъ вдругъ является туда же его знакомый и сообщаетъ раввину, что въ его домѣ случилось какое-то несчастіе (по одному варіантамъ заболѣла жена раввина, по другимъ—его ребенокъ). Пораженный извѣстіемъ, раввинъ стремительно побѣжалъ домой, не успѣвъ даже въ попыхахъ снять надѣтаго на него въ эту минуту Талеса. По дорогѣ встрѣтилъ его арабъ духовнаго званія и, замѣтивъ на раввина плащъ синаго го цвѣта, счѣль свою религію оскорблennой, такъ какъ синий цвѣтъ составляетъ исключительную принадлежность потомковъ Магомета. Арабъ выхватилъ ножъ и съ яростью бросился на разсѣяннаго и глубоко опечаленнаго раввина. Холодная сталь уже готова была вонзиться въ сердце несчастнаго, но по волѣ Провиденія, рука убийцы мгновенно парализовалась, и благочестивый раввинъ былъ спасенъ чудомъ отъ неминуемой смерти”.

Въ Талмудѣ же мы находимъ объясненіе, почему у современныхъ евреевъ голубой цвѣтъ пересталъ играть выдающееся значеніе, а именно въ трактатѣ „Менахотъ“ 44) говорится, что голубой цвѣтъ (схелесь) приготовлялся изъ крови рыбы, извѣстной подъ именемъ „алузэнъ“. Рыба эта будто бы появлялась въ 70 лѣтъ разъ и составляла потому большую рѣдкость; это обстоятельство, будто бы и заставило позднѣйшихъ законодателей еврейскаго народа освободить его отъ обязательнаго ношенія „цицѣсъ“ синаго го цвѣта и разрѣшить для ношенія висти изъ бѣлой птицы. Интересно, что иѣкій цадикъ (благочестивый), по имени Гершонъ Генохъ, недавно умершій, родомъ изъ гор. Радзина, Сѣдлецкой губ., утверждалъ, что ему удалось найти въ одномъ аквариумѣ въ Италии рыбу „халузэнъ“. По возвращеніи домой онъ сталъ приготовлять на продажу эту краску, чѣмъ занимаются и до настоящаго времени насыѣдники и приверженцы этого цадика (цилая секта) и носятъ „цицѣсъ“ не бѣлаго, а голубого цвѣта. Весьма вѣроятно, что со стороны цадика вся эта выдумка была чистой мистификаціей, сочиненной лишь для „хорошаго гешефта“, но она характеризуетъ благоговѣйное отношеніе религіозныхъ евреевъ къ голубому цвѣту“.

Если у русскихъ и западно-европейскихъ евреевъ голубой цвѣтъ въ одеждахъ встречается, сравнительно, рѣдко, то у ихъ азиатскихъ и африканскихъ единовѣрцевъ, повидимому, кое-что сохранилось по этой части отъ библейскихъ временъ. Такъ, напримѣръ, китайскіе евреи, живущіе въ городѣ Койфынѣ (главномъ въ провинціи Хэ-нань) извѣстны китайцамъ подъ именемъ синихъ мусульманъ по цвѣту шапокъ ихъ раввиновъ (300). А Алжирскіе и Тунисскіе евреи зимою носятъ „длинный круглый плащъ синаго го цвѣта“ (301).

О синемъ цвѣтѣ у литовцевъ мы узнали кое-что отъ латышскаго этно-

графа, г. Новицкаго, который на латышской этнографической выставкѣ, бывшей въ г. Ригѣ въ 1896-мъ году, состоялъ однимъ изъ главныхъ ея распорядителей, а въ настоящее время завѣдуетъ латышскимъ этнографическимъ музеемъ въ томъ же городѣ. Показывая намъ на выставкѣ ткацкія издѣлія своего народа, въ которыхъ преобладали красный и зеленый цвета, г. Новицкій замѣтилъ, что эти два цвета настолько же характерны для латышей, какъ синій для ихъ ближайшихъ сосѣдей литовцевъ, а потому латыши считаютъ этотъ послѣдній цветъ отличительнымъ привидомъ для литовца. Кроме того, у Д. Афанасьевы (302) мы находимъ сообщеніе, что „обыкновенный подвѣнчный нарядъ невѣсты“ (у литовцевъ) составляетъ синій суконный кафтанъ, что богатыя женщины литовки въ уѣздахъ Вилькомирскомъ и Новоалександровскомъ „даже и въ будни носятъ юбки изъ тонкой голубаго цвета шерстяной матеріи, а мужчины литовцы носятъ кафтанъ, называемый кумала изъ льняной, смѣшанной съ шерстью ткани, подкрашенной въ синій или зеленый цветъ“.

Въ Забужской Руси, т. е. въ тѣхъ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи, где, какъ было описано выше, сохранился обычай трубить въ трубу, намъ приходилось бывать лично во многихъ селахъ и деревняхъ для собиранія этнографического материала, а потому мы можемъ привести здѣсь наши личныя наблюденія. Въ этой мѣстности старинные народные костюмы крестьянъ исчезаютъ можно сказать съ каждымъ днемъ, замѣняясь полугородскимъ костюмомъ, общимъ почти всему Царству Польскому. Но намъ удалось кое-гдѣ оазисами встрѣтить здѣшній старинный костюмъ во всѣхъ четырехъ русскихъ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи: Константиновскомъ, Радинскомъ, Бѣльскомъ и Владавскомъ. Мѣстами онъ сохранился еще и у молодежи, какъ напримѣръ во Владавскомъ уѣздѣ, а чѣще носится людьми пожилыми или стариками (въ остальныхъ трехъ уѣздахъ). Костюмъ этотъ, впрочемъ, распространяется отсюда далеко во всѣ стороны, на востокъ въ Гродненскую, Минскую и Витебскую губернію, на югъ въ сѣверную часть Волынской губерніи, въ Люблинскую и Кѣлещинскую и, наконецъ, на западъ въ другіе уѣзды Сѣдлецкой губерніи: Пуковскій и Сѣдлецкій. О распространеніи этого костюма въ западной Россіи, въ Галиціи и Польшѣ и о различныхъ его видоизмененіяхъ по мѣстностямъ мы имѣемъ довольно обширный материалъ и намѣреваемся напечатать его въ отдельной статьѣ, теперь же опишемъ его лишь въ общихъ чертахъ. Мужчины носить сверхъ сорочки короткіе полукафтаны (съ рукавами) изъ бураго или чернаго сукна, по здѣшнему „кѣбаты“, а сверхъ нихъ надѣваютъ длинные кафтаны такого же сукна, носащіе различные названія по мѣстностямъ, какъ-то: сукманы, свиты, кафтаны и проч. На головѣ шапка съ барашковымъ окончаніемъ (чернымъ) и съ верхомъ о четырехъ углахъ,

какъ упольской конфедератки или у нашей куцерской шапки. У женщинъ „кабаты“ замѣняются кофтами изъ чернаго же сукна, а верхняя одежда (сукманъ) совершенно такая же, какъ у мужчинъ. Характерной особенностью такого костюма для насъ являются его украшения: онъ обшивается по всемъ швамъ, по борту, по воротнику, по рукавамъ и по обшлагамъ голубыми шерстяными шнурками, а иногда кромѣ того украшаются на груди шнурками того же цвѣта, идущими поперекъ груди (какъ у гусаръ). Верхъ шапки дѣлается изъ голубого сукна. Такой костюмъ намъ приходилось, напримѣръ, встрѣтить на праздникѣ въ Лѣсненскомъ монастырѣ Константиновскаго уѣзда на крестьянахъ того же уѣзда, приходившихъ въ монастырь на богоомолье. Въ Радинскомъ уѣздѣ онъ сохранился уже только у стариковъ, мы видѣли его въ селахъ: Дрелевѣ, Рудно, Радче, Гусѣ, Яблонѣ, Давидахъ и Оссовѣ. Въ Бѣльскомъ уѣздѣ онъ существуетъ въ с. Кіевцѣ, въ Межилѣсъ, Долгобрадахъ, Ганиѣ и Кузовкѣ, а во Влодавскомъ въ селахъ: Орховекѣ, Оконики и Вырыки (гмины Шиминна). Такой же костюмъ за исключеніемъ шапочки съ голубымъ верхомъ мы видѣли на крестьянахъ Гродненской губ. Брестскаго уѣзда, бывшихъ на богоомольи въ Лѣсненскомъ монастырѣ, они были изъ слѣдующихъ волостей: Мотыкальской (Чилѣво и Тюхеничи), Каниежуровской (Шугачово), Половецкой (Бобровка и Ставице), Лыщицкой (Лыщицы, Яцковичи и Подгубятичи), Мѣданской, Домачевской, Приборовской и Ольшанской. Такіе же голубые канты (по здѣшнему „кусычки“) съ прибавкою красныхъ есть въ Волчанской волости (Гожевичи) и въ Лыщицкой (Кустынѣ).

Кромѣ того въ селахъ Ганна и Долгоброды Бѣльскаго уѣзда Сѣдлецкой губ. молодые парни свои соломенные шляпы украшаютъ по тульѣ непремѣнно голубой лентой, концы которой свѣшиваются на спину. Далѣе въ Радинскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губ. въ селахъ: Руднѣ, Радчѣ, Дрелевѣ и Оссовѣ всѣ мужчины, какъ взрослые, такъ и дѣти носятъ штаны изъ домотканной матеріи ярко-голубого цвѣта. Тамъ же, въ Радзинскомъ уѣздѣ, а кромѣ того въ уѣздахъ Бѣльскомъ и Константиновскомъ мы собирали для Петербургскаго этнографического музея (при Академіи Наукѣ) образцы домотканыхъ матерій и въ нихъ преобладающимъ былъ синій цвѣтъ. Но особенно сильнымъ пристрастіемъ къ синему и голубому цвѣту въ разсмотриваемой нами мѣстности отличаются села Сѣдлецкой и Гродненской губерній, прилегающія къ рѣкѣ Бугу, выше города Брестъ-Литовска. Здѣсь существуетъ обычай подсинивать все бѣлье какъ мужское, такъ и женское, носимое и постельное и даже полотняные мѣшкі, употребляемые въ хозяйствѣ; синять все это такъ сильно, что полотно представляется не бѣлаго, а голубого цвѣта. Въ особенности цвѣтъ этого бѣлья бросается въ глаза на праздникѣ въ гор. Холмѣ

(8-го Сентября), гдѣ Бѣльскіе и Владавскіе крестьяне изъ мѣстностей, прилегающихъ къ Бугу, рѣзко выдѣляются ивъ остальной толпы богомольцевъ голубымъ цвѣтомъ своего бѣлья. Здѣсь же кромѣ того пранто вышивать мужскія и женскія рубашки на груди на плечахъ и на рукавахъ, и вышивки эти дѣлаются исключительно нитками голубаго и чернаго цвѣта. Но любовь здѣшнихъ крестьянъ къ синему цвѣту не ограничивается одной одеждой: если кто нибудь изъ болѣе состоятельныхъ жителей села надумаетъ покрасить косяки и рамы своихъ оконъ и ихъ ставни, то красить ихъ не иначе, какъ въ голубой цвѣтъ. Послѣднее явленіе кромѣ мѣстностей, прилегающихъ къ р. Бугу съ обѣихъ сторонъ, мы встрѣчали еще и въ Радинскомъ уѣзда. Любопытно, что даже при раскопкахъ въ селѣ Чекановѣ Сѣдлецкой губерніи были найдены въ могилахъ бусы бѣлаго, синяго и близкаго къ синему фиолетового цвѣта (303). Быть можетъ, что такие бусы служили въ древности амулетомъ, такъ какъ и теперь еще евреи, греки, армяне и мусульмане въ Турціи вѣшаютъ на шею своихъ новорожденныхъ и призываютъ на нихъ колпачки разныя мелкія изображенія изъ голубого стекла какъ предохранительное средство отъ „дурного глаза“ (304).

Что касается синяго цвѣта въ одеждахъ Волынской губерніи, то мы, собирая этнографическій матеріалъ въ этой губерніи, находили тамъ синій цвѣтъ только въ сѣверо-западномъ ея углу, въ уѣздахъ: Владиміро-Волынскомъ, Ковельскомъ, Луцкомъ и отчасти въ Кременецкомъ. Въ Луцкомъ и Кременецкомъ уѣздахъ встрѣчаются такія же какъ въ Гродненской и Сѣдлецкой губерніяхъ черныя „свѣты“ съ голубыми кантами, а въ Ковельскомъ и Владиміро-Волынскомъ—бѣлцы „свѣты“ тоже съ голубыми кантами, но только преимущественно у женщинъ, тогда какъ у мужчинъ встрѣчаются и буряя „свѣты“ съ красными кантами и сѣрыя съ черными. Кроме того въ Ковельскомъ уѣзда намъ случалось видѣть у крестьянъ зимнія черныя барашковыя шапки („кучмы“), съ ярко-голубымъ суконнымъ верхомъ. Въ остальныхъ же уѣздахъ Волынской губерніи, также какъ и везде въ Малороссіи, излюбленнымъ цвѣтомъ, какъ для украшенія одежды, такъ и жилища, является красный.

Чтобы закончить съ излюбленными цвѣтами для украшенія одежды въ рассматриваемомъ нами районѣ западной Россіи, гдѣ существуетъ обычай трубить осенью, необходимо коснуться еще одного весьма интереснаго факта, нами замѣченаго. Дѣло въ томъ, что въ Брестскомъ уѣзда Гродненской губерніи, тамъ же, гдѣ мы указали рядъ селъ, имѣющихъ черныя или буряя свѣты съ голубыми кантами, въ перемѣшку съ этими послѣдними, есть другія села, которые также имѣютъ обычай трубить осенью, но въ которыхъ носить буряя или черныя свѣты съ зелеными кантами. Этотъ цвѣтъ кан-

тось, какъ намъ приходилось наблюдать, не распространяется отсюда ни на западъ въ Польшу, ни на востокъ въ Бѣлоруссію, и только на югъ въ Ковельскій и Владимиро-Волынскій уѣздахъ Волынской губерніи. Надо замѣтить, что зеленый цвѣтъ кантіковъ нигдѣ болѣ, кроме упомянутой мѣстности, ни въ Польшѣ, ни въ западной Россіи, мы не встрѣчали, что и даетъ намъ поводъ предполагать, что народъ, придерживаясь обычая своихъ предковъ, украшать свою одежду матеріей извѣстнаго цвѣта не такъ чувствителенъ, какъ мы, въ дѣлѣ разбора цвѣтовъ, а потому смѣшивается между собою такие близкіе цвѣты, какъ синій и зеленый, какъ синій и фиолетовый, какъ красный и оранжевый и т. под. Поэтому, какъ кажется, что мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если мѣстности съ излюбленнымъ зеленымъ цвѣтомъ будемъ считать весьма близкими или даже одинаковыми въ этнографическомъ отношеніи съ такими, въ которыхъ излюбленнымъ цвѣтомъ является голубой. Вотъ списокъ деревень Брестскаго уѣзда Гродненской губ., въ которыхъ свиты украшаются кантами зеленаго цвѣта: Песчатка, Волька, Хлѣвище, Тулинъ и Клюковичи (Половецкой волости), Миневичи, Колѣнковичи, Коныши, Юсичи, Подбурье, Березовка, Радѣвичи и Ясиновка (Верховичской волости). Сюда же надо отнести деревню Черніево Высоколитовской волости, гдѣ канты зеленые съ красными.

Если мы затѣмъ обратимся къ польской мелкой шляхтѣ Сѣдлецкой, Варшавской, Ломжинской и Плоцкой губерній, среди которой распространѣнъ обычай трубить въ осеннеѣ полугодіе, то увидимъ, что здѣсь старинный костюмъ уже исчезъ, вытѣсненный новѣйшимъ, полугородскимъ, однако кое-гдѣ, какъ напримѣръ, въ дер. Воевудкѣ Соколовскаго уѣзда (Сѣдлецкой губ.) старики разсказывали намъ, что прежде у нихъ также носили черную свиту съ голубыми кантами.

Какъ бы то ни было, но въ настоащее время у шляхты перечисленныхъ нами 4-хъ губерній свиты съ голубыми кантами уже не носятъ, но голубой цвѣтъ намъ приходилось наблюдать въ Соколовскомъ уѣзде Сѣдлецкой губерніи и въ Острожскомъ Ломжинской у мужчины — въ будничныхъ рабочихъ шароварахъ голубого цвѣта, а у женщинъ — на передникахъ, которые почти исключительно ткутся полосатыми синими, или голубыми полосами поперемѣнно съ бѣлыми. Кромѣ того въ домотканыхъ матеріяхъ, изготавляемыхъ здѣшней шляхтой, также какъ и у русскихъ Сѣдлецкой губ., преобладаетъ синій цвѣтъ. Косяки оконъ и дверей, а также ставни здѣшней шляхта, если окрашивается, то непремѣнно въ голубой цвѣтъ, чѣмъ отличается отъ крестьянъ, живущихъ рядомъ и красящихъ тѣ же части своего жилища въ желтый и красный цвѣты. Жили два года на дачѣ въ домахъ мелкой шляхты, въ деревнѣ Ростки Веляки, близъ мѣстечка Малкина (Ост-

ровского уезда), мы просто поражались, какъ сильно вѣдьлась въ нашихъ хозяевахъ быть можетъ многовѣковая привычка къ синему и голубому цвету. Такъ напримѣръ, бывая въ хатахъ нашихъ сосѣдей, мы всегда находили на ихъ столахъ миниатюрные крестики, замѣняющіе распятія, непремѣнно голубого цвета, а на нихъ были повѣшаны четки тоже голубого цвета.

Въ Варшавской губерніи, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ лигавки и въ Плоцкой губерніи такихъ подобныхъ наблюдений недѣ вѣдь нимъ бытому крестьянъ намъ дѣлать не приходилось, но близко отъ этихъ мѣстъ, въ самомъ городѣ Варшавѣ, у здѣшнихъ мѣщанъ, голубой цветъ считается любимымъ цветомъ Божьей матери, а потому на здѣшнихъ католическихъ процессіяхъ у всѣхъ девушекъ и девочекъ, участвующихъ въ несеніи разныхъ реликвій, ихъ бѣлая платья украшены непремѣнно голубыми лентами и подпоясаны голубыми кушаками, голубая же ленты употребляются и для украшенія образовъ, носимыхъ въ процессіи. Наконецъ, любопытнѣе всего обычай, существующій среди здѣшнихъ мѣщанъ католиковъ, это посвящать по обѣту своихъ дѣтей Божьей матери. Въ этомъ обѣтѣ для насъ всего интереснѣе то, что девочки, посвященныхъ Божьей матери, до сихъ лѣтъ одѣваются въ платья исключительно голубого цвета.

О голубомъ цветѣ въ одѣждѣ черемисовъ мы имѣемъ свѣдѣнія только изъ Царевококшайскаго уезда Казанской губерніи. Въ книгѣ профессора Казанскаго университета, И. Н. Смирнова, „Черемисы“ (стр. 78) сообщается, что праздничные кафтаны тамошнихъ женщинъ шьются изъ синяго или зеленаго сукна. Кроме того изъ полнаго женскаго черемисскаго костюма этой мѣстности и модели мужскаго въ маломъ видѣ, приобрѣтенныхъ нами для музея Императорской Академіи Наукъ, видно, что мужчины здѣсь носить бѣлая свиты съ голубыми кантами, какъ у женщинъ малороссіянокъ во Владиміро-Волынскомъ и Ковельскомъ уездахъ Волынской губ., а женщины при лѣтнемъ костюмѣ сверхъ халатообразной бѣлой рубахи подпоязываются широкимъ и длиннымъ синимъ кушакомъ.

О синемъ цветѣ у мингрельцевъ мы имѣемъ лишь только дѣлѣ краткія замѣтки: во-первыхъ, что богатые изъ нихъ носить темно-синюю „чуху“ (верхнее платье), а подъ нею блѣдно-голубой „архалукъ“ (305). Кроме того мингрельскія женщины покрываютъ или покрывали до недавнаго времени свое лицо голубыми и черными полосками (родъ татуировки) (306).

Чтобы окончить съ голубымъ цветомъ, мы приведемъ въ заключеніе свидѣтельство путешественниковъ, изъ котораго можно заключить, что и для жителей Тибета голубой цветъ имѣетъ, если не вполнѣ религіозное, то полу-религіозное значеніе.

Главной чертой Тибетскаго этикета служить поднесеніе „шарфовъ счаст-

тія", маленькихъ шелковыхъ косынокъ блѣдно-голубого цвѣта въ три раза длиннѣе собственной ширины, обыкновенно съ бахромой на обоихъ концахъ, называемыхъ „кхату". Они всевозможныхъ видовъ и цвѣтъ; никто не путешествуетъ, не запасшись ими. Приходя къ человѣку или къ божеству, прося какой-нибудь милости, каждый начинаетъ съ того, что беретъ „кхату" и подносить его. Если два друга встрѣтятся послѣ долгой разлуки, въ первое дѣло обмѣняться „кхатами", что имѣтъ еще большее значеніе, нежели рукопожатіе у европейцевъ. Если тибетцы пишутъ письмо, то вкладываютъ въ него „кхату"; самый низкій поклонъ или величайший подарокъ считается за ничто, если не сопровождается „кхатой" (307). Кроме того о тебетцахъ побогаче пишутъ, что они, не довольствуясь обыкновеннымъ платтьемъ желто-блѣдого цвѣта, покупаютъ себѣ еще платы изъ синяго ситца (308) *).

*) Вышеприведенными примѣрами пристрастія разныхъ народовъ къ голубому цвѣту мы отнюдь не желали доказать, что цвѣтъ этотъ пользуется уваженіемъ, только у тѣхъ народовъ, о которыхъ здѣсь было упомянуто. Есть кромѣ нихъ и другіе народы, объ обычаѣахъ которыхъ съ трубой мы ничего или почти ничего не знаемъ, но которые также проявляютъ несомнѣнное пристрастіе къ голубому цвѣту. Такъ III. Летурно передаетъ, что древніе Кельты и Иллірійцы татуировались въ голубой цвѣтъ, а Германцы, Бритты и Пикты раскрашивали свое тѣло голубой краской. Пристрастіемъ къ голубому цвѣту отличаются также Персіяне и азіатскіе арабы. Первые (въ нѣкоторыхъ провинціяхъ) окрашиваютъ себѣ бороду въ индиго, а щеколихи у Багдатскхъ арабовъ окрашиваютъ себѣ губы лазурью, на колѣнахъ рисовали лазуревые кружки, вокругъ талии голубой поясъ, а вокругъ каждой груди голубые цвѣты. Тоже видимъ мы и въ Суданѣ, въ Африкѣ. Здѣсь въ области Нигера, около озера Чадъ, путешественники видѣли сultана съ бородою, окрашенною въ голубой цвѣтъ (309). Тамъ же въ городѣ Кукѣ знаменитый путешественникъ, д-ръ Эдуардъ Фогель видѣлъ женщинъ, которые мазали себѣ лицо и руки краскою индиго (310). Наконецъ, у народа Гауза въ Среднемъ Суданѣ, женщины окрашиваютъ въ голубую краску свои волосы, руки, ноги, бедра и брови (311). О феллахахъ въ средней Африкѣ рассказываютъ также, что они красятъ свои волосы краской индиго (312).

Въ западной Индіи у женщинъ голубой цвѣтъ остался до настоящаго времени любимѣшемъ цвѣтомъ для одежды. На памятникахъ индусской живописи, найденныхъ въ Аятской пещерѣ, женщины одѣты въ платье голубого цвѣта. Древніе индусскіе поэты постоянно воспѣваютъ женщину, одѣтую въ платье голубого цвѣта и сравниваютъ ее съ грозовой тучей, освѣщенной блескомъ молніи. Даже палачи одѣваютъ тамъ платье не красного цвѣта, какъ у настѣ въ Европѣ, а голубого (313). Но что далеко не вся Индія раздѣляетъ пристрастіе къ голубому цвѣту, видно изъ того, что лица, принадлежащія къ сектѣ Вишну, не могутъ имѣть въ своей одеждѣ ничего синяго (314).

Синій цвѣтъ принадлежитъ также къ числу весьма уважаемыхъ цвѣтовъ въ Китаѣ, въ особенности у простонародья. Г. Е. Грумъ-Гржимайло, передавая свои впечатлѣнія, вывезенные изъ Китая, говоритъ: «Монотонность во всомъ: синія громадная матовая («Мата»—очень грубая мѣстная бумажная матерія) вывѣски, синіе экипажи, синія одежды на богачахъ и на нищихъ...» (315). У Расинѣ (316) говорится, что хотя въ костюмѣ китайской императорской фамиліи есть голубой цвѣтъ, но въ ряду другихъ цвѣтовъ онъ второстепенный, онъ цвѣтъ низшихъ классовъ народонаселенія. Желтый цвѣтъ принадлежитъ только императору, принцамъ крови и тѣмъ, кому государь дозволить его носить, красный цвѣтъ принадлежитъ мандаринамъ, а черный, синій и фиолетовый—всѣмъ. Обычный траурный цвѣтъ у китайцевъ составляютъ бѣлые и темно-сирѣые цвѣты, для глубокаго же траура служитъ синій цвѣтъ (317).

Голубой цветъ въ одеждахъ интересующей насть мѣстности западной Россіи, какъ мы видѣли выше, принять только какъ украшеніе, самая же одежда дѣлается изъ чернаго сукна. Въ Бѣльскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губерніи вѣдѣ, гдѣ сохранились голубые канты въ костюмѣ крестьянъ, самое платье ихъ, т. е. нижнія куртки („кабаты“) и сукманы непремѣнно чернаго цвета, и наоборотъ: гдѣ исчезли голубые канты, костюмъ изъ чернаго дѣлается преимущественно сѣрымъ. Тоже самое можно сказать объ уѣздахъ Радинскомъ, Константиновскомъ и Владавскомъ, а еще того болѣе о Гродненской губерніи, гдѣ старинный костюмъ сохранился въ большей неприкоснѣвности, чѣмъ въ Сѣдлецкой.

Въ костюмѣ польской мелкой шляхты Сѣдлецкой и Ломжинской губерніи въ настоящее время почти ничего не сохранилось чернаго цвета, такъ какъ черное сукно у простонародья вѣдѣ замѣняется сѣрымъ по его большей практическости. Но мѣстами сохранились на сѣрыхъ сукманахъ обшивки изъ чернаго сукна, а мѣстами, гдѣ и такой остатокъ старины уже исчезъ, между стариками сохранилось воспоминаніе о прежнихъ сѣрыхъ сукманахъ съ черной обшивкой. Если черный цветъ еще въ чемъ здѣсь и сохранился, такъ это въ домотканыхъ материалахъ, въ которыхъ преобладаютъ черный и синій цветъ. Черный цветъ верхней одежды хотя безъ голубыхъ кантовъ, удержался сравнительно болѣе въ Новоминскомъ уѣздѣ Варшавской губерніи.

О черномъ цветѣ одежды у литовцевъ мы, къ сожалѣнію, имѣемъ только краткія свѣдѣнія изъ Сувалкской губерніи. „Одежду мужчинъ составляетъ жилетъ обыкновенно темный и кафтанъ изъ чернаго сукна или пестраго (или даже одноцвѣтнаго темнаго, почти — чернаго цвета)“ (318).

Объ одеждахъ предполагаемыхъ остатковъ ятвяговъ, нынѣ исчезнувшаго народа литовскаго племени, одинъ изъ лучшихъ историковъ литвы, г. Нарбутъ (319), передаетъ, что восточнѣе Гродна въ Скадельской волости Гродненского уѣзда по берегамъ рекъ Котры и Целасы остались слѣды ятвяговъ. Населеніе этихъ мѣстностейсосѣднѣе литовцы называютъ *jodweza*, что значитъ по литовски „черные рога“. О другихъ также предполагаемыхъ потомкахъ ятвяговъ къ Бѣльскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи въ волостяхъ Шкуренецкой и Гродзиской въ нѣснолькихъ деревняхъ по рекѣ Нурцу говорять, что они отличаются своими нравами, преданіями и виѣшностью отъ сосѣднихъ жителей. Они высокаго роста, имѣютъ смуглый цветъ

Что касается Европы вообще и Россіи въ особенности, то тамъ пристрастіе къ синему и красному цвету распространяется на значительныя области, но идетъ постоянно перемежаясь: то одолѣваетъ синій, то красный цветъ, причемъ какъ во всей Европѣ, такъ и у отдельныхъ ея народовъ красный цветъ, какъ кажется, преобладаетъ преимущественно на югѣ, а синій — на сѣверѣ. Но къ этому предмету мы еще вернемся въ отдельной статьѣ.

лица и въ одеждахъ предпочитаютъ темные цвета. Поэтому предполагаютъ, что мѣстные названія съ прилагательными черный указываютъ иногда на то, что здесь жили языги, отличавшіеся чернымъ цветомъ тѣла и одежды. Таковы напримѣръ деревни: Черная Весь, Черный Стокъ и т. п.д. „Не можетъ, говорить г. Янчукъ, отъ которого мы это заимствуемъ, не броситься въ глаза тотъ фактъ, что по дорогѣ изъ Бѣлостока въ Сокольку нѣсколько деревень рядомъ носятъ название Черная Весь“.

О черномъ цветѣ одежды у древнихъ евреевъ мы ничего не знаемъ, но у современныхъ евреевъ нашего западнаго края, какъ известно, преобладаетъ особенно въ мужскомъ костюмѣ черный цветъ: достаточно припомнить ихъ длиннополые спортуки и пальто и бархатные картузы исключительно черного цвета. А. С. Дембовецкій (321), рассказывая о прежнемъ еврейскомъ костюмѣ, который этотъ народъ носилъ до 1845 г., въ Польшѣ и западной Россіи, говорить, что балахонъ ихъ, шапка и поясъ были черные. Про Алжирскихъ и Тунисскихъ современныхъ евреевъ говорить тоже, что старые и правовѣрные изъ нихъ никакихъ другихъ цветовъ, кроме чернаго, не носятъ (322).

О черномъ цветѣ у мингрельского народа мы можемъ здѣсь только повторять слова Ш. Летурно, приведенные нами выше, что женщины этого народа раскрашиваютъ свои лица не только голубыми, но и черными черточками (323).

О цветѣ одежды у тибетцевъ путешественники сообщаютъ, что она обыкновенно темныхъ цветовъ, за исключениемъ Кашмирской окраины, гдѣ мужчины одѣваются въ бѣлое, а женщины въ черное (324) *).

*) Нужно замѣтить, что пристрастіе къ чернаго цвета одѣждамъ далеко не представлять собою рѣдкости. Уже не говоря о пристрастіи къ этому цвету западныхъ европейцевъ, у которыхъ наиболѣе приличнымъ костюмомъ мужчины считается черный, и кромѣ того цветъ этотъ составляетъ принадлежность глубокаго траура, мы знаемъ, что въ Византіи онъ былъ принять, какъ цветъ монашеской одежды, откуда перешелъ и къ намъ въ Россію. Изъ числа прочихъ европейскихъ народовъ мы можемъ указать на уваженіе къ черному цвету нѣкоторыхъ изъ кавказскихъ народцевъ, какъ грузинъ (325), осетинъ (346) и особенно тушинъ (327). У кавказскихъ армянъ при выборѣ матерій на разныя части мужскаго костюма преимущественно также отдается черному цвету (Собр. свѣд. для опис. мѣст. и п. кавк. вып. 13, 1892, стр. 75). Изъ числа азіатскихъ народовъ у Индусовъ ихъ богъ времени (соответствующій Сатурну) изображался въ платьѣ чернаго цвета (Истор. вѣнѣн. культ. Ф. Готтенротъ. Изд. Вольфа, стр. 148). У Арабовъ въ 16 столѣтіи национальная одежда былъ бурнусъ, сдѣланный преимущественно изъ черной шерсти (Ibid. стр. 161). Тотъ же цветъ пользовался уваженіемъ у древнихъ китайцевъ до завоеванія ихъ манжурами, какъ это видно изъ словъ нашего путешественника г. Грумъ-Гржимайло. Онъ говорить, что видѣніе имъ (въ западномъ Китаѣ) китайскіе жрецы, хотя были въ поношеныхъ, но национальныхъ чѣрныхъ костюмахъ, и добавляетъ въ примѣчаніи: современный цветъ китайскаго костюма «навязанъ имъ (китайцамъ) ихъ побѣдителями манжурами, национальный же (т. е. черный) сохранился только у жрецовъ и при совершении нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ» (328). У китайскихъ татарокъ въ прежнія столѣтія одежда была исключицельно чѣрнаго цвета (Истор. вѣнѣн. культ. Ф. Готтенротъ. Изд. Вольфа, стр. 185). Наконецъ у древнихъ Мексиканцевъ мальчики, воспитывавшіеся въ школахъ монастырскаго характера, одѣвались въ черное платье (Ш. Летурно. Эволюція воспитанія. Спб., 1900, стр. 144).

Если отъ черть, общихъ всѣмъ разматриваемымъ нами здѣсь народа, мы перейдемъ иъ чертамъ общимъ между двумя или тремя изъ нихъ, то особенно любопытныя признаки национального сходства мы найдемъ между Польшуками Минской губерніи съ одной стороны и черемисами съ другой. Интересно, что оригинальнѣйшия головные уборы женщинъ Минскаго Польсья, которые носятъ названія: „пухоўка“ (Мозырскаго уѣзда), „голова“ (того же уѣзда) и „лямецъ“ (Пинскаго уѣзда) чрезвычайно сходны по своему виду и устройству съ женскими же головными уборомъ у черемисъ, называемыми „Сорокой“. Образцы всѣхъ этихъ четырехъ головныхъ уборовъ были нами приобрѣтены для музея Императорской С.-Петербургской Академіи наукъ, а потому мы имѣли возможность познакомиться съ ними во всѣхъ ихъ мельчайшихъ деталяхъ.

Пухоўку мы нашли въ с. Давыдъ-Городокъ, въ дер. Хорекъ, въ с. Ольшанкѣ и въ с. Хоромномъ (Мозырскаго уѣзда). Она состоять изъ повязки въ формѣ кокошика высотою около 2 вершковъ, сдѣланной изъ грубой бѣлой холстинки. Между двумя рядами этой холстинки набивается пакля и прошивается нитками, такъ что повязка эта остается на головѣ въ стоячемъ положеніи. На затылкѣ она натуго стягивается и завязывается. Къ передней части повязки, приходящейся на лбу, пришивается наглухо въ стоячемъ положеніи четыреугольная пластика или дощечка, называемая подушечкой; она дѣлается или изъ лубка, или, для легкости, изъ перекрещивающихся лучинокъ, обшитыхъ снаружи холстинкой. Подушечка изгибается соотвѣтственно округлости лба и передней части повязки и составляетъ съ этой послѣдней одно цѣлое, высоко поднимаясь надъ головой. Форма и величина „подушечки“ въ разныхъ селахъ дѣлается различная: въ с. Давыдъ-Городокъ она достигаетъ самыхъ большихъ размѣровъ (до 6 вершк. въ вышину и до 7 верш. въ ширину) и имѣть боковыя стороны, если смотрѣть на нее спереди, выгнутыми въ наружу. Въ с. Хоромномъ и въ д. Хорекѣ „подушечка“ высокая, во болѣе узкая, чѣмъ предыдущая, въ формѣ правильного прямоугольника. Въ с. Ольшанкѣ она суживается кверху.

Вся „пухоўка“, т. е. повязка и „подушечка“ обматываются толстымъ шнуромъ изъ черной или бѣлой шерсти, назначеніе котораго непонятно не только для насъ, но и для самихъ хозяекъ „пухоўки“. Шнурокъ этотъ ничего не привязываетъ и не прикрѣпляетъ, украшеніемъ „пухоўкѣ“ онъ также служить не можетъ, потому что поверхъ его „подушечка“ накрываются холщевымъ мѣшкомъ или чехломъ, съ нашитымъ на него четырехугольнымъ кускомъ бѣлого коленкору, вышитаго разноцвѣтными шерстами;

чехоль этот называется чипець. Кроме того поверх чипца весь головной уборь причудливо обматывается наметкой (родъ полотенца) изъ сърой прозрачной или полупрозрачной кисей домашнаго приготовления, середина которой обхватывает подбородокъ женщины, а концы свѣшиваются по спинѣ, достигая вплоть до талы. Такимъ образомъ, назначеніе шнурка становится совершенно непонятнымъ. За разясненіемъ этого вопроса мы обратились къ хозяйкамъ головного убора. Но и онѣ, согласившись съ нами въ бесполезности шерстяного шнурка, могли доказать его необходимость только тѣмъ, что „такъ носили бабушки и прабабушки“. Отсюда было ясно, что когда-то шнуръ былъ для „пухоўки“ необходимъ, но съ течениемъ времени устройство этого головного убора вѣроятно измѣнилось, и шнуръ, переставъ быть необходимымъ, сохранился только какъ переживаніе прошлаго.

Уборь этотъ весьма неудобенъ въ носкѣ: во-первыхъ, онъ очень тяжелъ для головы, а во-вторыхъ, если идти въ немъ противъ вѣтра, онъ сильно паруситъ и потому отгибааетъ голову женщины назадъ. Но женщины, носящія „пухоўку“, надѣваютъ ее вовсе не для красоты, онѣ относятся къ ней съ религиознымъ уваженіемъ. Во-первыхъ, ея вовсе не носятъ въ будни, а надѣваютъ только по праздникамъ и только для того, чтобы сходить въ ней въ церковь, а во-вторыхъ, она носится только старухами. На наше замѣчаніе о неудобствахъ „пухоўки“ женщины дер. Хорскъ вполгѣ соглашались, но прибавляли при этомъ: „что же дѣлать? Божья Матерь безропотно носила свою „коруну“ и намъ велѣла носить“.

Уборь, называемый „головой“, мы нашли въ селѣ Туровѣ Мозырскаго уѣзда. Отъ „пухоўки“ онъ отличается, во-первыхъ, тѣмъ, что повязка, составляющая основаніе убора, имѣть форму не кокошиника, т. е. не открыта сверху, а сдѣлана въ видѣ круглой шапочки въ родѣ еврейской или татарской ермолки, плотно облегающей голову. А во-вторыхъ, передняя дощечка или „подушечка“ имѣть совершенно иную форму, чѣмъ у „пухоўки“, а именно: она меньше этой послѣдней и имѣть внизу лишь около 1 вершка шириной, но наверху расширяется въ формѣ ласточьяго хвоста. Шнура у „головы“ никакого не имѣется. „Подушечка“ также покрывается вышитымъ шерстями чешцомъ, а сверху обматывается „наметкой“, которая здѣсь также кисейная, но не сѣрая, а бѣлая.

„Ламецъ“ мы привезли изъ с. Бережнаго Пинскаго уѣзда.

Отъ „пухоўки“ и „головы“ онъ отличается прежде всего формой своей „подушечки“: эта послѣдняя при сравнительно большой ширинѣ (во весь лобъ) вдвое ниже, чѣмъ въ Давыдъ-Городкѣ, верхніе углы ея закруглены. Кроме того, „подушечки“ у предыдущихъ уборовъ наклонены впередъ, а здѣсь она наклоняется назадъ. Наконецъ, ламецъ не имѣть „чипца“, а

только обтянутъ бѣлымъ ситцемъ непремѣнно съ черными горошинками. „Намѣтка“ здѣсь также есть, но она дѣлается изъ обыкновенного полотенца („рушина“) бѣлого и непрозрачнаго.

Что касается черемисской сороки, то основаніе у этого головного убора такое же, какъ у „головы“, т. е. холстинная ермолка, плотно обхватывающая голову, но „подушечка“ здѣсь не изгибается по формѣ головы, а остается совершенно плоской, такъ что къ ермолкѣ она прикрѣпляется на лбу только серединой. Форма „подушечки“—совершенно правильный прямоугольный четырехугольникъ въ 3 вершина вышиною и въ 5 вершикъ шириной, на головѣ она держится вполнѣ вертикально, не изгибаясь ни впередъ, ни назадъ. Весь головной уборъ, также какъ и полѣсская „пухоука“, накрыть сверху чехломъ, вышитымъ шерстями, въ родѣ „чицца“, но никакой „намѣтки“ сверхъ него не носить, а вмѣсто того поверхъ „сороки“ накладываются ситцевый платокъ, завязываемый подъ подбородкомъ. Отъ такихъ же вышеописанныхъ, полѣсскихъ головныхъ уборовъ „сорока“ отличается еще тѣмъ, что нижній край ея „подушечки“ располагается наравнѣ съ нижнимъ краемъ самого головного убора и приходится на лбу, тогда какъ въ полѣсскихъ головныхъ уборахъ нижній ея край приходится выше лба, почти на темени, и вся „подушечка“ больше отнесена назадъ.

Какъ въ Полѣсіи, такъ и у черемисъ, описанные нами головные уборы носятся исключительно замужними женщинами, что придаетъ двумъ сравниваемымъ народамъ еще одну лишнюю сходственную черту. Если мы теперь сравнимъ между собою всѣ четыре головныхъ убора, то увидимъ, что черемисская „сорока“ наиболѣе соответствуетъ идѣѣ всѣхъ этихъ уборовъ или тому первоисточнику, отъ которого всѣ они произошли. Эта идея, какъ мы думаемъ, заключается въ мягкой низенькой шапочкѣ, плотно обтягивающей голову и въ четырехугольной дощечкѣ, прикрѣпленной къ ней на лбу. Но такому опредѣленію головного убора, какъ нельзя лучше, соответствуетъ головной уборъ Іудейского первосвященника, Кидаръ, насколько мы можемъ судить объ устройствѣ этого убора изъ ниже следующихъ соображеній. Въ книгахъ Моисея, гдѣ такъ подробно описывается всякая мелочь въ одеждѣ Аарона, Кидаръ, къ сожалѣнію, остался безъ всяаго описанія, вѣроятно, потому, что авторъ считалъ совершенно излишнимъ знакомить читателей съ головнымъ уборомъ, всѣмъ и каждому въ его время хорошо знакомымъ. Однако, по некоторымъ намекамъ священнаго писанія можно догадываться, что это былъ за уборъ. По мнѣнію одного изъ главныхъ комментаторовъ Библіи, Раши (жилъ отъ 1030 по 1105 годъ), „Кидаръ“ Первосвященника былъ низкій головной уборъ, такъ какъ въ Библіи (Исходъ гл. 28, ст. 40) сказано, что дѣти

Аарона должны были носить „высокий“ уборъ, тогда какъ слово, которымъ называлъ головной уборъ самого Аарона (Исходъ гл. 28, ст. 39) значить „мягкий“. Такимъ образомъ, если соображенія Раши справедливы, то основаніемъ „Кидара“ была мягкая и низкая шапочка вродѣ еврейской ермолки или вродѣ мягкой полотняной шапочки, составляющей основаніе черемисской „сороки“.

Далѣе въ Библіи же (Исходъ гл. 28, ст. 36) сказано:

36) И сдѣлай дощечку изъ чистаго золота и выгравирай на ней: „Свято для Бога“.

37) И прикрѣпи ее (дощечку) синимъ шнуркомъ къ Кидару и чтобы шнурокъ былъ на уборѣ.

38) И чтобы она была на лбу у Аарона.

По поводу этихъ словъ Библіи, у различныхъ комментаторовъ ея возникаютъ споры: одни говорятъ, что дощечка должна быть спереди на самомъ головномъ уборѣ, а другіе, что она только подвѣшена была къ головному убору, но должна была быть непремѣнно на самомъ лбу. Судя по словамъ Библіи, можно думать, что вѣрнѣе первое изъ этихъ мнѣній. Если представлять себѣ „кидаръ“ въ видѣ обыкновенного головного убора, какой бы формы онъ ни былъ, въ такомъ случаѣ передняя его часть должна закрывать около половины лба, а въ такомъ случаѣ золотая дощечка была бы ужъ слишкомъ узка, чтобы занимать только оставшуюся часть лба, неприкрытую головнымъ уборомъ. Если же дощечка была шириной не менѣе 2-хъ дюймовъ, то верхняя ея половина непремѣнно лежать на головномъ уборѣ. Во-вторыхъ, въ стихѣ 37 ясно сказано: „и прикрѣпи ее къ Кидару“, т. е. именно прикрѣпи, а не подвѣсь, такъ какъ въ стихѣ 37-мъ не было договорено, гдѣ именно нужно прикрѣпить дощечку къ головному убору: на затылкѣ, на одномъ изъ боковъ головы или на лбу, то во избѣженіе недоразумѣній авторъ и прибавилъ еще лишній 38-й стихъ: „и чтобы она была на лбу у Аарона“.

Какъ бы то ни было, но тѣ соображенія, которыя мы здѣсь привели, на основаніи русскаго перевода Библіи, конечно, слишкомъ недостаточны, чтобы считать вопросъ о кидарѣ рѣшенымъ. Высказавши свои предположенія, мы оставляемъ всетаки вопросъ объ устройствѣ кидара открытымъ, предоставляемъ его рѣшеніе специалистамъ.

Если принять, что кидаръ былъ устроенъ такъ, какъ предполагаемъ мы, то тогда онъ сходенъ съ описанными нами полѣскими головными уборами и черемисской „сорокой“. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ стало бы ясно, для чего у полѣской „пухоуки“ существуетъ шнуръ, не имѣющій никакого назначенія. Ясно, что „подушечка“ когда-то не была такъ плотно скрѣплена

сь „пухоукой“, какъ теперь, и что онъ были соединены между собою шерстянымъ шнуромъ. Когда же „подушечку“ спили съ „пухоукой“, то шнуръ сталъ излишнимъ, но хозяева „пухоуки“ изъ консерватизма всетаки не считали удобнымъ уничтожить шнуръ, который много вѣковъ быть можетъ носили ихъ бабушки и прабабушки.

То обстоятельство, что въ Полѣсъи и у черемисъ описанный нами головной уборъ носить женщины, тогда какъ у евреевъ онъ былъ исключительно мужскимъ, не должно наскъ удивлять, такъ какъ сравнительная этнографія даетъ подобныхъ фактовъ безчисленное множество. Смѣло можно сказать, что нѣть той части мужского костюма, которую нельзя было бы найти гдѣ-нибудь у женщинъ. А что и въ древности это не было рѣдкостью, видно изъ следующихъ словъ Библіи (Второзаконіе гл. 22, ст. 5): „На женщинахъ не должно быть мужской одежды... ибо мерзокъ предъ Господомъ Богомъ твоимъ всякий дѣлающій сіе“.

Интересно, что у черемисскихъ женщинъ можно найти еще и другую принадлежность одежды Іудейскаго Первосвященника.

Изъ Исхода (гл. 28) мы читаемъ:

15) Сдѣлай наперсникъ судный искусствомъ работой... изъ золота, изъ голубой, пурпуровой и червленной шерсти и изъ кручёного виссона сдѣлай его.

16) Онъ долженъ быть четырехугольный, двойной въ пядень длиною и въ пядень шириной.

17) И вставь въ него оправленные камни въ четыре ряда...

20) ... въ золотыхъ гнѣздахъ должны быть вставлены они.

21) Сихъ камней должно быть двѣнадцать, по числу (двѣнадцати именъ сыновъ Израилевыхъ...).

22) Къ наперснику сдѣлай цѣпочки, витыя плетеною работою изъ чистаго золота...

Извѣстно, что у черемисскихъ женщинъ также носится на груди твердый четырехугольникъ, который повѣшень на шею на ремнѣ, а вмѣсто драгоцѣнныхъ камней унизанъ бисеромъ или монетами. У Racinet (Costume historique) есть рисунокъ черемисскихъ женщинъ съ четырехугольниками на груди, но изъ Симбирской губ. (т. 6, рисун. 495). Въ объясненіи къ рисунку сказано, что нагрудникъ этотъ дѣлается на жести и украшается монетами и мѣдными кружками. И. Н. Смирновъ въ своей книжѣ „Черемисы“ (стр. 77) говорить, что такой четырехугольный нагрудникъ у черемисскихъ женщинъ дѣлается изъ кожи и украшается монетами, что мѣстное название его ширкана или пычкана.

Что касается современныхъ евреевъ, то у нихъ фигура прямоугольного четырехугольника или квадрата считается священной, въ родѣ того, какъ крестъ

у христіанъ. Во-первыхъ, малый плащъ или Талесъ-Кутонъ, который носить на себѣ каждый еврей мужчина (подъ жилетомъ, поверхъ рубахъ, а если еврей щеголяеть большемъ, то подъ рубахой) имѣеть форму прамоугольнаго четыреугольника съ вырезкой въ серединѣ его для продѣванія головы. На четырехъ углахъ этой части одежды, какъ мы уже говорили выше, пришиваются „клисти видѣнія“ (329). Кроме того въ некоторыхъ мѣстностяхъ западной Россіи (намъ случилось это видѣть въ мѣст. Славутѣ Волынской губ.) старыя еврейки въ особо торжественныхъ случаяхъ надѣваются на грудь поверхъ платья такъ называемый Brusttuch, т. е. нагрудникъ изъ парчи или изъ шелковой матеріи съ вышивками, имѣющій и епремѣнио четыреугольную форму. Такъ же, какъ и у черемисскихъ женщинъ, онъ вѣшается на шею, но отличается отъ такого же черемисского нагрудника тѣмъ, что длина его направлена вдоль роста, а не поперекъ, какъ у черемисскихъ женщинъ. Что фигура прамоугольнаго четыреугольника или квадрата имѣть для евреевъ священное значеніе, доказывается еще слѣдующій фактъ:

Нѣкоторые благочестивые евреи въ нашемъ юго-западномъ краѣ при выбѣльѣ и покраскѣ ихъ дома оставляютъ на стѣнѣ дома небѣленое и не-крашенное квадратное поле въ 1 аршинъ и говорять, что они это дѣлаютъ въ воспоминаніе о разрушеніи Иерусалима (330). О литовскихъ женщинахъ мы нашли также болгую замѣтку, что они въ древности „носили металлическія квадратныя бляшки“, но, въ сожалѣнію, ни о видѣ этихъ бляшекъ, ни о ихъ размѣрахъ, ни о способѣ ихъ ношения никакихъ свѣдѣній мы не нашли (330 А) *).

*) Четыреугольный нагрудникъ принадлежитъ, какъ оказывается, далеко не однимъ евреямъ и черемисамъ, онъ принятъ и у многихъ другихъ народовъ. Такъ, у Расинѣ (Costume historique т. 2 рисун. 1) приводится рисунокъ нагрудника, совершенно такой, какъ у Иудейского Первосвященника, но найденный на изображеніи Египетскаго фараона Рамзеса. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ говорить, что главный египетскій судья носилъ на груди четыреугольную пластинку, украшенную драгоценными камнями, и что въ витринахъ Египетской галлереи на Парижской всемирной выставкѣ 1867-го года можно было видѣть такой же четыреугольникъ, украшенный эмалами и драгоценными камнями, относящейся къ болѣе древнему времени, чѣмъ времена Моисея, такъ какъ онъ принадлежалъ къ числу сокровищъ египетской царицы А-Готель, матери Амазиса. Разница между Египетскими и Иудейскими нагрудниками, по словамъ того же автора, заключалась только въ томъ, что у первыхъ драгоценные камни укрѣплялись на золотой металлической пластинкѣ, а у послѣднихъ на фонѣ тканной матеріи. Кроме того такой же четыреугольный нагрудникъ былъ у древнихъ этрусковъ. Въ Ватиканѣ сохраняются этрускія вещи, добытыя при раскопкѣ близъ Кяре (Сѣре), между которыми есть золотая нагрудная пластинка, совершенно такая, какая была изображена на могилахъ египетскихъ жрецовъ (331).

Изъ числа современныхъ народовъ четыреугольные нагрудники встрѣчаются у китайцевъ, гдѣ они даются въ видѣ отличія мандаринамъ. Два такихъ четыреугольника, вырезанные изъ матеріи, пришиваются къ ихъ одеждѣ на груди и на спинѣ, причемъ у мандариновъ военныхъ на нихъ изображаются четвероногія животныя, а у статскихъ —

Про украшения ризы Іудейского Первосвященника въ Иехохѣ (гл. 28, ст. 38) сказано: „по подолу ея (ризы) сдѣлай яблоки изъ нитей голубого, яхонтового, пурпурового и червленного цвѣта (и изъ кручёного виссона), вокругъ по подолу ея (такого вида яблока) и позвонки золотые между ними кругомъ“.

Подобные же позвонки отъ пояса до колѣнь, привѣшенные на шнуркахъ, носили въ древности литовскія дѣвушки (335) *).

Въ заключеніе приведемъ здѣсь еще одну черту, общую литовцамъ съ древними евреями. Нарбутъ въ своей „Исторіи народа литовскаго“ (Вильно т. I, стр. 282) сдѣлывающъ образомъ передаетъ разсказъ Грунау въ хроникѣ 1520-го года о жертвоприношениіи у древнихъ пруссовъ (литовскаго племени): „Вайдзютъ (жрецъ) говорилъ передъ собравшимся народомъ о заповѣдахъ боговъ и о томъ, что они требуютъ отъ людей, потомъ наступало накладываніе рукъ на голову козла, причемъ народъ громко каялся въ своихъ грѣхахъ...

А въ Библіи говорится слѣдующее: „возложитъ Ааронъ обѣ руки свои на голову козла и исповѣдастъ надъ нимъ беззаконія сыновъ Израилевыхъ, и всѣ преступленія ихъ, возложитъ ихъ на голову козла.. и понесетъ козель на себѣ всѣ беззаконія ихъ“... **).

Словомъ, передъ нами здѣсь проходитъ цѣлый рядъ загадочныхъ этнографическихъ параллелей между перечисленными нами народами, которыхъ нельзя объяснить общепринятымъ у насъ способомъ. Такъ какъ работы по

тицы (332). У чувашскихъ женщинъ есть такіе же четырехугольные нагрудники, какъ и у черемисскихъ, подъ названіемъ близкимъ къ черемисскому—ІПульгама (И. Н. Смирновъ. Черемисы стр. 77). У Казанскихъ вояковъ такой же нагрудникъ называется мурахъ и украшается монетами и позументомъ (333). Такой же четырехугольный нагрудникъ носятъ и башкирскія женщины, онъ называется сельдаръ или идышикъ, дѣлается изъ коралловъ и украшается монетами и оловянными кружечками (334). У швейцарскихъ женщинъ есть также нагрудное украшеніе въ формѣ прямоугольного четырехугольника или квадрата. У Расина изображены двѣ швейцарскія женщины съ такими украшениями изъ Бернскаго кантона. У тѣхъ же швейцарскихъ женщинъ, какъ необходима при надлѣжность костюма, есть серебряные цѣпи, неимѣющія въ настоящее время никакого практичес资料ного значенія и свѣшивающія спереди отъ плечъ къ поясу. Они напоминаютъ тѣ золотыя цѣпи, на которыхъ у Іудейскаго Первосвященника былъ подвѣшенъ къ плечамъ четырехугольный нагрудникъ.

*) Ф. Готтенротъ говорить, что въ Россіи при раскопкахъ найдено безчисленное множество побрякушекъ, которыхъ еще и теперь употребляются между латышами въ Гольдингентѣ, гдѣ онѣ служатъ украшениями для кафтана и плаща. Авторъ предполагаетъ, что и русскія женщины высшихъ классовъ въ древности носили юбку, украшенную по подолу позвонками (336).

**) Тотъ же обычай былъ въ Египтѣ и въ Индіи: «всѣ племена, собравшись вмѣстѣ, обременяли своими дурными дѣлами и словами очистительную жертву и потомъ изгнали ее въ пустыню». У египтянъ козла замѣняла телка, а у индійцевъ—лошадь (Журн. Мин. Нар. Просв. ч. XXXVI, II, стр. 87—88).

отысканію подобныхъ параллелей еще только что начинаются и потому составляютъ сравнительную новость въ нашей этнографической литературѣ, то мы воздержимся отъ какихъ-либо выводовъ, во ожиданіи того времени, пока фактовъ такого рода накопится болѣе. А теперь сопоставимъ только приведенныя нами параллели съ близкими къ нимъ и не менѣе загадочными параллелями, найденными нашими почтеными учеными А. Фамицынымъ между древними Прибалтійскими славянами и древними семитами (337).

B. Moшковъ.

Гор. Варшава.
26-го Января 1900-го года.

Три отпуска (чаговора), произносимыхъ пастухами надъ скотомъ въ с. Уницѣ Петрозаводскаго уѣзда Олонецкой губерніи.

(Записаны докторомъ С. В. Тучемскимъ).

1) *Майскій отпускъ.*

Господи и Боже, благослови! Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Святая и нераздѣльная Троица, пособи и помоги на доброе дѣло. Молитвами святыхъ отецъ нашихъ Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ. Аминь. Боже, помози мнѣ. Сталъ я, рабъ Божій, пастырь (Имр.) благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверами и изъ двора воротами и изыду я, рабъ Божій, пастырь (Имр.) въ чистое поле со своимъ скотомъ на утренней зарѣ, стану на востокъ лицомъ. Помолюсь я, рабъ Божій, пастырь (Имр.) Свѣту истинному, Христу, Царю Небесному и Пресвятой Богородицѣ, Матери Божіей, Царицѣ Небесной, и всѣмъ небеснымъ и безплотнымъ силаамъ, Ангеламъ и Архангеламъ, Михаилу Архангелу, Гавриилу Архангелу, Иоанну Предтечѣ, Крестителю Господню, и четыремъ Евангелистамъ: Иоанну Богослову, Матею, Марку, Лукѣ, Петру и Павлу, верховнымъ Апостоламъ, вселенскимъ учителямъ: Василію Великому, Григорію Богослову, Иоанну Златоусту, Николаю Чудотворцу, святителю Господню, Георгію Храброму, Флору и Лавру, Власію и Медосію (?), Косьмѣ и Даміану. Отцомъ прощень, матерью благословенъ и беру я, рабъ Божій, пастырь (Имр.) на свои руки на все лѣто красное до поздней осени крестьянскій скотъ, малый животъ, рогатый, двоекопытный, разношерстный, стадо быковъ, коровъ, нетелей и малыхъ телятъ. Ходить въ моей любимой посѣтѣніи въ день при солнцѣ, въ ночь при лѣдомъ мѣсяцѣ, при утренней зарѣ и при вечерней, при частыхъ зѣздахъ, при буйномъ вѣтре, при дождливой каплѣ. Съ храни, Господи, и соблюди отъ чернаго зѣвра, медвѣда съ медвѣдицей, отъ широкополаго, отъ напастнаго, отъ насланиаго, отъ прохожаго и отъ жирового и отъ пакостника и опрокидня, отъ сѣдого, рыскучаго волка и отъ волчихи и отъ чернаго зѣвра, отъ росомахи и отъ ползучаго гада змія и отъ летой зміи — скорпіи и отъ моего недруга и супостата, отъ колдуна и отъ колдуньи, отъ вѣдуни, отъ шелудива и отъ киловата, отъ двоезуба и двоеволоса, отъ дѣвки — простоловоски, отъ егарца и отъ старицы, отъ своей и отъ чужой лихой думы. Самъ моимъ добрымъ словомъ наставляется первая Майская печать. Нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

1) *Іюльскій отпускъ.*

Господи, благослови меня, раба Божія, пастыря (Имр.) на доброе дѣло, на утренней зарѣ идти въ чистое поле со своимъ скотомъ, съ крестьянскимъ

животомъ, съ рогатымъ и двоекопытнымъ, съ разношерстнымъ, со стадомъ быковъ, коровъ, нетелей и малыхъ телятъ. Стоять въ чистотѣ полѣ свитая земля, златая лѣстница, и опускаются на святой, златой лѣстницѣ Свѣтъ истинный, Христосъ, Царь Небесный, и съ нимъ опускается мати Его Пресвятая Госпожа, Богородица, Царица Небесная, вся небесная бесплотная сила, Ангелы и Архангелы, Херувимы и Серафимы. И держитъ свѣтъ истинный Христосъ въ своихъ пречистыхъ рукахъ крестъ животворящій. И подхожу я, рабъ Божій, пастырь (имр.), ко Свѣту истинному, Христу, Царю Небесному, со своимъ скотомъ и наклоняю главу свою. Благославляю Свѣтъ истинный, Христосъ, Царь Небесный, своимъ крестомъ животворящимъ меня, раба Божія, пастыра (имр.) и мой милый скотъ и речетъ: „сохраню и сберегу я твой милый скотъ на все лѣто красное до самой поздней осени“. И поклоняюсь я, рабъ Божій, Свѣту истинному, Христу, Царю Небесному, до самой сырой земли и пойду изъ чистаго поля въ темные лѣса, ажно и печеть, свѣтить красное солнце. На встречу идуть ко мнѣ, рабу Божію, пастырю (Имр.), святые угодники: Иоаннъ Предтеча, Креститель Господень и четыре Евангелиста: Иоаннъ Богословъ, Матеей, Маркъ, Лука, Петръ и Павелъ, верховные Апостолы, — вселенскіе учители, святители: Василій Великій, Григорій Богословъ, Иоаннъ Златоустъ, Николай Чудотворецъ, святитель Христоръ, Георгій Храбрый, Флоръ и Лавръ, святой Власій и Медосій. Идуть святые Косьма и Даміанъ, своими луками подпираются, а каменными стрѣлами росу стрѣхиваютъ и мнѣ, рабу Божію, пастырю (Имр.), путь очищають. И подхожу я, рабъ Божій, пастырь (Имр.), со своимъ скотомъ къ угодникамъ Божіимъ съ быками и съ коровами, съ нетелеми и съ малыми телятами и наклоняю главу свою. Благославляю всѣ угодники Божіи меня, раба Божія, пастыря (Имр.), и мой милый скотъ и рекутъ: „сохранимъ и сбережемъ мы тебя, раба Божія, и твой скотъ милый, животъ крестьянскій, рогатый, двоекопытный, разношерстный, стадо быковъ и коровъ, нетелей и малыхъ телятъ отъ всѣхъ лютыхъ звѣрей, когтей и зубовъ ихъ и отъ злыхъ человѣкъ, отъ чернаго звѣра, медвѣдя съ медвѣдицей, отъ широколапаго, насланнаго и отъ жиро-ваго, отъ пакостника и опрокидня и отъ сѣраго волка съ волчихой и отъ чернаго звѣра, росомахи, и отъ ползучаго гада змія и отъ лютой зміи — скорпіи и отъ моего недруга и супостата; отъ колдуна и отъ колдуны, отъ вѣдуна и отъ вѣдуны, отъ шелудива и отъ киловата и отъ двоезуба и отъ двоеволоса, отъ дѣвки — простоволоски, отъ старца и отъ старицы, отъ свой и отъ чужой лихой думы“. И поклоняюсь я, рабъ Божій, пастырь (Имр.), всѣмъ угодникамъ Божіимъ до сырой земли и пойду со своимъ скотомъ въ темные лѣса и распушу скотъ по разнымъ мѣстамъ и проговорю: „Ходи мой милый скотъ, крестьянскій животъ, рогатое, двое-

копытное, разношерстное стадо, быки, коровы, нетели и малые телата въ оську и за оськомъ, въ полѣ и за полемъ, въ лугу и за лугомъ, въ шаграхъ, въ темныхъ лѣсахъ, и кажись мой милый скотъ всѣмъ лютымъ звѣрамъ пеньемъ и колодьемъ, при травѣ—травой, при водѣ—водой, при камняхъ—каменьями, при лѣсѣ—лѣсомъ. И какъ придетъ вечерняя зара, и заиграю я, рабъ Божій, пастырь (имр.) въ рогъ или трубу, я проговорю сіи слова: „собирайся, мой милый скотъ, крестьянскій животъ, быки и коровы, нетели и малые телата, идите, бѣжите по своимъ домамъ, по своимъ хозяевамъ, какъ летить изъ лука стрѣла, сколь прямо и сколь ярко, назадъ не возвращается, и какъ ярки пчелы сходятся и слетаются въ свои ульи и какъ малые мураши сходятся къ своему царю, большому муравью, и какъ таетъ и горитъ уголь въ горѣ, такъ таяло бы и горѣло у всякой скотины по скотинѣ порь (?) и сердце по своемъ хозяинѣ и хозяйкѣ и по мнѣ, рабѣ Божіемъ, пастырю (имр.), по моемъ трубномъ голосѣ“. И пойду я рабъ Божій (имр.) къ синему морю и возмутится море и выходять изъ моря тридцать красныхъ дѣвицъ съ булатными замками и замыкаютъ тѣ дѣвицы всѣмъ лютымъ звѣрамъ губы и зубы и бьютъ тѣ дѣвицы всѣхъ лютыхъ звѣрей по глазамъ и зубамъ и по всѣмъ ихъ суставамъ и заклинаютъ тѣ дѣвицы всѣхъ лютыхъ звѣрей: „и чтобы вамъ околѣть и одеревенѣть, ослѣпнуть и не увидѣть бы сего крестьянского скота во все лѣто красное до самой поздней осени“. И еще я же, рабъ Божій, пастырь (имр.), поклонюсь небеснымъ Ангеламъ, и сходять небесные Ангелы съ небеснымъ огнемъ неугасаемымъ и зажигаютъ у моего скота порь и сердце, чтобы всякая скотина горѣла бы и тосковала сердцемъ и по своемъ домѣ и по своемъ хозяинѣ и хозяйкѣ и по мнѣ, рабу Божію, пастырю (имр.), и моемъ голосѣ. Симъ моимъ добрымъ и вѣрнымъ словомъ, небо—ключь, земля—замокъ и милость Божія буди. И поставляется вторая юльская печать. Нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

a) Сентябрскій отпускъ.

Постави Господи и утверди Господи около моего скота, крестьянского живота, рогатаго, и двоекопытнаго, разношерстнаго стада быковъ, и коровъ, нетелей и малыхъ телятъ желѣзный тынъ, былатыя (sic) веренъ, мѣдные ворота, златое кольцо со всѣхъ четырехъ сторонъ, отъ неба и до земли, отъ земли до неба, отъ востока и до запада, отъ юга и отъ сѣвера. Сквозь тотъ тынъ желѣзный не опеши солнцу красному, сквозь тотъ тынъ не повѣяты вѣтру буйному, сквозь тотъ тынъ желѣзный не пройти черному звѣрю, медведю со медведицей, широколапому, насланному и прохожему, жировому, пакостнику и опрокидю, сквозь тотъ тынъ желѣзный не пройти ни колдуну

ни колдунъи, ни киловату, ни шелудиву, ни двоезубу, ни двоеволосу, ни дѣвкѣ-простоволоскѣ, ни старцу, ни старице, ни своей, ни чужой лихой думѣ. Какъ сѣрому артаку (?) рыскучому волку и волчихѣ не перескать (?) имъ будетъ около синаго мора и не перезобать со всѣхъ береговъ морскихъ песку, чтобы всѣмъ лютымъ звѣрамъ не догнать моего скота, крестьянскаго живота, рогатаго... и проч. черному звѣрю медвѣду... и проч... у того бы языкъ теменеемъ вытянуло.

Всемилостивѣйшая Пресвятая Госпожа, Владычница, Богородица, Мати Божія, Царица Небесная, закрой меня, раба Божія (Имр.), своею нетленною ризою и мой милый скотъ, крестьянскій животъ рогатое двоекопытое... и проч. на все лѣто красное до самой до поздней осени отъ всѣхъ звѣрей лютыхъ, ногтей ихъ и злыхъ человѣкъ. Буди милость Божія на мнѣ и на моемъ миломъ скотѣ, на быковъ, коровъ, на нетелей и малыхъ телать. Симъ моямъ добрымъ, крѣпкимъ и вѣрнымъ словомъ, небо — ключъ, земля — замокъ и милость Божія буди. И поставимся третья, сентябрская печать. Нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Списокъ населенныхъ мѣстъ царства Польскаго и западной Россіи,
въ которыхъ принять обычай обязательнаго трубленія въ осенне
полугодіе.

Обычай принять въ настоя- щее время.	Обычай былъ прежде, но теперь исчезъ.	Обычай неизвѣстенъ.
	<i>Плоцкая губернія.</i> <i>Пултускій уѣздъ.</i> — <i>Ломжинская губернія.</i> <i>Ломжинскій уѣздъ.</i> — <i>Мазовецкій уѣздъ.</i> — <i>Островскій уѣздъ.</i> — <i>Остроленскій уѣздъ.</i> — <i>Варшавская губернія.</i> <i>Радзиминскій уѣздъ.</i> — <i>Новоминскій уѣздъ.</i> — <i>Сѣдлецкая губернія.</i> <i>Бендерскій уѣздъ.</i> —	
Заторы и Барсуки (на лѣ- вомъ берегу р. Нарева). С. Замброво. С. Дембовина (около ст. Лапы), стан. Шепетово. Мѣст. Малкинь, дер. За- висты, Ростки, Гонсюрово, Зузель, Зарембы косьцель- ны, Суммэнзно, Качково, Брокъ. У шляхты на лѣвомъ бе- регу р. Нарева.		У крестьянъ на правомъ берегу Нарева.
Д. Мадесинъ (гм. Стра- хувка). Ариновъ, Цыганка, мѣс. Станиславовъ, Иловѣ, Ляли- ны, Рэдзиньскѣ, Хроминъ, Ольшанка, Страхоминъ, Вэльголясь, Сѣнница, Уля- новъ, Рудно (около м. Колбель) и Кшивица.		Страхувка, Боруча, Рув- нэ.
Д. Суходоль, Карчевицѣ, м. Ливъ, Людвиновъ, Стара Весь Варжихи, Паплинъ, Булька Паплинска, Тва- роги, Каменна д. Бендажэ (г ч. Корытница).		

Обычай принять въ настоя- щее время.	Обычай быть и прежде, но теперь исчезъ.	Обычай неизвѣстъ.
<p>Рытале Сванска, Рытэле Суха, Рытале Олехны, Длу- гэ Вшеборы, Длугэ Гжимки, Длугэ Каминске, и. Бос- сова, и Стэрдны.</p> <p>Олесница, Водыне и Се- рочинъ.</p> <p>д. Ягодна, Ружа, Вулька, и Правда.</p> <p>Юая, Униковъ, Ягодна, Выгода, Жабенецъ, Нецеп- линъ и Пузновъ.</p> <p>Шидловка, Ольшанка, Корчовка, Мишанка, Гус- левъ, Кривосниты, Прохен- ки, Луки, Зачопки, Прату- линъ, Корница, Рудка. Ро- житно, Дзятковскъ, Сили- вонка, Коцца, Вороблинъ, Дерло, Витулинъ, Богука- лы, Кричевъ, Колчинъ, Мокраны, Непле и Вузовка.</p> <p>Кожушки, Луговиско, Засядки, Кошелники, Мане, Рогожница, Долга, Шахи, Стольно, Жероцинъ, За- гайки, Бероза, Переходиско, Дрелевъ, Квасовка, Вито- рожъ, Шостка, Лужки, Желѣзна, Коленбрдъ, Ва- линна, Прогалины, Остров- ки Осова, Деревична, Вис- ки, Воронецъ, Березовый Коинъ, Безволля, Рудно, Радче, Давиды, Яблонь, Пашенки, Коляно, Гусь, Чебераки и Миляновъ.</p>	<p><i>Соколовскій уездъ.</i> д. Шевузка.</p> <p><i>Сподзецкій уездъ.</i> —</p> <p><i>Луковскій уездъ.</i> —</p> <p><i>Гарволинскій уездъ.</i> —</p> <p><i>Константиновскій уездъ.</i> —</p> <p><i>Радинскій уездъ.</i> —</p> <p><i>Бульскій уездъ.</i></p>	<p>д. Пшедзятки, Воевудка.</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>Грудь, Целесница, Го- лодница, Михалки, Оль- шино.</p> <p>Русская Воля.</p> <p>Полятыче, Михалко, Добратыче, Лебедевъ, Добринская, Кор- щинъ, Горбовъ, Клевецъ,</p>

Обычай принять въ настоя- щее время.	Обычай былъ прежде, но теперь исчезъ.	Обычай неизвѣстенъ.
Великая Дубровица, Ма- лая Дубровица, Бокинка, Панская, докудовъ, Гуша (польская колонія), Копыт- никъ, Стасювка, Жуки, Ме- жилъсь, Ленюшки, Лишина, Заболотье, Вулька Забо- лотка, Ляцъкъ, Кузовка, Ганна, Долгоброды, Ко- стомлоты, Россошь и Сла- ватычъ.	Костеневиче, Вулька Ко- стеневицкая, Янувка, Ор- тель Королевскій, Колода и Яблочна.	Деречанка, Залѣссе, Гусин- ка, Кучуковка, Воскрени- ца, Цициборъ, Чоснуква, Сидорки, Ортель Княже- скій, Вулька Бѣльская, Ситникъ, Пищацъ, Кошо- лы, Виски, Кодень, Оль- шанка, Саювка, Крива Вулька, Матушовка, Добро- мыслъ.
Любень, Любичень, Ко- денецъ, Хмѣлевъ, Калинка, Лыневъ, Полубиче, Виш- нины, Жешинка, Пере- ходъ, Липники, Сосновка, Развадовка, Мутвица, Че- прутка, Выгнанка, Романовъ, Хоростыга, Красовка, Кон- стантинъ, Ставки, Рожан- ка, Шуминна.	Владавскій уѣздъ.	Грабовка, Липовка, Гор- ки, Долголиско и Думица.
Крупича, Огородники, Чисели, Роговка.	Гродненская губернія. Бѣльскій уѣздъ. Сѣмятицкая волость.	Клюково.
Шершени и Мацьковичн.	Александровская во- лость.	—
—	Дубяжская волость.	Суховольцы, Мокре и Дидули.
—	Орлянская волость.	Спички.
—	Новоберезовская во- лость.	—
Истоки.	Райская волость.	Плески.
—	Брестскій уѣздъ.	—
—	Волчинская волость.	—
—	Чижевичи.	Чилеево, Тюхеничи и Ковердяки.
—	Мотыкальская волость.	—
Дуричи, Збуинъ, Отоки, Дубица и Лоплавцы.	Камижурковская волость. Пугачова.	—
Домачево, Липника, Харсы.	Мѣдянская волость. Страдѣчъ.	—
	Домачевская волость.	Новоселки.

Обычай принять въ настоя- щее время.	Обычай былъ прежде, но теперь исчезъ.	Обычай неизвѣстенъ.
Пещатка, Бобровка, Волька, Туменъ, Хлѣвище и Клюковичи.	Половецкая волость. Ставищи.	—
Добнево и Чернево.	Высокомитовская во- лость. —	Волковичи.
Подгубятичи.	Лыщицкая волость. Лыщицы.	Яцковичи и Кустынь.
—	Турневская волость. Турна и коростичи.	—
Колѣнковичи, Конымы, Юсичи, Подборье, Радови- чи и Ясиновка.	Верховичская волость. —	—
Бучимля.	Ратайчицкая волость. —	Церковники и Хотыново.
—	Войсковская волость. —	Городище въ Моньчаки.
—	Каменецкая волость. Липна и Углины.	Шербово.
—	Дмитровическая волость. Рожковка.	—
Мальки.	Пружанскій уѣздъ. Бѣловѣжская - Але- ксандровская волость.	—
Олизоровъ Куть.	Урочискъ, зановинъ, Чвирки.	—
Трилистная.	Шерешовская волость. Мыльники.	—
Споровъ.	Кобринскій уѣздъ. Збираговская волость.	—
Полицы.	Рудки. Сехновецкая волость.	—
Кортылисы и Самары.	Дружиловичская волость. —	—
Козляковичи, Столинъ, Бережное.	Слонимскій уѣздъ. Песковская волость.	—
Давыдъ-Городокъ.	Волынская губернія. Луцкій уѣздъ.	Борохово.
	Ковельскій уѣздъ.	Заболотье.
	Минская губернія. Минскій уѣздъ.	—
	Мозырскій уѣздъ.	с. Турово.

ПРИМѢЧАНІЯ.

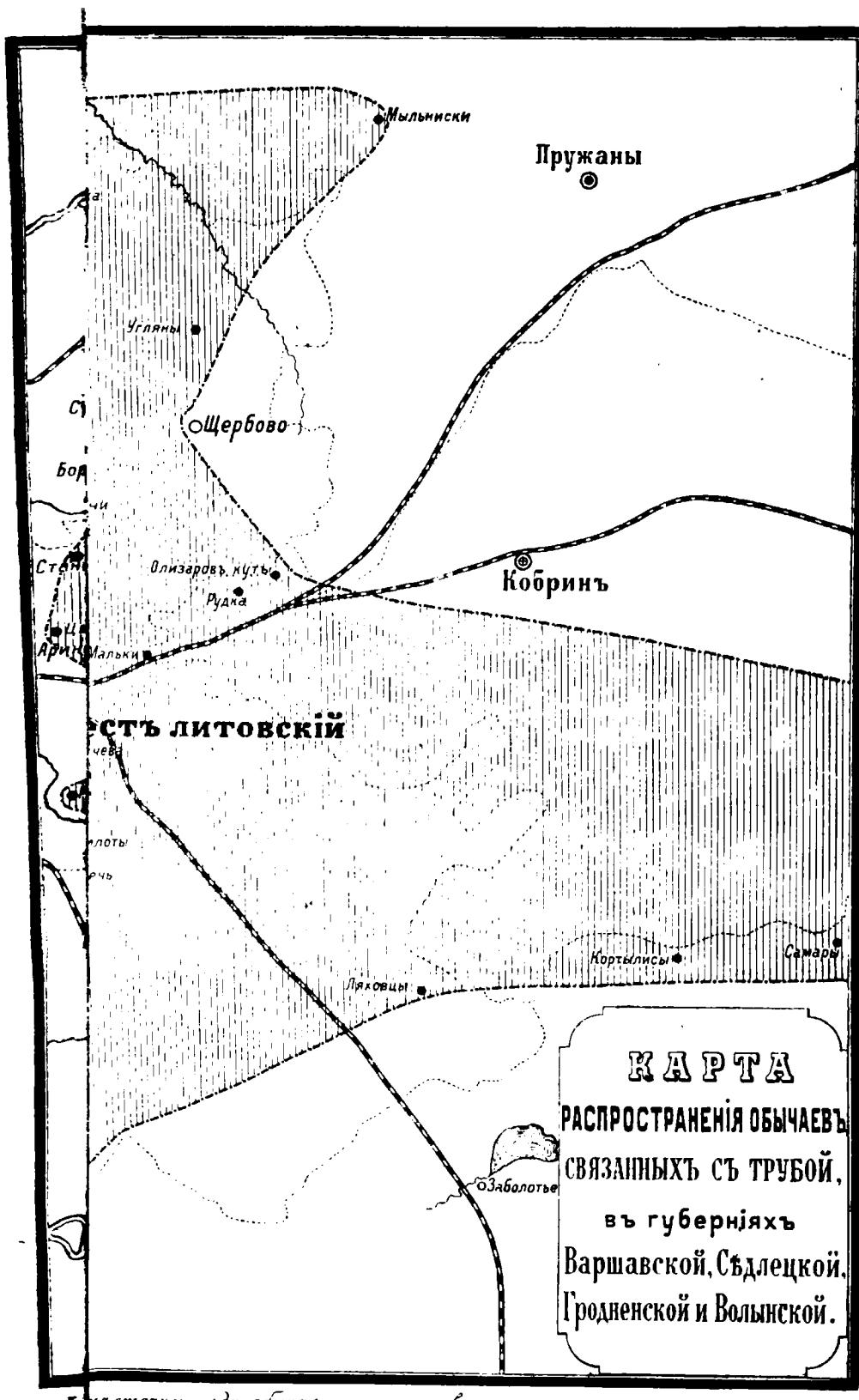
1)—Этнограф. Обозр. 1890 г. № 2 стр. 5 и 12. 2) и 3)—A. W. Ambros Geschichte der Musik I стр. 508. 4)—Musikalisch. Conversat. Lexik. v. H. Mendel 10 стр. 31. 5)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. 16 стр. 84—390. 6)—Газета «Новое Время» 1897 г. № 7593. 7)—Народы России Спб. 1880 в. 2 стр. 455—457. 8)—Zeitschrift für Ethnologie. 4. 1872 стр. 33. 9)—Ibid. 10)—Ibid. 11)—Mélusine (Франц. этногр. журн.) ч. 3 1886—87 г. стр. 460. 12)—Zeitschrift für Ethnologie 1872 т. 4 стр. 33. 13)—Ibid. и Musik. Convers. Lexik. v. H. Mendel т. 2 стр. 207. 14)—Е. Н. Водовозова. Жизнь европейских народ. ч. 1 стр. 320. 15)—Ibid. стр. 404. 16)—Český Lid Číslo I Ročn. 5 стр. 39. 17)—Ibid. 18)—A. W. Ambros Geschichte der Musik. Leipzig 1887 стр. 420; Musik. Convers. Lexik. von H. Mendel т. 9 стр. 150; Kaz. Łada Hystoria muzyki Warsz. 1861 стр. 8; 19)—Kostümkunde von Hermann Weiss. Stuttgart 1860 ч. 4 стр. 255: 20)—Revue des traditions populaires т. II № 1 1896 стр. 7, статья Лалаянца. 21)—Матеръялы для антропологии Таранчей. Диссертация В. Э. Пайселя Спб. 1897 стр. 21. 22)—A. W. Ambros Geschichte der Musik. Leipzig 1887 стр. 508. 23)—Ibid. стр. 356. 24)—Kostümkunde von Hermann Weiss Stuttgart 1864, 1 стр. 431. 25)—Revue de traditions populaires т. 6 № 11 стр. 658. 26)—Е. Н. Водовозова. Жизнь европейскихъ народ. Спб. 1878 т. 2 стр. 108. 27)—Geský Lid Číslo I Ročník 5 стр. 14. 28)—Dzieje starożytnie narodu Litewskiego przez Teodora Narbutta Wilno 1835 стр. 13 т. 1. 29)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. 16 стр. 84—390. 30)—Kostümkunde von Hermann Weiss Stuttgart 1860 т. 4 стр. 17; A. W. Ambros Geschichte der Musik Leipzig 1887 стр. 547. 31)—Ibid. 31 А)—O. Comettant. La musique et les instrum. de musique chez les differ. peuples du monde... Paris 1869 стр. 596; 32)—Kulturgeschichte des deutschen Volkes von D-r Otto Henne... Berlin 1886 т. 1 стр. 95. 33)—A. W. Ambros Geschichte der Musik. Leipzig 1887 стр. 422. 34)—Musikalische Conversations Lexikon H. Mendel т. 2 стр. 380. 35)—Musikal Conversations Lexikon von Herm. Mendel IX стр. 33; 36)—Вѣстникъ Европы. Іюль 1874 стр. 703. 37)—L. Krzywicki. Zarys antropolog. etnicznej Warsz. 1893 стр. 219. 38)—O. Comettant (смотр. примѣч. 31 А). 39)—A. W. Ambros Geschichte der Musik. Leipzig 1887 стр. 552. 40)—O. Comettant стр. 575. 41)—«Всемирный путешественникъ». Январь 1874 стр. 16—17. 42)—Musik. Conv. Lexik. v. H. Mendel т. 9 стр. 33. 43)—Kostümk. v. H. Weiss т. 5 стр. 851. 46)—Revue des trad. pop. ч. 6 № 11 стр. 685. 45)—O. Comettant стр. 590. 46)—Słownik rzeczy starożytych opracował G... Krakow 1896 слово ligawka. 47)—Wisła. 1888 стр. 432. 48)—Kmiotek. Warszawa 1849 стр. 207. 49)—Wisla 1888 стр. 432. 50)—Смотр. примѣч. 44 и 52)—Musik. Conv. Lex. H. Mendel т. 1 стр. 169. 53)—O. Comettant стр. 586, 588 и 589. 54)—Kost. H. Weiss т. 5 стр. 432. 55)—Musik. Conv. Lex. H. Mendel. т. 5 стр. 290 и т. 2 стр. 32—33. 56)—Ibid. 57)—Kulturgeschichte des deutschen Volkes von D-r Otto Henne am Rhyn Berlin 1886 т. 1 стр. 38. 57 А)—III. Летурно Эволюція торговли. Изд. Поповой Спб. 1889 стр. 109. 58)—Mus. Conv. Lex. H. Mend. т. 2 стр. 239 и т. 5 стр. 400. 59)—Ibid. 60)—A. W. Ambros стр. 508. 61)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 16 стр. 84—390. 62)—Народы России Спб. 1880 в. 2 стр. 455—457. 63)—«Новое Время» 1897 № 7593. 64)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этн. 17 в. т. стр. 8. 65)—Извѣст. Общ. Арх., Ист. и Этногр. при Имп. Казанск. унив. т. 14 в. 3 стр. 375. 66)—Musik. Conv. Lexik. H. Mendel т. 1 стр. 324. 67)—M. A. Racinet. Le costume historique. Paris 1888 т. 3 рисун. № 141. 68)—Сборн. матер. для описан. мѣстност. и пле-

мень Кавказа в. 19 стр. 126—127. 69)—Ibid. в. 10 стр. 47. 70)—A. W. Ambros стр. 375; Kostk. Weiss т. 4 стр. 60 и 111; Neu eröffneter Magasin musicalischer Tonwerkzeuge. Bearb. von Heinrich Welker von Gonterhausen Frankfurt am Main 1855 стр. 15. 71)—Musik. Conv. Lex. H. Mendel т. 9 стр. 33. 72)—Ibid. 73)—Kostk. Weiss т. 5 стр. 851. 74)—Русскія древности въ памятникахъ искусства, издав. Граф. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ Спб. 1889. в. 2 стр. 69. 74 А) O. Commenant 75)—A. W. Ambros стр. 524. 78)—D-г Č. Žibrt. «Jak se kdy v Čechách tancovalo» в Praze 1895. 77)—Illustrirtes Wörterbuch der Römischen Alterthümer Antony Rich. Paris & Leipzig 1862. 78) ibid. 79)—Исходъ Глава 19. 80)—Ibid. 81)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 16 стр. 84—390. 82)—Эме Гюмбър Живописная Японія. Спб. 1870 стр. 3. 83)—Извѣст. Общ. Арх. Ист. и Этногр. т. 14 в. 3 стр. 375. Народы Россіи Изд. об. «Природа и люди» Спб. 1880 т. 2 стр. 202. 84)—Ambros стр. 375. 85)—Der Olymp... A. H. Petiscus. Leipzig 1890 стр. 305—306. 86)—Смотр. примѣч. 70. 87)—A. W. Ambros стр. 551. 88)—Hahn. Albanesische Studien стр. 160. 89)—Český Lid Číslo 1 Ročn. 3 стр. 39. 90)—Книга числь. Глава 10. 91)—Ibid. 92)—Ibid. Глава 29 ст. 1. 93)—Musik. Conv. Lexik. H. Mendel т. 2. стр. 380. 94)—Ibid. 95)—Смотр. примѣч. 70. 96)—Kostk. Weiss т. 4 стр. 255. 97)—A. W. Ambros. стр. 508. 98)—Musik. Conv. Lex. H. Mendel т. 10 стр. 31. 99)—Ibid. т. 10 слово tuba. 100)—Bibl. der neuest. und wichtigst. Reisebeschr. Sprengel. Weimar 1801 т. 4; Путешествие въ Тибеть г. Турнера. 101 и 102)—З. И. Р. Г. О. по отдѣл. Этногр. т. 16 стр. 84—390. 103)—Народы Россіи Спб. в. 2 стр. 455—457. 104)—«Новое время» 1897 № 7593. 105)—Dzieje starożytnie narodu L. przez Teodora Narbutta. Wilno. стр. 284. 106)—Этнограф. Обозр. 1895 № 3 стр. 35. 107)—Kostümk. Weiss т. 1 стр. 161. 108)—Revue de traditions populaires т. 6 № 11 стр. 685. 109)—Сборн. матер. для мѣстн. и плем. Кавказа в. 10 стр. 47. 109 А)—Страна эфіоповъ (Абиссинія) Е. Е. Долганева. Спб. 1896 стр. 116. 110)—D-г A. Petermanns Mitteilungen. Gotha. т. 37. 1891. т. стр. 235. 111)—Книга числь. Глава 10. 112)—Hystoria muzyki K. Łada стр. 9. 113)—Журн. «Естествозн. и Географія» 1896 Апрѣль стр. 42—43; З. И. Р. Г. О. по отд. этногр. т. 16 стр. 84—390. 117)—«Новое время» 1897 № 7593. 116)—Musik. Conv. Lexik. H. Mendel т. 8 стр. 382. 117)—H. Welcker. Neu eröffnetes Magazin musicalischer Tonwerkzeuge Frankf. am Main 1855 стр. 33. 118)—Hyst. muz. K. Łada. Wasrzawa 1861 стр. 175. 119)—Musik. Conv. Lexik. H. Mendel. 120)—«Всемірн. путешествен.» Янв. 1874 стр. 1874 стр. 16—17. 121)—Естест. ист. плем. и нар. Фр. Гельвальдъ. Изд. Суворина. Спб. 1885 т. 2 стр. 285. 122)—Пешель. Народовѣдѣніе. (Въ польскомъ переводѣ). Варшава 1876 стр. 259. 123)—Ф. А. Вольтеръ т. 1 стр. 202. 124)—L. Krzywicki Zarys antropolog etnicznej Warsz. 1893 стр. 219. (Изъ Пешеля. Народов.) 125)—Ibid. стр. 121. «Mіръ Божій», ст. III. Летурно стр. 159. 126)—J. Krzywicki. Zar. antrop. etn. стр. 127)—Головацкій. Галиц. Пѣсни ч. 1 стр. 706. 128)—Е. Н. Водовозовой. Жизнь европ. народ. ч. 2 стр. 492—493. 129)—Д-ръ Плоссъ. Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи перев. подъ редакц. Д-ра В. И. Рамма. Спб. 1899 стр. 409. 130)—Henri Mouhot. Voyage dans les Royaumes de Siam, de Cambodge, de Laos. Paris 1872 стр. 31. 131)—Le Costume historique... M. A. Racinet Paris 1888 т. 4. 132)—Musik. Conv. Lex. H. Mendel т. 2 стр. 380. 133)—Книга числь. Глава 10. 134)—Bibl. d. neuest. u. wicht. Reisebeschr... Weimar 1801 т. 4 стр. 130. 135)—Книга числь. Глава 10. 136)—Mus. C. Lex. H. Mendel т. 2 стр. 380. 137)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 16 стр. 84—390. 137 А)—Жури. Минис. Народ. Просв. ч. XLII, II стр. 43. 138)—Книга Иисуса Навина. Гл. 6. 139)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 16 стр. 84—390. 140)—Musik Con. Lex. H. Mendel т. 2 стр. 239 и т. 5 стр. 400. 141) — Смотр. примѣч. 193. 142)—Нар. Россія. Спб. 1880 в. 2 стр. 455—457. 143)—A. W. Ambros. стр. 530—532. 144)—Сборн. матер. для описан. мѣст. и плем. Кавказа в. 19 стр. 126—127. 145)—Этногр. Обозр. 1891 в. 10 стр. 7 и 12. 146)—Сборн. матер. для оп. Кавк. мѣст. и плем. Кавказа в. 20 1894 стр. 154. 147)—Чубинск. Труды т. 1 стр. 191. 148) Герб. Спенсеръ «Таинственный міръ» Спб. 1899, стр. 8—10. 149)—«Религіозные обряды черемисъ» свящ. Яковлева Изд. Миссіонерск. Общ. Казань 1887. 150)—Сообщ. моего брата,

Н. А. Мошкова. 151)—И. Н. Смирновъ. «Черемисы» стр. 165. 152)—Гр. Верещагинъ. Вотяки стр. 61—62. 153)—Максимовъ. Годъ на съверѣ. Спб. 1859. стр. 154. 154)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 17 в. 2 стр. 92. 155)—La Tradition годъ 3 № 86—87 стр. 109. 156)—Ibid. стр. 105. 157)—Этногр. Обозр. 1891 в. 10 стр. 7 и 12. 158)—«Естествозн. и Геогр.» 1891 маѣ стр. 43. 159)—Герб. Спенсеръ. «Таинств. міръ». Спб. 1889 стр. 9. 160)—La Tradition 1895 № 86—87 стр. 105. 161)—O. Kolberg Mazowsze. т. 4 стр. 134. 162)—И. П. Сахаровъ. Сказ. р. нар. Спб. 1885 стр. 4. 163)—La Tradition 1895 № 86—87 стр. 105. 164)—Г. Спенсеръ. «Таинств. міръ». Спб. 1889 стр. 2. 9. 165)—Бытъ грековъ и римлянъ. Ф. Ф. Велишскаго. Прага 1878. 166)—Revue des Traditions populaires годъ 6 т. 6 № 7 стр. 429. 167)—Е. Н. Водовозовой. Жизнь европ. народ. Спб. 1878 ч. 2 стр. 108. 169)—Rev. d. tradit. pop. т. 2 1887. 170)—Водовозова. Жизнь евр. нар. ч. 2 стр. 492—493. 171)—Dzieje starož. nar. Lit. Narbuttъ Wilno 1835 стр. 172)—O. Kolberg. Lud Ser. 5 стр. 303. 173)—Zbiór Wiadom. do Antropol. т. 14 стр. 67. 174)—Zeitschr. d. Ver. für Volksk. Berlin 1894 Heft. 3 стр. 309. 175)—Gregorowicz. Pamiętnik Towarz. Tatrzańskiego 1880. 176)—Путеш. чер. Монголію въ Тибетъ Гюка и Габэ. Москва 1866 стр. 278. 177)—Ibid. стр. 198. 178)—Сборн. матер. для описан. мѣст. и плем. Кавказа в. 18 стр. 130. 179)—Ест. ист. плем. и нар. Гельвальда. т. 2 стр. 325. 180)—Ethn. Mitteil. aus Ungarn. 1895 т. 4 Heft. 4—6 стр. 169. 181)—Толков. слов. русск. языка. Даля. Слово «труба». 182)—Путешествія и открытия д-ра Эдуарда Фогеля въ Африкѣ, преимущественно въ Суданѣ. На русск. языке. 183)—Racinet. Le costume historique т. 2 рисун. лит. GE. 184)—Сборн. матер. для опис. мѣст. и плем. Кавказа в. 18 стр. 135. 185)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 16 стр. 84—390. 186)—Р. др. въ памяти. иск. Толстого и Кондакова. в. 2 стр. 69. 187)—Ill. Wört. b. d. Röm. Alterth. A Rich. Paris & Leipzig 1862 слово «tuba». 188)—La Tradition т. 12. Decembre 1893. стр. 328. 189)—Водовозова. Ж. евр. нар. ч. 3 стр. 165. 190)—Kłosy 17 № 429. стр. 185. 191)—Острова Тихаго океана. Соч. Ф. Кристмана и Р. Оберлендера. Спб. 1875 т. 2 стр. 336. 192)—Dzieje starož. nar. Lit. Narbutt. Wilno 1835 стр. 352 и Ж. Мин. Нар. Пр. ч. XLII, II стр. 35. 193)—Racinet. Cost. hist. 194)—Путеш. къ верх. Нила и изел. его источн. С. Уайтъ Бекера. Москва. 1868 стр. 145 и 147. 195)—Плоссъ. Женщ. Спб. 1899 т. 2. стр. 417. 196)—Hahn. Alb. St. стр. 160. 197)—Kostümk. Weiss т. 4 стр. 255. 198)—Racinet. Le Cost. т. 3 рисун. № 141. 199)—Ill. Wörtb. Rich. Paris 1862. 200)—La Tradition. Année 8—9 Juillet-Decembre. 1895 с. 209. 201)—Пешель Народ. (польск. пер.). Варшава 1876 стр. 260. 202)—Ethn. Mitteil. aus Ung. Июнь 1893 стр. 27. 203)—Пут. Гюка и Габэ. 1866 стр. 54. 204)—Ill. W. d. R. A. Rich. Paris 1862. 205)—R. d. trad. pop. 6. № 11 стр. 685. 207)—Mus. Lex. Mendel 1 стр. 169. 208)—Zeitschr. d. Ver. f. Volksk. 1894 Н. 3 стр. 309. 209)—Český Lid Číslo 1 Ročník. 5. стр. 14. 210)—Головацкій. Галицк. пѣсни ч. 1 стр. 706. 211)—Труды этногр. отд. Об. Люб. Ест. кн. 9 в. 1 1889 стр. 127. 212)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 2 стр. 530. 213)—Памятн. кн. Арханг. губ. 1865 стр. 2 стр. 24—26. 215)—Český Lid. Číslo 1 Ročník. 3 стр. 39. 216)—«Естествозн. и геогр.» 1896 апрѣль стр. 42—43. 217)—Книга судей. Гл. 7. 218)—Паралипоменонъ кн. 2 гл. 13. 219)—Musik. Con. Lex. Mendel 1 стр. 220)—Kostümk. Weiss т. 4 стр. 255. 221)—Musik. Lex. H. Mendel т. 9 стр. 33. 222)—Н. О. Эминъ. Излѣд. и ст. по армянск. миѳолог., арх. Москва 1896 в. 2 стр. 57. 223)—Ambros стр. 356 и 375. 224)—Ill. W. Rich. Paris 1862. 225)—A. W. Ambros стр. 375. 226)—Ibid. 227)—Чтей. Имп. Об. Ист. и Древн. Росс. 1846 № 1 стр. 35. 228),—229) и 230)—Ibid. стр. 39. 231)—Kostümk. Weiss т. 1 стр. 431. 232)—Narbutt. Wilno 1835 стр. 13. 233)—Чтен. въ И. О. Ист. и Др. Рос. 1 ст. Излѣд. начала народ. слов. стр. 71. 234)—A. W. Ambros стр. 375. 235)—Н. Сумцовъ. Культура. переживал. стр. 149. 236)—Ф. Готтенротъ. Ист. вѣшней культуры. Спб. 1885 ч. 9 стр. 136 237)—Mus. Lex. Mendel т. 10 стр. 345. 238)—A. W. Ambros стр. 464. 239)—И. Казанцевъ. Опис. киргизъ-кайсакъ. Спб. 1887. стр. 130. 240)—Д. В. Путята. Китай Спб. 1895 стр. 176; И. Я. Пясецкій. Путешествіе по Китаю. Спб. 1880. т. 1 стр. 49. 241)—

A. W. Ambros стр. 552. 242)—Fridr. Müller Allgem. Ethnografie. Wien. 1879. стр. 489. 243)—Стенли. «Какъ я отыскалъ Ливингстона». Спб. 1874 стр. 202. 244)—Mélusine т. 3 1886—87 стр. 460. 245)—Du Niger au Golfe de Guinée par les pays de Kong et le Mossi. Par le capit. Binger. Paris 1892 т. 1 стр. 104. 246)—A. W. Ambros стр. 541. 247)—Ill. W. Rich. Paris 1862. 248)—Racinet. Cost. Слово «Busine» 249)—Е. Н. Водовозова. Ж. евр. нар. ч. 1 стр. 393 и 404. 250)—Bibl. der neuesten u. wichtigsten Reisebeschreibungen... Weimar 1801 т. 3 стр. 126. 251)—Народы Россія. Этногр. оч. Изд. ред. журн. «Природа и люди» Спб. 1880 т. 2 стр. 311. 252)—Rev. des trad. pop. 1886 т. 1 стр. 318. Ibid. т. 5 стр. 183; Ibid. т. 4 стр. 289; 253)—Е. Н. Водовозова. Ж. евр. нар. ч. III стр. 165. 264)—Ibid. I стр. 120; Истор. вѣсти. 1881 т. 4 стр. 646. 255)—Этногр. Обозр. 1891 № 2 стр. 6. 256)—Ibid. 1894 № 3 стр. 42. 257)—Народы Росс. т. 2 стр. 302. 258)—Слов. Даля. 259)—Narbuth. Wilno. 1835. стр. 281. 260)—Ibid. стр. 311. 261)—Ibid. 262)—Религіозн. обряды черемисъ Свяще. Яковлева. Казань 1887. 263)—Чубинск. Труды т. 7 стр. 61—62 и 64—66; А. С. Дембовецкій описан. Могилев. губ. 1882 т. 1 стр. 755—756. 264)—Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа в. 18 стр. 4. 265)—«Естествозн. и геогр.» 1896 апрѣль стр. 42—43. 266)—Путеш. Гюка и Габэ. Москва 1866. стр. 278. 267)—Смотр. примѣч. 245) т. 1 стр. 378, т. 2 стр. 184. 268) Movers Die Phönizier Bonn. 1841 т. 1 стр. 205 и 207. 269)—La Tradition № 3 Année 5 стр. 92. 270)—Zbiór Wiad. do Antr. т. 11 стр. 176. 271)—Сахаровъ Ск. р. нар. Спб. 1885 стр. 86—90. 272)—См. прим. 154. 273)—La Tradition Année 3—9 (№ 86—87) 1895 стр. 105 и 109. 274)—Ibid. 275)—Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа в. 8 стр. 6. 276)—Ibid. в. 19 стр. 83. 277)—Народы Россіи. т. 2 стр. 311. 278)—«Естеств. и Геогр.» 1896 май стр. 43. 279)—Народы Росс. Спб. 1878 т. 1 стр. 447. 280)—Начало цивилиз. Леббока Втор. изд. редакц. Д. А. Коропчевск. стр. 25. 281)—Ibid. стр. 22. 282)—Zbiór Wiadom. do Antr. т. 9 стр. 60; O. Kolberg Kraków. ser 7 стр. 50. 283)—La Tradition Année 9 № 86—87 стр. 140; Ibid. Année 8—9 № 88—93. стр. 231. 284)—Ibid. Année 7 № 78—80 стр. 317. 285)—Нач. цив. С. Дж. Леббокъ. 161. 286)—Ibid. 287)—La Tradition. Année № 72—73 стр. 24. 288)—Сборн. матер. для описан. мѣстн. и плем. Кавказа в. 17 стр. 147 и в. 19 стр. 79. 289)—Ibid. стр. 194. 290)—Ibid. стр. 202. 291)—Ibid. стр. 207. 292)—Ibid. в. 14 стр. 255. 293)—З. И. Р. Г. О. по отд. этногр. т. 17 в. 2 стр. 223. 294)—Нач. цив. С. Дж. Леббокъ стр. 160—161. 295)—Такъ о якутахъ пишутъ, что у нихъ «единственный» инструментъ—«хамысь». Изв. Вост. Сибирск. отд. И. Р. Г. О. т. 13 1882 № 3 стр. 39. 297)—Ш. Летурно. Соціология, основ. на этногр. Спб. 1895 в. 1 стр. 298)—А. С. Дембовецкій. Могил. губ. 1892 ч. 1 стр. 740, 749 и 751. 300)—Р. энц. словарь Брокгауза. Слово «Китайцы». 301)—Ф. Готтенротъ. Истор. вѣши. культ. стр. 155. 302)—Матер. для географіи и стат. Россіи, собр. оф. генер. шт. въ Ковенской губ. Д. Афанасьева. Спб. 1861 стр. 571. 303)—Памятн. книж. Сѣдледск. губ. 1891 стр. 250—251 стат. Г. Янчука; Pamiętnik fizyjograficzny т. 4 стр. 377—379. 305)—Народы Россіи т. 2 стр. 306. 306)—Ш. Летурно Соп. основ. на этногр. Спб. 1895 в. 1 стр. 92. 307)—«Естеств. и Геогр.» мартъ 1896 стр. 23; Путеш. Гюкъ и Габэ. стр. 177. 308)—«Ест. и Геогр.» март. 1896 стр. 20. 309)—Ш. Летурно. Соц., основ. на этногр. в. 1 стр. 92. 310)—Смотри ирмѣч. 182. 311)—Ест. ист. плем. и народ. Ф. Гельвальда Спб. 1885 т. 2 стр. 227. 312)—С. Дж. Леббокъ. Нач. цив. 2-е изд. стр. 44. 313)—Ф. Готтенротъ стр. 161. 314)—Folk-Lore. (Англ. этногр. журн.) London т. 6 № 1895 стр. 96. 315)—Путешеств. въ зап. Китай. Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Спб. 1896 т. 1 стр. 144. 316)—Racinet. Costume т. 2 рисун. СС. 317)—Ф. Готтенротъ. стр. 191. 318)—«Живая старина». 1894 в. 2 стр. 134. 319)—Пам. кн. Сѣдл. губ. 1891 стр. 235. 321)—А. С. Дембовецкій. Могил. губ. 1892 т. 1 стр. 749. 322)—Ф. Готтенротъ. Ист. ви. культ. стр. 155. 323)—Ш. Летурно. Соц. осн. на этногр. в. 1 стр. 92. 324)—«Естеств. и Геогр.» мартъ 1896 стр. 20. 325)—«Истор. вѣст.» 1895 мартъ стр. 554. 326)—Народы Россіи т. 2 стр. 347. 327)—Зап. Кавк. отд. И. Р. Г. О. кн. 11 в. 2 стр. 113, 131 и 132. 328)—Пут. въ зап. Китай Г. Е. Грумъ-Гржимайло

т. 1 стр. 144. 329)—З. И. Р. Г. О. т. 3 1873 стр. 267 и Чубинск. т. 7 1873 стр. 25. 330)—Чубинск. т. 7 стр. 23 331)—A. W. Ambros стр. 375; 332)—M. A. Racinet. т. 2 въ рисун. подъ знакомъ «коса» (земледѣльч. орудіе); П. Я. Писецкій Путеш. по Китаю Спб. 1880. т. 2 стр. 884. 333)—Этногр. Обозр. 1897. № 2 стр. 72. 334)—Этногр. Обозр. 1889 кн. 4 стр. 182. 335)—Narbott. Wilno. 1835. т. 1 стр. 336. и Журн. Минис. Нар. Прос. ч. XLII, II стр. 40. 336)—Ф. Готтентротъ. Истор. вн. культ. 337)—Этногр. Обозр. 1895 № 3 стр. 14. Статья А. Фамицына. Древне-арійскіе и древне-семитскіе элементы въ обычаяхъ, обрядахъ, вѣрованьяхъ и культахъ славянъ.

Хунъ-ну и Гунны.

(Бібліографіческий обзоръ теорій о происхождении народа Хунъ-ну китайскихъ хътописей, о происхождении европейскихъ Гунновъ и о взаимныхъ отношенияхъ этихъ двухъ народовъ).

(Окончаніе).

III.

Теорія турчизма Хунъ-ну и финнізма Гунновъ. Абель Реміза, какъ сторонникъ первой части этой теоріи и разборъ его доводовъ. Клапротъ—главный представитель этой теоріи. Его изслѣдованія и разборъ ихъ. Другіе послѣдователи этой теоріи. Ея общее значение.

Слѣдующая по времени за теоріей монголизма была теорія, отличавшая Хунъ-ну отъ Гунновъ и считавшая первыхъ тюрками, а вторыхъ финнами. Особенно проводилъ ее известный полиглотъ Клапротъ, неоднократно писавшій по этому вопросу. Этотъ ученый справедливо считается главнымъ представителемъ теоріи. Болѣе того, онъ, собственно говоря, создалъ ее, онъ-же развилъ и распространилъ ее въ наукѣ. Если теорія монголизма образовалась постепенно, слагалась изъ мнѣній различныхъ ученыхъ и нуждалась въ окончательномъ обобщеніи, то теорія финнізма Гунновъ и турчизма Хунъ-ну сложилась, можно сказать, почти сразу. Такимъ образомъ, если она должна была быть цѣлью первой, то въ ней однако болѣе допустимы недосмотры. Трудность усложнилась еще тѣмъ, что предлагавшему ее нужно было не только доказывать вѣрность своего взгляда, но и отрицать другие, предшествовавшіе доводы. Изъ всего этого видно, что взявшій на себя такой трудъ долженъ былъ явиться настоящимъ реформаторомъ въ изучаемомъ нами вопросѣ, и такимъ дѣйствительно нужно назвать Клапрота.

Однако, признавая все значение этого ученаго, мы должны сказать, что еще до него высказался по поводу происхождения Хунъ-ну, придерживаясь уже мнѣнія о турчизмѣ этого народа, известный французскій монголологъ Абель Реміза въ своемъ сочиненіи „Recherches sur les langues tartares“ (Paris, 1820). Въ этомъ изслѣдованіи, какъ уже видно изъ самаго заглавія, не историческомъ, онъ однако венчался нѣкоторыхъ историческихъ во-

просовъ. Къ нимъ принадлежить и вопросъ о происхождении Хунъ-ну. О Гуннахъ онъ почти ничего не говорилъ. Поэтому мы и можемъ считать его первымъ, высказавшимся по поводу новой теоріи, но только относительно одной ея части, именно происхождения Хунъ-ну. Вышеназванное сочиненіе имѣетъ цѣли филологическія. Кроме небольшого предисловія, введенія и небольшого-же заключенія, сочиненіе это дѣлится на семь главъ. Первая говорить объ этихъ народахъ вообще. Вторая касается несторіанско-татарского алфавита. Третья—древнаго письма Татаръ. Четвертая—ореографіи и грамматики Маньчжуріи. Пятая—монгольскаго языка и его діалектовъ. Шестая—восточно-туркскаго или уйгурскаго языка. Наконецъ, седьмая—тибетскаго языка. Интересующаго насъ вопроса Абель Ремюза коснулся въ первой, пятой и шестой главахъ. Сообразно съ этимъ начнемъ и мы обозрѣніе его мнѣній и доказательствъ.

Говоря о различныхъ именахъ татарскихъ народовъ, этотъ ученый долженъ былъ сказать и о происхождении имени Хунъ-ну. Онъ вообще придерживался того взгляда, что почти всѣ варианты имени этихъ кочевниковъ, приводимые въ китайскихъ лѣтописяхъ—тенденціозныя передѣлки съ оскорбительнымъ значеніемъ. Такъ „Хунъ-ё (Hiun-io) можетъ значить проданые рабы; Гуй-фанъ (Kouei-fang)—дьявольские, Хянъ-юнь (Hian-yun)—каналы, Хунъ-ну (Hiong-pou)—дурные рабы, Ту-гю (Thou-kiouei)—наглые собаки и т. д. Это—воспоминанія о ненависти и презрѣніи, которымъ китайцы всегда имѣли къ Татарамъ вслѣдствіе ихъ невѣжества, разбоевъ и набѣговъ, которые они постоянно совершали на землю имперіи“ (pp. 8—9). Однако, онъ думаетъ, что китайцы не произвольно выдумывали эти выражеія, а обращали вниманіе на имена, которыхъ татары сами себѣ давали. Онъ склоненъ видѣть въ вихъ татарскія имена, только транскрибированныя по китайски, съ измѣненіями, свойственными китайскому языку. Онъ думалъ, что китайцы старались, чтобы соединеніе знаковъ, передававшихъ эти имена, имѣло бы сатирическій или презрительный смыслъ. При этомъ Абель-Ремюза указалъ на слово Ту-гю, которое, будучи вѣрной передачей слова тюркъ на китайскомъ языке, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть ругательный смыслъ (p. 9). Подтвержденіе этому онъ видѣть еще въ томъ, что у китайскихъ авторовъ иногда имя одного и того-же народа измѣняется по эпохамъ, но эти измѣненія никогда не бывають очень значительны и безъ всякаго труда можно замѣтить ихъ общее происхожденіе. Такъ, одинъ и тотъ-же народъ носить то имя Хунъ-ё, то Хянъ-юнь, то Хунъ-ну (p. 10). Очень трудно, по его мнѣнію, найти настоащее имя народа, имѣя только китайскую транскрипцію. Причиной этого бываетъ часто незнаніе языка народа. Этотъ случай мы имѣемъ и въ отношеніи Хунъ-ну. Тутъ Абель-Ремюза высказалъ свое мнѣніе

о тожествѣ Хунь-ну и Гунновъ и указалъ на Дегина, какъ на главнаго представителя этого отожествленія. „Однако нужно сказать по правдѣ“, замѣчаетъ онъ: „что Дегинъ не достаточно доказалъ это тожество, которое, хотя и имѣть нѣкоторую вѣроятность, представляеть и большія трудности“. (р. 11 и Introduction, р. XLVI). Въ совершенную противоположность Нейману, Абель Ремюза придерживался того мнѣнія, что „историки и географы китайскіе, говоря о татарскомъ народѣ, всегда стараются указать группу, къ которой онъ принадлежитъ, относится-ли это напр. къ Хунь-ну т. е. къ Тюркамъ или къ Дунь-ху т. е. къ Восточнымъ варварамъ“. (р. 23). Итакъ, хотя въ вопросѣ о происхожденіи имени этихъ кочевниковъ, Абель Ремюза и придерживался мнѣній, не отличавшихъ отъ мнѣній нѣкоторыхъ иѣвъ предшествовавшихъ ему писателей (вспомнимъ мнѣніе Дегина), но онъ развилъ ихъ и даже привелъ въ систему, распространивъ эти измѣненія не только на данный случай, но и на другое. Нѣкоторые сторонники монгольской теоріи, напр. Нейманъ и о. Іакинъ, придерживались этого-же мнѣнія относительно измѣненія имени, и вообще нужно сказать, что оно можетъ считаться наибо-лѣе распространеннымъ въ изслѣдованіяхъ, касающихся нашего вопроса.

Говоря о Монголахъ, Ремюза въ слѣдующихъ словахъ охарактеризовалъ отношеніе ихъ къ Хунь-ну и позднѣйшимъ кочевымъ государствамъ: „Монголы навѣрно часто входили, по крайней мѣрѣ въ качествѣ вассаловъ или подданныхъ, въ составъ тѣхъ страшныхъ союзовъ, которые образовывались къ сѣверу отъ Китая и угрожали цѣлой Азіи, подъ именемъ Хой-хэ (Хое-ке), Ту-гю (Thou-kionei), Жуань-жуань (Jouan-jouan), а въ еще болѣе древнее время Хунь-ну (Hiong-nu), Хянь-юнь (Hian-yun) и др.“ (р. 242). Отыскивая древнѣйшія извѣстія о Монголахъ, онъ даже высказалъ предположеніе, что Хунь-ну, раздѣлившись на сѣверныхъ и южныхъ, слѣдовали „естественному раздѣленію двухъ народовъ, говорившихъ на разныхъ языкахъ, но до тѣхъ порь соединенныхъ“ т. е. что Хунь-ну раздѣлились на два, составлявшихъ ихъ элемента—на Тюрковъ и Монголовъ (р. 243) *). Въ этомъ предположеніи, кажется намъ, можно слышать отголосокъ сообщеній Абуль-Гази и мнѣнія Дегина. Однако, трудно опредѣлить какихъ Хунь-ну онъ считалъ отдѣлившимися Тюрками и какихъ Монголами. Если судить по порядку, въ которомъ онъ упомянулъ о нихъ, то можно думать, что сѣверные Хунь-ну были, по его мнѣнію, Тюрки, а южные Хунь-ну Монголы. Впрочемъ онъ высказался мимоходомъ, такъ что его воззрѣнію, какъ и мнѣнію по этому поводу Дегина, нельзя придавать большого значенія.

Болѣе всего онъ сказалъ о Хунь-ну въ главѣ, посвященной тюркскимъ

*) Хотя роль Монголовъ до раздѣленія онъ, видимо, считалъ совершенно назначительной, такъ какъ Хунь-ну (до раздѣленія) онъ называлъ Тюрками.

народамъ (р.р. 249—330). Тюркское племя считаетъ онъ, какъ и большинство исследователей, однимъ изъ самыхъ древнихъ въ Средней Азіи, самымъ большимъ по числу принадлежавшихъ къ нему народовъ, наконецъ имѣвшимъ болѣе всѣхъ другихъ сношений съ Западомъ. Онъ замѣчаетъ, что, когда китайцы говорить о народахъ, принадлежащихъ къ тунгусскому племени, то только сообщаютъ, что они потомки Дунъ-ху, когда же говорить о народахъ тюркскихъ, то называютъ ихъ потомками Хунъ-ну. Сохраненные китайскими лѣтописями слова языка Хунъ-ну онъ считаетъ тюркскими; страна, изъ которой вышли Хунъ-ну, та самая, которую всѣ известные намъ тюркские народы называютъ своей родиной: „Если вѣроятно, что имперія Хунъ-ну, рассматриваемая на всемъ ея большомъ протяженіи, заключала въ себѣ многихъ тунгусскія, монгольскія, сибирскія, готскія и, можетъ быть, финскія племена, тѣмъ не менѣе можно сказать навѣрнико, что главное ядро и господствующей народъ были тюрки“ (р.р. 326—327). Извѣдьду границы распространенія Хунъ-нускаго владычества, онъ думаетъ получить правильное понятіе о распространеніи тюркского племени, „если не въ его первобытномъ состояніи, то по крайней мѣрѣ, въ самомъ древнемъ изъ известныхъ намъ по истории“ (327).

Сравнительно очень мало сказали онъ объ отношеніяхъ Хунъ-ну къ Гуннамъ. Мелькомъ онъ замѣтилъ только, что не могутъ касаться его сочиненія событія, „которымъ распространили имя Хунъ-ну на Гунновъ, если только это имя есть то же самое, что имя гуннъ“ (р. 328). Тутъ-же онъ добавилъ, что хотя Дегинъ и считалъ это тожество несомнѣннымъ, однако оно представляетъ довольно много затрудненій (какихъ именно онъ не сказалъ) и нуждается въ новыхъ доказательствахъ (р. 328, п. 3).

Изъ этого обзора мнѣній Абель Ремюза мы можемъ заключить, что онъ главнымъ образомъ говорилъ о происхожденіи Хунъ-ну, причемъ считать какъ этотъ народъ, такъ и его потомковъ Ту-гю Тюрками, допуская впрочемъ, что въ ихъ составѣ входили и другие элементы, но только въ видѣ подданныхъ или вассаловъ. Гунновъ-же онъ считалъ финнами. Этого послѣдняго положенія онъ не доказывалъ или считая аксиомой, или думая, что этотъ вопросъ не относится къ области его знаній, и потому опиралась на мнѣнія другихъ. Изъ этой разночленности Хунъ-ну и Гунновъ естественно слѣдовала выводъ, что они могли быть однимъ и тѣмъ-же народомъ. Могла быть только передача имени, о которой, впрочемъ, какъ мы уже видѣли, Абель Ремюза не распространялся.

Этому исследователю принадлежитъ та заслуга, что онъ первый указалъ на созвучіе именъ Хунъ-ѣ, Хянъ-юнь и Хунъ-ну. Нейманъ принялъ его возврѣніе, не соглашаясь однако съ переводами иѣкоторыхъ именъ *).

*) Напр. Абель Ремюза переводить Хунъ-ѣ—проданные рабы, а Нейманъ—лукойды.

Говоря неоднократно о бездоказательности мнѣнія Дегина относительно тожества Хунъ-ну и Гунновъ, Абель Ремюза нигдѣ не приводить доводовъ въ пользу принятія выставленного имъ мнѣнія. Возврѣніе его на раздѣленіе южныхъ и сѣверныхъ Хунъ-ну, какъ на естественное раздѣленіе этого народа на Монголовъ и Тюрковъ, не было проведено съ послѣдовательностью, да при томъ оно и не имѣть большого отношенія къ нашему вопросу, такъ какъ Абель Ремюза, какъ мы уже сказали, считаетъ монголами скорѣе южныхъ Хунъ-ну, а для насъ именно важенъ вопросъ о племени древнихъ Хунъ-ну и ихъ сѣверныхъ потомковъ, какъ возможныхъ соплеменниковъ Гунновъ Запада. Этихъ древнихъ Хунъ-ну Абель Ремюза, не сомнѣваясь, считалъ Тюрками, хотя и не привелъ много доказательствъ. Такъ напр. не мѣшало-бы указать тѣ хуннускія слова, которыя онъ считалъ несомнѣнно тюркскими. Вообще нужно сказать, что этотъ ученый высказался по нашему вопросу мимоходомъ, что объясняется, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что онъ въ этомъ сочиненіи не могъ говорить подробно о племенной принадлежности и происхожденіи народовъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ уклонился-бы отъ основной, филологической задачи своихъ изслѣдованій. Во всякомъ случаѣ его нужно считать первымъ высказавшимъ въ пользу турцизма Хунъ-ну.

Главнымъ представителемъ этой теоріи, какъ мы уже сказали, долженъ считаться Клапротъ, который нѣсколько разъ писалъ по этому вопросу и не мимоходомъ, а посвящая специальныя изслѣдованія. Его мнѣнія далеко не всегда были основательны и безошибочны, однако съ многимъ изъ того, что онъ писалъ, надо считаться. Впервые высказался онъ по этому поводу въ „Asia polyglotta“ (Paris, 1823). Выступая тутъ съ новыми взглядами, онъ видимо, руководился сообщеніями Абель Ремюза. Такъ, начиная изложеніе о Тюркахъ, онъ сказалъ слѣдующее: „китайскія лѣтописи называютъ ихъ Chiun-jü *) при династіи Шанъ (1766 г.—1134 г. до Р. Х.); при Чжеу (1134 г.—256 г. до Р. Х.) они назывались Chian-jüп, а при Цинь и Хань (256 г. до Р. Х.—263 по Р. Х.) Chiun-nu. Видно, что это одно и то-же имя съ незначительнымъ измѣненіемъ въ выговорѣ“ (р. 210). Далѣе онъ сообщилъ о древнемъ китайскомъ извѣстіи, что князья этого народа происходили отъ Shün-wu или Chiun-jü (обѣ транскрипціи Клапрота), сына послѣднаго императора династіи Ха (Hia), который, послѣ смерти отца, бѣжалъ съ 500 человѣкъ въ землю этого кочевого народа и сдѣлался чень-ю (шань-юй) или царемъ. Оттого и весь народъ сталъ называться Chiun-jü. Такимъ образомъ, Клапротъ привелъ новое объясненіе происхожденію имени этого народа. Своеобразно толкованіе имъ нѣкоторыхъ историческихъ

*) Транскрипція Клапрота, какъ и все слѣдующія транскрипціи этого имени въ данномъ отрывкѣ.

фактовъ. Движеніе сѣверныхъ Хунъ-ну на Западъ считается онъ первымъ толчкомъ къ переселенію среднеазіатскихъ народовъ. Въ оставленныхъ ими странахъ между истоками Амура и Селенги съ одной стороны и Алтайскими горами съ другой, появились монгольскія и тунгусскія племена, которыя, усиливаясь, привели къ погибели царство южныхъ Хунъ-ну, рушившееся, въ III-мъ вѣкѣ. Въ этомъ Клапротъ видѣлъ причину „второго разсѣянія и странствованія большей части народа Хунъ-ну на Западъ“. Ихъ бывшая страна была окончательно заселена народами другого племени. Изъ части этихъ Хунъ-ну, ушедшой на Сѣверъ, вышли впослѣдствіи Ту-гю (р.р. 211—212). Въ этомъ же сочиненіи онъ выразилъ ту мысль, что какъ западные финны были германизованы, такъ восточные отуречены (р. 183).

Въ 1825 году Клапротъ напечаталъ въ *Journal Asiatique* (Novembre) статью „Mémoire sur l'identité des Thou-khiu et des Hiong-nou avec les Turcs“. И въ этой статьѣ Клапротъ еще слѣдовалъ возврѣніемъ Абель Ремюза, дополняя и доказывая ихъ. Редакція этого журнала сочла даже нужнымъ замѣтить при напечатаніи этой статьи, что „неоспоримое тожество Ту-гю и Хунъ-ну съ Тюrkами также подтверждается и доказывается въ сочиненіи Абель Ремюза“. Какъ показываетъ заглавіе, авторъ задался цѣлью доказать турчизмъ Ту-гю. Родство-же этихъ послѣднихъ и Хунъ-ну „ихъ предковъ“, онъ считаетъ доказаннымъ *). Прежде всего Клапротъ привелъ доказательства изъ языка. Выше мы приводили возраженія Шмидта относительно производства слова тюркъ отъ такъя. Клапротъ однако предложилъ и другое толкованіе. Онъ указалъ именно на близость слова теркъ, которое значитъ шлемъ, къ слову тюркъ **). Кромѣ того онъ привелъ до 20 тугайскихъ словъ, сохранившихъ намъ китайскими лѣтописями, доказывая ихъ несомнѣнное тюркское происхожденіе и отличие отъ монгольскихъ словъ. Къ этимъ лингвистическимъ доказательствамъ примыкаютъ, по его мнѣнію, и историческія. Онъ указалъ на одновременное появленіе въ византійскихъ лѣтописахъ извѣстій о Тюrkахъ и въ китайскихъ о Ту-гю, на сходство иѣко-торныхъ обычаевъ того и другого народа и т. д. Мы не будемъ долго оста-

*) Въ настоящее время, какъ видимъ, получается обратное. Турчизмъ Ту-гю, благодаря открытію Орхонскихъ надписей, несомнѣнъ, тогда какъ тожество ихъ съ Хунъ-ну требуетъ доказательствъ.

**) Замѣтимъ, что проф. Шоттъ (*Ueber das Altaische oder Fiunisch—Tatarische Sprachengeschlecht* въ *Abhandlungen Berliner Academie*, 1847) указалъ на то, что слово дулга употребляется и въ тюркскихъ языкахъ. Въ монгольскомъ языкѣ онъ указалъ на формы *dughulga* или *dulgha*, а въ тюркскихъ на *thughulgan*, *tughulga*, *tulgha*, *daghulghan*, *daulgha*, *talgha*, *dalgha*. Слово-же теркъ онъ считалъ не тюркскимъ, а арабскимъ или персидскимъ. Въ Тюркко-Татарскомъ словарѣ Будагова теркъ и терке считаются словами персидскимъ и арабскимъ, см. стр. 351. Въ этомъ-же словарѣ на стр. 404 указаны татарская, османскія и джагайскія формы слова тулга. Итакъ, во всякомъ случаѣ турчизмъ Ту-гю несомнѣнъ.

живавшися на этой статьѣ, такъ какъ во первыхъ тожество это еще было повторено Клапротомъ въ его главномъ сочиненіи по этому вопросу, во вторыхъ родство Ту-гю и Тюрковъ не относится непосредственно къ нашей работѣ и въ третьихъ, послѣ открытия Орхонскихъ памятниковъ, тожество это болѣе не нуждается въ доказательствахъ.

Вышеприведенные доводы относительно происхожденія Ту-гю, равно какъ и иѣкоторыя другія соображенія, Клапротъ повторилъ еще и въ „Mémoires relatifs à l'Asie“, книгѣ извѣстной уже намъ по критикѣ мнѣній Шмидта.

Всѣ эти изслѣдованіи и статьи были подготовительными работами для обобщеній и заключеній, которыя Клапротъ представилъ въ своемъ сочиненіи, озаглавленномъ „Tableaux historiques de l'Asie (Paris, 1826). Оно заключаетъ въ себѣ историческій атласъ и историко-этнографическое разысканія. Эти разысканія представляютъ собственно историческое и этнографическое объясненіе къ атласу. Конечно, не все, заключающееся въ нихъ, должно относиться къ нашему вопросу. Хунъ-ну посвящены стр. 101—121 (Aperçu historique et ethnographique des peuples de l'Asie moyenne; peuples de la race turque), а Гуннамъ стр. 234 — 260 (Recherches sur la grande migration des peuples de la race finnoise orientale; Huns et les tribus hunniques). Начнемъ по порядку съ его изслѣдованія о Гуннахъ.

Разбирая извѣстія о народахъ тюркскаго происхожденія, онъ конечно долженъ былъ начать съ Хунъ-ну. Описывая обычай этого народа и передавъ китайскія извѣстія объ ихъ именахъ въ разныя времена (Хунъ-юй, Хань-юнь и т. д.), онъ высказалъ о происхожденіи этихъ именъ то же мнѣніе, какого ранѣе держался Абель Ремюза и онъ самъ въ *Asia polyglotta*. Затѣмъ онъ перешелъ къ изложению исторіи этого народа. Для пониманія взаимныхъ отношеній Хунъ-ну и Гунновъ чрезвычайно важно правильное отношеніе къ фактамъ, сообщаемымъ китайскими лѣтописами. Въ этомъ отношеніи Клапротъ далеко не безупреченъ. Передавая о неурядицахъ, произошедшихъ въ государствѣ Хунъ-ну въ половинѣ первого вѣка по Р. Х. и о подчиненіи Квтаю шавъ-юя Ху-хань-е (Hou-han-sie), онъ совершенно не упомянулъ о томъ, что случилось съ частью Хунъ-ну, откочевавшей подъ предводительствомъ Чжи-чжи на Западъ. Болѣе того—онъ даже совершенно не сообщилъ объ этомъ фактѣ, чрезвычайно важномъ въ нашемъ вопросѣ и которому придаются большое значеніе два другихъ изслѣдователя исторіи Хунъ-ну *). Призывая, что сѣверные Хунъ-ну откочевали въ 91—92 г.г. на Западъ, вотъ что онъ сказалъ объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ: „Остатки

*) См. Дегинъ, т. I, р. I, pp. 90—95 и о. Іакинеъ, т. I, ч. I, стр. 76—80.

съверныхъ Хунъ-ну перешли въ своеимъ бѣгствѣ въ Кинь-вей (Kin-wei) и направились на Западъ къ Кань-гюю (Khang-khiu) или Согдіанѣ . . . (затѣмъ) они были принуждены остановиться къ сѣверу отъ Гуй-цзу (Khuei-thsu) или нынѣшнаго Куча, въ странѣ, имѣвшей нѣсколько ли протяженія и въ которой они пребывали нѣкоторое время подъ именемъ Юе-бо или Юе-бай (Jue-ro или Jue-rap). Позже они пошли на сѣверо-западъ и жили подъ тѣмъ-же именемъ въ странѣ, расположенной по обѣ стороны горъ Улутау (Oulou-tau) и Алгинъ-тау (Alghin-tau), которыхъ служили южной границей Ишимской степи. Затѣмъ эти Юе-бо заключили союзъ съ Жуань-Жуань-но въ концѣ концовъ поссорились, и эта ссора была поводомъ для многихъ сраженій. Въ 448-мъ году они отправили посольство къ Вэй (Goei), чтобы предложить имъ напасть на Жуань-Жуань съ Востока въ то время, какъ они сами нападутъ съ Запада. Послѣ этого исторія не упоминаетъ обѣ этихъ Хунъ-ну, которые вѣроятно смѣшались съ другими тюркскими народами* (pp. 109—111). Вотъ и все, что сообщила Клапротъ о выселеніи съверныхъ Хунъ-ну на Западъ. Оставшіеся послѣ такихъ пораженій немногочисленные съверные Хунъ-ну вполнѣ подчинились усилившимся Сань-би и такимъ образомъ совершенно утратили какъ имя, такъ и политическое существованіе. Ту-гю или Тюрки, по его мнѣнію, потомки Хунъ-ву. Тутъ онъ передалъ сообщенное китайскими лѣтописами преданіе обѣ удаленіи части Хунъ-ну къ Си-хю или Западному морю и обѣ ихъ усиленіи тамъ. Сходство-же преданія о происхожденіи Тюрковъ съ тѣмъ, что Санань-Сѣцінъ сообщилъ о происхожденіи Монголовъ, Клапротъ объяснялъ заимствованіемъ послѣдними у первыхъ.

Перейдемъ теперь къ извѣстіямъ о Гуннахъ. Первымъ сообщившимъ о нихъ Клапротъ считалъ Діонисія Періегета (писалъ около 160 г. по Р. Х.), упомянувшаго о слѣдующихъ четырехъ народахъ, жившихъ на западномъ берегу Каспійскаго моря, по порядку ихъ расположенія съ сѣвера на югъ: Скиены, Гунины (Обуус), Каспіи и Албани. Это извѣстіе нашъ изслѣдователь привелъ въ связь съ тѣмъ, что сообщилъ Эратосенъ (ум. въ 194 г. до Р. Х.), извѣстіе которого дошло до настъ лишь въ цитатѣ у Страбона. Онъ называетъ тѣ-же народы, живущіе къ Западу отъ Каспійскаго моря и въ томъ-же совершенно порядке, только вместо Гунновъ у него стоять Уитіи (Обітіи) „которые“, прибавляетъ Клапротъ: „были вѣроятно гунскимъ племенемъ, наиболѣе выдвинувшимся на Западъ“. Итолемей*) упомянулъ о Гуннахъ, которые, по его словамъ, жили между Бастарнами и Роксоланами т. е. на берегахъ Бориссона (Днѣпра). Армянскіе историки тоже знаютъ

*) Замѣтимъ, что Клапротъ ошибочно думалъ, будто Итолемей жилъ въ половинѣ третьего вѣка по Р. Х. (Tab. hist., p. 532), тогда какъ онъ жилъ въ половинѣ втораго вѣка.

этот народъ, который они называютъ Хунъ. По ихъ сообщеніямъ онъ жилъ между Волгой и Дономъ. Зонара передаетъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, императоръ Каръ былъ убитъ во время похода на Гунновъ. Основываясь на всѣхъ этихъ извѣстіяхъ, Клаупротъ думалъ, что Гуны были извѣстны еще до своего вторжевія, и если Амміанъ Марцеллій замѣтилъ, что они мало были извѣстны древнимъ, то этимъ онъ вовсе не хотѣлъ сказать, что древній міръ ровно ничего по слыхалъ о нихъ. Затѣмъ Клаупротъ привелъ извѣстія современныя и послѣдовавшія за гунскімъ вторженіемъ. Это—извѣстія Амміана Марцелліна, Зосимы, Іордана и Аполлінарія Сидонія. Признавая, что ужасъ, внушаемый этими варварами всѣмъ народамъ Европы, содѣйствовалъ возникновенію извѣстій объ ихъ отталкивающей внѣшности, онъ однакъ не считалъ ихъ арійцами. Различные варварскіе народы, напр. Лангобарды, Готы, Вандалы и др., которые раньше Гунновъ вторгались въ земли Римской имперіи, не отличались по внѣшнему виду отъ европейскихъ народовъ, до тѣхъ поръ извѣстныхъ, равно какъ и отъ самихъ Грековъ и Римлянъ. Гуны-же поражали и удивляли какъ несдерживаемымъ нападеніемъ, такъ и наружностью, безобразною и отъ того, что принадлежали къ чуждой, до тѣхъ поръ невѣдьмой расѣ, и, быть можетъ, отъ искусственнаго измѣненія ея.

Отдавая должное знанію и трудолюбію Дегінія, Клаупротъ считалъ несновательнымъ отожествленіе Хунъ-ну и Гунновъ. Онъ особенно указывалъ на то, что въ эпоху переселеній этотъ народъ не назывался Хунъ-ну, а Юе-бо или Юе-бани. Это-же имя ничего общаго съ именемъ Гуни (Хуни) не имѣетъ. Болѣе того, гунское племя, упомянутое Эратосѳеномъ, жило за 200 лѣтъ до нашей эры къ Западу отъ Каспійскаго моря, тогда какъ Юе-бо не пришли еще тогда къ истокамъ Ишима, а жили вмѣстѣ съ другими Хунъ-ну въ областахъ къ сѣверу отъ Квтая.

Раньше мы привели возраженія Клаупрота противъ объясненій гунскихъ именъ изъ монгольскаго языка, предложенныхъ Бергманомъ. Однако, онъ не только отрицалъ, онъ привелъ также и свое мнѣніе. Онъ указалъ на нѣкоторыя гунскія имена, которыя не могутъ быть ни тюркскими, ни монгольскими. Вѣдьствие скопленія согласныхъ, напр., Бледа, Глонесь, Боарексъ, Сираксъ Скотта и др. Тутъ Клаупротъ задался вопросомъ въ какому племени могли принадлежать Гуны и отвѣтилъ, что византійскіе историки оставили намъ подробныя разъясненія по этому поводу. „Никита, Левъ Грамматикъ, Георгій Монахъ сообщаютъ намъ, что Венгры то-же, что гуны“. „Древнія венгерскія хроники говорятъ то-же самое“. „Киннамъ называетъ Венгровъ западными Гунами (Обуuoι ἑστέριοι)“. Онъ видѣлъ сходство даже въ именахъ Гунновъ и Венгровъ (Oungri). Въ именахъ многихъ гунскихъ пле-

мень встречается имя Oungri или Ougri (Венгры). напр. Огорь (Ogor), Унгурь (Ounigour), Утигурь (Outigour), Кутригурь (Koutrigour), Сарогурь (Sarogour) и др. Основываясь на словахъ Феофилакта Симокатты, что „Авары по происхождению Гуны“, Менандра, который назвалъ переводчика участвовавшаго въ переговорахъ византійцевъ съ хаканомъ аварскимъ — „переводчикомъ съ гунского“, Кедрина, который сообщилъ, что Хозрой желалъ заключить противъ византійцевъ договоръ съ „западными Гунами, которыхъ также называютъ Аварами“, — Клапротъ призналъ, что Гуны и Авары одно и то-же племя. Онъ пытался объяснить гунскія имена при помощи венгерского и лезгино-аварского языковъ. Такъ, слова Attilas или Etsel онъ сближалъ съ венгерскимъ Atzel, „сталь“ и съ очень распространеннымъ у лезгино-аваровъ именемъ, Adilla, Mouubiohos или Mouich (имя отца Аттилы) — съ венгерскимъ словомъ Mentseg, которое значить „покровительство“, Hirnag (имя сына Аттилы) съ венгерскимъ же словомъ Hir-nagy „большая слава“, Deugyis (имя сына Аттилы) съ венгер. Tenyészes, „плодородіе“, съ лезгино-аварскимъ Dingatsik, собственнымъ именемъ семейства и т. д. Национальные гунскія слова онъ также старался объяснить при помощи этихъ языковъ. Рѣка по лезгино-аварски „оръ“ (ог., ног, очог), а по гунски „варъ“. Впрочемъ Клапротъ заявилъ, что не считаетъ Гунновъ и Лезги-Аваровъ за одинъ и тотъ-же народъ. Онъ думалъ, что послѣ разрушенія аварского царства часть народа могла удалиться на Кавказъ и основать тамъ новое государство. Авары смѣшились съ древними обитателями этой страны, лезгинами, языкъ которыхъ они и приняли, сохранивъ лишь некоторые свои слова и имена.

Что касается до физического типа, то, какъ мы уже говорили, онъ не указываетъ, по мнѣнію нашего изслѣдователя, исключительно на монгольское происхождение этого народа. Клапротъ счелъ возможнымъ найти сходство въ наружности Гунновъ и наружности Богуловъ, которые по описаніямъ „очень походить на Калмыковъ“. Къ этому сходству онъ присоединилъ еще то доказательство, что „во многихъ діалектахъ вогульского языка houш, khoш и koш означаетъ — человѣкъ“, а это слово есть то-же самое, что Гунъ (правильнѣе Хунъ). Богулы живутъ какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, которые прежде назывались Великой Гунніей или Великой Угріей. По словамъ Рюисбрѣка „изъ страны Паскатировъ (т. е. Башкировъ) вышли иѣогда Гуны, которые потомъ были названы Венграми“. Однако и въ данномъ случаѣ Клапротъ не утверждалъ, что Гуны и Венгры вполнѣ тождественны. Въ составъ послѣднихъ вошли еще тюркские, славянскіе и германскіе элементы, такъ что совершенно измѣнили наружность Венгровъ, но ядро народа было финское и даже специально гунское. Онъ считалъ „характернымъ различіемъ“

то, что, по рассказамъ китайскихъ лѣтописей, Хунъ-ну жили въ войлочныхъ палаткахъ, тогда какъ Гуинны, по извѣстіямъ западныхъ писателей, ъездили въ повозкахъ, запряженныхъ волами.

Итакъ, по мнѣнію Клапрота, Хунъ-ну были Тюрки, не имѣвшіе ничего общаго съ Гуиннами. Эти же послѣдніе были Финны, предки теперешнихъ Венгровъ.

По поводу теоріи Клапрота высказался довольно подробно П. П. Семеновъ (631—634 стр. I-го тома „Землевѣдѣнія Азіи“ Риттера въ русскомъ переводаѣ, Спб. 1850). Одновременно съ этимъ онъ изложилъ и свои взгляды. Такъ какъ этого изслѣдователя нужно отнести къ третьей теоріи, то мы и приведемъ его разысканія въ слѣдующей главѣ; тутъ-же ограничимся его разборомъ доказательствъ Клапрота. Всю его теорію г. Семеновъ раздѣляетъ на три части: въ первой доказывается соплеменность Гуинновъ и Финновъ, во второй— тожество Ту-гю и Тюрковъ, въ третьей соплеменность Хунъ-ну и Ту-гю. Изложивъ вышеупомянутые доводы Клапрота, г. Семеновъ вполнѣ согласился съ тѣмъ, что Гуинны были, по всей вѣроятности, финского происхожденія. Онъ также не считаетъ возможнымъ возразить что-нибудь противъ тожества Ту-гю и Тюрковъ. Это, по его мнѣнію, „самая несомнѣнная часть цѣлой теоріи Клапрота“. Но третья часть, тожество Хунъ-ну и Ту-гю, встрѣчаетъ съ его стороны опроверженіе. Считая единственными доказательствами въ пользу этого полную замѣну Хунъ-ну Тугюйцами или тюркскими племенами на сѣверо-западныхъ предѣлахъ Китая (въ Иньшаньской альпийской странѣ) и показанія китайскихъ лѣтописей относительно того, что Ту-гю произошли отъ Хунъ-ну, г. Семеновъ признаетъ ихъ совершенно недостаточными. Тожество двухъ народовъ, по его мнѣнію, нельзя доказать такимъ путемъ. Происхожденіе Ту-гю отъ Хунъ-ну могло быть не этнографическое, а политическое; если-же дѣло обстояло такъ, то конечно Тюрки могли произойти отъ Финновъ.

Прежде чѣмъ представить разборъ главнаго сочиненія Клапрота, мы должны сказать еще нѣсколько словъ о его мнѣшіяхъ, выраженныхъ ранѣе въ „Asia polyglotta“. Мы уже говорили о разныхъ именахъ Хунъ-ну при изложеніи и разборѣ мнѣвій Абель Ремѣза. Мнѣніе о происхожденіи имени народа Хунъ-ю отъ имени основателя царствующаго дома не подтверждается другими изслѣдователеми. Никто не говоритъ, что Шунь-вей (Шѣп-шу у Клапрота) иначе назывался-бы еще Хунъ-ю и что народъ получилъ название отъ его имени, самъ-же Клапротъ не указалъ источника, изъ котораго почерпнулъ это извѣстіе и ни въ одномъ изъ послѣдовавшихъ сочиненій не упомянулъ о немъ. Тутъ-же онъ видѣлъ причину движенія Хунъ-ну на западъ, во первыхъ, въ паденіи сѣверныхъ Хунъ-ну (конецъ I-го вѣка по Р. Х.)

и во вторыхъ въ разрушениі государства южныхъ Хунъ-ну (въ III-мъ вѣкѣ по Р. Х.). Однако о переходѣ Хунъ-ну на западъ въ III-мъ вѣкѣ ничего не сообщается у китайскихъ историковъ. О тожествѣ Ту-ю и Тюрокъ, равно какъ и о возраженіяхъ противъ теоріи Шмидта, мы уже говорили. Поэтому обратимся теперь къ его главному изслѣдованію.

Клапротъ не точно изложилъ исторію Хунъ-ну. Онъ совершилъ не упомянуль обѣ откочеванія шаньюю Чжи-чи. Какое-бы значеніе ни придавать этому движенію, о немъ необходимо упомянуть. При изложеніи исторіи части сѣверныхъ Хунъ-ну послѣ ихъ откочеванія на Западъ, онъ сообщилъ, что этотъ народъ остановился въ области къ сѣверу отъ Кучи, где и жилъ подъ именемъ Юе-бо или Юе-бань *). Здѣсь мы встрѣчаемся съ какимъ-то недоразумѣніемъ, которое склонны приписать просто ошибкѣ Клапрота. Выше мы говорили, что Нейманъ предполагалъ видѣть въ странѣ Юе-бань или Юе-бо Eulysia древнихъ или Угорскій край. Дегинъ (т. I, р. II, р. 278) тоже сообщилъ по китайскимъ извѣстіямъ, что шань-юй (или какъ онъ называлъ танжу, tanjou) сѣверныхъ Хунъ-ну, перейдя страну Кань-гуй прибылъ въ страну, называемую Юе-бань (по мнѣнію этого ученаго, область, соотвѣтствующая нынѣшней Уфимской губерніи). О. Іакинеъ высказалъ то мнѣніе, что страна Юе-бань была вѣроятно расположена по бассейну Зайсана и занята Хунъ-ну на ихъ пути въ Кань-гуй. Часть ихъ тамъ и осталась. Слово Юе-бань, по его мнѣнію, названіе династіи, правившей надъ этими отсталыми **). Въ此刻ъ время проф. Хиртъ тоже указываетъ на то, что часть Хунъ-ну пошла въ Кань-гуй т. е. въ области къ западу отъ Юе-бани (см. Ueber Wolga Hunnen und Hiung-nu). Такимъ образомъ, все эти ученые утверждаютъ, вопреки мнѣнію Клапрота, что Юе-бань имя страны, причемъ одинъ высказываетъ мнѣніе, что страна получила имя отъ династіи, оставшейся тамъ послѣ ухода Хунъ-ну далѣе на Западъ. Что касается до извѣстія, сообщеннаго Клапротомъ, обѣ отпрашенія посольства отъ народа Юе-бань

*) По мнѣнію Вивьен-де-Сент-Мартена, высказанному въ статьѣ «Sur les Huns Blancs ou Ephthalites (въ Nouveaux annales des voyages, т. III, 1849, р. 39, п. 4), при Кань-гюемъ называлась не Согдiana, а киргизь—казацкая степь, вопреки мнѣніямъ Клапрота и Абель Ремюза (Nouveaux sh  langes asiatiques, р. 225).

**) Вотъ текстъ перевода съ китайскаго: «Владѣніе Юебань лежитъ отъ Усуня на сѣверозападъ... Это есть аймакъ, прежде принадлежавшій сѣверному хуннускому шаньюю, прогнанному китайскимъ полководцемъ Дау-хянь. Сѣверный шаньюй, перешедъ черезъ хребетъ Гинь-вэй-шань (Тарбагатай) ушелъ на Западъ, въ Кангуй; а малосильные, которые не въ состояніи были слѣдовать за нимъ, остались по сѣверную сторону Кучи» (Собр. сбѣд. о народахъ Средней Азии, т. III, стр. 163—165); а вотъ собственное мнѣніе о. Іакинеа: «Юебань есть названіе владѣнія, занимавшаго земли отъ Усуня на сѣверо-западъ. Это былъ одинъ изъ аймаковъ, принадлежавшихъ сѣверному хуннускому шаньюю... Слабосильные заняли нынѣшній Тарбагатайскій округъ подъ названіемъ дома Юебань» (тамъ же, указатель именъ географическихъ, стр. 109).

въ Китай, то объ этомъ подробнѣе сообщилъ Дегинъ (т. I, р. II, р. 342). Основываясь на извѣстіяхъ сообщенныхъ въ Гань-мо (Кам-то), Лѣ-дай-ги-су (Lie-tai-ki-su) и Венъ-сань-дунъ-гао (Ven-hian-tung-kao), онъ заявилъ слѣдующее: „Болѣе всего беспокоило жужанскаго Чу-ло-хана посольство, которое Гуны, жившіе въ Юе-банѣ или странѣ Башкировъ, отправили къ императору Вей, чтобы предложить ему заключить договоръ, по которому они обязывались напасть на Жу-жань съ Запада, тогда какъ Вей сдѣлалъ-бы то же самое съ другой стороны Азіи: кажется, это посольство было отправлено Аттилой, который только что подчинилъ всѣ народы съверной Европы и государство, примыкавшее къ Жужанамъ“. Дегинъ, какъ и Клапротъ, относилъ это событіе къ 448 г. по Р. Х. Такимъ образомъ, этотъ фактъ нисколько не противорѣчить существованію Гунновъ въ Юе-банѣ. Такъ какъ Гуны въ 448 г. т. е. за три года до Каталаунской битвы подвинулись на Западъ очень далеко отъ предѣловъ Восточной Европы, то, быть можетъ, посольство не было снаражено самимъ Аттилой, а какой-нибудь оставшейся позади ордой, которая и вступила въ сношенія съ далекимъ Востокомъ. Можеть быть также, что, когда Гуны ушли изъ Юе-баня, имъ ихъ осталось тамъ памятнымъ и перешло на другой народъ, ничего общаго съ ними не имѣвшій. Наконецъ, если принять мнѣніе о Іакинеа, то и въ такомъ случаѣ ничто не будетъ противорѣчить тожеству Хунъ-ну и Гунновъ—вѣдь тогда Юе-бань являются отсталыми Хунъ-ну, далѣе на Западъ не понедѣшими.

Клапротъ привелъ не много доказательствъ въ пользу турчизма Хунъ-ну. Это вѣроятно объясняется тѣмъ, что онъ уже не первый писалъ объ этомъ, а только повторялъ и распространялъ то, что до него сказалъ Абель Ремюза.

Такое-же недоразумѣніе, какъ и съ Юе-банемъ, мы встрѣчаемъ у Клапрота и въ другой разъ, именно въ изложеніи исторіи Гунновъ. Сообщивъ, что первыми извѣстіями объ этомъ народѣ мы обязаны Діонисію Періегету, онъ старался сопоставить эти сообщенія съ тѣмъ, что передалъ намъ Эратосѳенъ (по Страбону). Нужно сказать, что это сопоставленіе первый сдѣлалъ не Клапротъ, а гораздо раньше его Тунманъ (Untersuchungen über die Geschichte der östlichen, europäischen Völker, 1774, Erster Theil). Приведемъ его слова: „Діонисій Періегетъ располагаетъ Гунновъ у Каспійскаго моря, тамъ, гдѣ впадаетъ въ него Волга... Уже по словамъ Страбона сидѣлъ здѣсь, у Каспійскаго моря, народъ Уитіевъ, къ сѣверу отъ Каспіевъ, тогда какъ эти послѣдніе жили къ сѣверу отъ Албановъ. Въ такомъ-же порядкѣ помѣстилъ Діонисій Гунновъ, всѣго далѣе на сѣверъ, потомъ къ югу Каспіевъ и Албановъ“. (ss. 24—25). Въ данномъ случаѣ Клапротъ повторилъ то, что сказали уже до него. Посмотримъ теперь насколько возможно подобное

отожествлени. Противъ него возсталъ уже Нейманъ (см. стр. 39 его изслѣдованія). Дѣйствительно, неужели достаточно одного этого порядка для того, чтобы утверждать, что два народа, неимѣющіе никакого сходства въ имени, какъ Гунны и Уитіи (Ouitio: или Kouitio:) одно и то же? Разстояніе во времени между извѣстіями Діонісія Періегета и Эратосеена тоже слишкомъ значительно, чтобы предполагать ошибочную постановку одного имени вмѣсто другого. Принимая отожествлени Гунновъ съ Уитіями совершенно произвольны, мы считаемъ Птолемея и Діонісія Періегета сохранившими намъ древнѣйшія извѣстія о Гунахъ. Прочія извѣстія древнихъ писателей объ этомъ народѣ, по нашему мнѣнію, переданы у Клапрота правильно.

Вполнѣ вѣрно сообщеніе, что византійскіе писатели производили Мадьяръ отъ Гунновъ. Въ данномъ случаѣ нельзя конечно серьезно относиться къ мнѣнію византійцевъ. Дѣло въ томъ, что страшные набѣги кочевниковъ не скоро забывались, и долго еще народы, приходившіе изъ тѣхъ-же мѣстъ, откуда пришли нѣкогда грабители и враги культуры и осѣдлости, назывались тѣми же именами. Вспомнимъ только какъ долго держалось имя Скиѳъ. Большинство ученыхъ не согласно съ производствомъ Мадьяръ отъ Гунновъ. Нѣкоторые видѣть причину существованія у Венгровъ преданій о происхожденіи ихъ отъ Гунновъ просто въ томъ, что они поселились тамъ-же, где нѣкогда жили Гунны т. е. въ Панноніи и въ силу этого унаследовали мѣстныя преданія. Таковы напр. мнѣнія г. Уїфальви (Migrations des peuples touraniens, р. 85) и Ам. Тьерри (Histoire d'Attila, т. II, р. 360). S. Cassel, изслѣдователь древнѣйшей исторіи Мадьяръ, тоже не соглашался съ этимъ отожествленіемъ (Magyarische Alterthümer, Berlin, 1848, с. 1—70 *).

Хотя Клапротъ не утверждалъ, что Мадьяры чистые потомки Гунновъ, а думалъ, что ядро этого народа т. е. правители и окружавшая ихъ дружина были Гунны, однако мы именно это и считаемъ сомнительнымъ.

Не существуетъ конечно особеннаго „характернаго различія“ въ томъ, что одинъ народъ жилъ въ войлочныхъ палаткахъ, а другойѣѣдилъ въ повозкахъ, запряженныхъ быками. Въ одномъ случаѣ византійцы могли говорить о способахъ передвиженія Гунновъ, а въ другомъ витайцы могли рассказывать о жизни Хунь-ну во время стоянки.

*) Французскій угрологъ г. Сайу (Sayous) въ своей небольшой, но очень полезной, какъ обобщеніе всѣхъ предшествующихъ изслѣдованій въ этой области, книжкѣ «Les origines et l'éroque païenne de l'histoire des Hongrois» (Paris, 1874), считать однако возможнымъ установить черезъ Секлеровъ связи Мадьяръ съ Гуннами, «въ томъ смыслѣ по крайней мѣрѣ, что переселенія Гунновъ, Аваровъ и Венгровъ—три результата аналогичныхъ движений народовъ одной и той же расы» (р. 29). Впрочемъ отожествленіе подобнаго рода устанавливается лишь очень отдаленную связь между двумя народами.

За Абель Ремюза и Клапротомъ послѣдовали многіе ученые. Подъ явнымъ вліяніемъ послѣднаго находился А. Жардо въ сочиненіи „Révolutions des peuples de l'Asie moyenne“ (Paris, 1839). Хунъ-ну у него Тюрки (т. I, pp. 175—6), Гуны-же Финны (т. I, p. 139), и при томъ Финны восточные (т. I, pp. 166—168; см. также приложенные ко II-му тому таблицы). Отожествлять Хунъ-ну и Гунновъ онъ не считаетъ возможнымъ. Возраженія его противъ Дегиана и теоріи монголизма есть повтореніе возраженій Клапрота (особенно ясно вліяніе Клапрота въ томъ, что онъ считалъ Ие-бань именемъ Хунъ-ну, ушедшихъ на Западъ).

Знаменитый географъ Карлъ Риттеръ въ первомъ томѣ своего „Землевѣдѣнія Азіи“ (русскій переводъ, Спб. 1850), говоря объ Инь-шанѣ коснулся и Хунъ-ну. Тутъ онъ выставилъ тотъ взглядъ, что „они принадлежали къ родамъ многочисленнаго туркскаго племени“ и что имя ихъ есть „обращеніе въ дурной смыслъ неимѣвшаго такого смысла созвучнаго туземнаго имени“ (стр. 625). Мы не будемъ долго останавливаться на томъ, что сообщилъ Риттеръ, такъ какъ въ его сочиненіи повторены мнѣнія Абель Ремюза и Клапрота *). Къ этому взгляду на происхожденіе Хунъ-ну присоединился и другой извѣстный географъ Рихтхофенъ (China, т. I, с. 49). Въ пользу турчизма Хунъ-ну высказались еще: извѣстный этнографъ Ф. Мюллеръ (Allgemeine Ethnographie, Wien, 1873, sr. 347—348), французскій этнографъ Жираръ де Ріаль (Mémoire sur l'Aise centrale, Paris, 1875, p. 37), В. В. Радловъ (Еъ вопросу объ Уйтурахъ, LXXII т. Записокъ Академіи Наукъ, прилож. № 2), Н. В. Аристовъ (Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ въ Живой Старинѣ за 1896 г.), и др. Въ пользу финнизма Гунновъ высказались финскіе ученые Кастренъ и Кошкинъ. Первый въ своихъ „Reiseberichte und Briefe“ (herausgegeb. von A. Schieffner, 1856) на стр. 9 высказалъ мнѣніе, что „Гуны были по всей вѣроятности предками Финновъ“, а въ „Ethnologische Vorlesungen“ (Спб. 1857) повторилъ то, что сообщилъ Клапротъ (ss. 55—58), хотя тутъ, признавая Гунновъ алтайцами, сомнѣвался къ какой группѣ ихъ относiti (s. 71) **). Кошкинъ въ своей „Finnische Geschichte“ (Leipzig,

*) Замѣтимъ что Риттеръ, слѣдя за Лассеномъ (Die altpersischen Keilinschriften von Persepolis) призналъ въ десятомъ народѣ персепольской гвоздеобразной надписи Hunâ, Hunas—Гунновъ (см. стр. 106 русскаго перевода Землевѣдѣнія Азіи, Иранъ, 1864). Однако это имя надо читать Я-на и разумѣть подъ именемъ Юнанъ или вообще Грековъ (см. тамъ-же, статью Шпигеля, стр. 166). Витерсхеймъ повторилъ однако то, что сообщилъ Лассенъ. Baronъ П. К. Усларъ (Древнѣшія извѣстія о Кавказѣ въ Извѣстіяхъ Кавказскаго Отдѣла Географ. Общ., XII, стр. 535) тоже принялъ это мнѣніе (слѣдя уже не Лассену, а Риттеру). Д. И. Иловайскій повторилъ сообщенное Усларомъ (Поборники норманизма и турализма въ Русской Старинѣ, 1882, т. XXXVI, стр. 612).

**) Вотъ почему мы и не можемъ считать Кастрена опредѣленно высказавшимся за мнѣніе Клапрота, какъ то думалъ П. Н. Семеновъ на 632 стр. I го тома «Землевѣдѣнія Азіи» Риттера.

1874) на стр. 4 причислил Гунновъ къ угорской вѣтви финского племени. Историкъ Пальманъ высказался за финнизмъ Гунновъ (*Geschichte der Völkerwanderung*, 1863, с. 91). Въ „*Geschichte von Ungarn*“ Фесслера (второе изданіе, обработанное Клейномъ, Leipzig, 1867, Erster Band, 11), хотя ничего не сказано опредѣленного относительно того, къ какой этнографической группѣ надо отнести Гунновъ, однако принято то мнѣніе Клапрота, что они и Хунъ-ну не тождественны. Ф. Мюллеръ въ „*Der Ugrische Volksstamm*“ (Berlin, 1837) въ I-омъ томѣ сказала слѣдующее по поводу происхожденія этого народа. „Мы понимаемъ подъ именемъ гунскихъ народовъ тѣхъ, которые обыкновенно называются финскими и которые русскими называются чудскими, также угорскими народами, но лучше всего могли бы вообще называться уральскими, хотя это наименование имѣть болѣе географический, чѣмъ историко-этнографический характеръ“ (с. 2). Шафарикъ въ „*Славянскихъ древностяхъ*“ (перев. Бодянского, 1847, т. I, кн. II, стр. 87—88) повторилъ выводы Клапрота и отрицахъ словопроизводства, предложенного сторонниками монголизма. Къ его мнѣнію относительно несостоительности этихъ словообразований присоединился венгерскій ученый П. Хунфальви въ „*Ethnographie von Ungarn*“ (Budapest, 1877) на стр. 77 и 252—255. Гуны, какъ и ихъ потомки Болгары, принадлежали, по его мнѣнію, къ Угро-Финнамъ; къ какому отдалу этого племени— сказать трудно. Изъ русскихъ ученыхъ сторонникомъ теоріи финнизма Гунновъ явился этнографъ Риттихъ (Материалы для этнографіи Россіи, Казань, 1870, т. I, стр. 25), который даже склоненъ прямо считать ихъ за Остяковъ, смѣшанныхъ съ Богулами, Вогулами и Башкирами. (Впрочемъ позже, въ изданныхъ этимъ изслѣдователемъ „Четырехъ лекціяхъ по русской этнографіи“, говоря мимоходомъ о Гунахъ, онъ назвалъ ихъ тюркскими народомъ, въ войскахъ которого были угры, финны и славяне. См. стр. 36 этого изслѣдованія).

Найдутся конечно и еще многіе другіе сторонники этой теоріи—мы старались указать главнымъ образомъ наиболѣе авторитетныхъ. Одни изъ нихъ просто высказывались за принадлежность Гунновъ къ обширной финской группѣ урало-алтайскихъ народовъ, другие даже считали ихъ специально уграми и предками Мадьяръ.

Разсмотрѣвъ взгляды ученыхъ сторонниковъ этой теоріи и представивъ разборъ ихъ, мы должны сказать, что она совершенно противоположна теоріи монголизма. Она отрицаетъ все три положенія этой послѣдней: и монголизмъ Хунъ-ну, и монголизмъ Гунновъ, и тождество этихъ двухъ народовъ. Что касается до ея общаго значенія, то нужно сказать, что, хотя пѣкоторыя ея положенія мы и считаемъ смѣлыми и недоказанными, однако большой за-

слугой ея является то, что ея послѣдователи, излагая ходъ переселеній народовъ изъ Средней Азіи въ Европу, внесли въ свою работу больше порядка, больше системы, чѣмъ сторонники первой теоріи.

IV.

Теорія финнізма Хунъ-ну и Гунновъ. — Сенъ-Мартенъ, его общіе взгляды и мнѣнія относительно отдельныхъ частей этого вопроса. — Сторонники финнізма Хунъ-ну. Вивьенъ-де-Сенъ Мартенъ и разборъ его доводовъ. — Семеновъ, его доказательства въ пользу финнізма Хунъ-ну и ихъ критика. — Мнѣніе Унфальви. — Общее значеніе этой теоріи.

Третья теорія не произвела такого переворота во взглядахъ на происхожденіе Хунъ-ну и Гунновъ, какъ вторая. Въ то время, какъ эта послѣдняя отвергала все предложенное сторонниками монголизма, третья теорія отчасти примкнула къ возврѣніямъ второй. По скольку представители этой теоріи являются сторонниками финнізма Гунновъ, по стольку же они могутъ быть причислены и къ второй теоріи. Различіе состоить въ томъ, что, думая видѣть въ Гуннахъ и Хунъ-ну одинъ и тотъ же народъ, они считаютъ и китайскихъ Хунъ-ну Финнами. Такимъ образомъ, съ одной стороны защищая финнізмъ Гунновъ, выставленный второй теоріей, съ другой же стороны соглашалась съ тождествомъ Хунъ-ну и Гунновъ, которое предложилъ Дегинъ, а за нимъ сторонники монголизма, эта третья теорія является какъ-бы „при-мирительницей“ различныхъ возврѣній.

Первымъ, предложившимъ ее, былъ извѣстный французскій арmenистъ Сенъ-Мартенъ (Saint-Martin). Не написавъ по этому вопросу отдельного изслѣдованія, онъ говорилъ о немъ въ своихъ важныхъ примѣчаніяхъ къ „Histoire du Bas-Empire“ Лёбо (Lebeau), главнымъ образомъ въ IV-мъ томѣ (Paris, 1824). Къ сообщеніямъ Лёбо о происхожденіи и исторіи Гунновъ, основаннымъ исключительно на сочиненіи Дегиня, Сенъ-Мартенъ прибавилъ свои соображенія (см. прим. 2 на стр. 60 IV-го тома). Началь онъ, какъ почти всѣ изслѣдователи этого вопроса, съ критики взглядовъ Дегиня. Придавая очень большое значеніе задачѣ этого ученаго—посредствомъ восточныхъ и западныхъ источниковъ прослѣдить исторію переселенія народовъ, Сенъ-Мартенъ однако думалъ, что Дегинъ преувеличилъ послѣдствія сличенія этихъ извѣстій. „Одно изъ первыхъ неудобствъ этой системы—распространеніе имени Хунъ-ну или Гунновъ на всѣ варварскія племена Средней Азіи. Соединяя ихъ такъ, подъ общимъ наименованіемъ, которое могло относиться къ нимъ въ извѣстныя только эпохи и въ извѣстныхъ условіяхъ, онъ значительно ослабилъ свою гипотезу. Дѣйствительно, трудно узнать изъ

его сочинения, кому на самомъ дѣлѣ принадлежало имя Гунновъ, которое онъ даетъ Тюркамъ, Монголамъ, Маньчжурамъ и многимъ другимъ народамъ, разница въ происхожденіи которыхъ доказывается языками, на которыхъ они говорятъ. Къ какой вѣтви этихъ народовъ нужно отнести специально имя, о которомъ идетъ рѣчь? Дегинъ не решаетъ этого "... Далѣе Сенъ-Мартенъ взялся за опредѣленіе племенной принадлежности Гунновъ. По извѣстіямъ древнихъ писателей, Гуны жили на пространствѣ теперешней Европейской Россіи. Языки, на которыхъ говорить ихъ потомки, доказываютъ намъ, что Гуны были народъ, совершенно отличный отъ Тюрковъ, но имя, власть и языкъ ихъ, по мнѣнію Сенъ-Мартена, распространялись нѣкогда на страны, теперь занимаемыя вышеупомянутыми народами. Всѣ потомки древнихъ Гунновъ теперь называются Финнами. Какъ на ясный примѣръ, подтверждающій это, онъ указываетъ на Мадьяръ или Венгровъ. „Ихъ историческая воспоминанія связываются съ древними Гуннами, а языкъ доказываетъ, что они Финны“. Сенъ-Мартенъ старался сблизить два имени: Гуннъ и Финнъ. Онъ замѣтилъ, что буквы „Х“ и „Ф“ очень часто замѣняютъ другъ друга. Поэтому онъ и думалъ, что Хуннъ (Гуннъ) и Финнъ—одно и то-же слово. Возможности этой гипотезы содѣйствуютъ, по его мнѣнію, и историческая доказательства. Всѣ извѣстія, идущія по Черному и Каспійскому морамъ т. е. южнымъ путемъ, сообщаютъ о народѣ Гунахъ, а идущія по Балтійскому морю т. е. сѣвернымъ путемъ, о Финнахъ. Таций получилъ извѣстія черезъ Германію и потому зналъ Гунновъ. Значитъ, уже тогда этотъ народъ жилъ въ Восточной Европѣ, будучи ея первымъ насељникомъ, пока не пришли другіе народы, какъ-то Готы и Славяне. Кромѣ того, Сенъ-Мартенъ вполнѣ допускалъ тотъ взглядъ, что Гуны или Финны распространяли свое владычество гораздо далѣе на Востокъ и доходили даже до границъ Китая, подчинивъ себѣ тюркскія, монгольскія и маньчжурскія племена, которыхъ, дѣлаясь ихъ подданными, получали ихъ имя. Этимъ путемъ и древніе Тюрки получили имя Гунновъ. Изъ того, что всѣ хуннускія слова, сохраненные китайскими лѣтописями, объясняются изъ тюркскихъ языковъ, заключили, по мнѣнію Сенъ-Мартена, что и сами Хуннъ-ну были Тюрки, что въ свою очередь повело къ сомнѣнію въ тожествѣ Гунновъ или Финновъ и Хуннъ-ну. Это противорѣчіе легко устранить, если допустить, что оба имени (все равно „обязаны ли они возникновеніемъ тюркскому или финскому племени“ прибавляетъ Сенъ-Мартенъ) тожественны и относятся къ одному какому-нибудь племени, которое путемъ завоеванія распространяло свое имя на другія племена. Примѣры подобного рода распространенія имени встрѣчаются очень часто въ исторіи. Такъ, Сенъ-Мартенъ передаетъ извѣстіе юноши Феофилакта Симокатты о томъ, что Персы на-

зываютъ Турками Гунновъ, живущихъ на съверо-востокѣ отъ нихъ. Мадьяры, расположавшіеся въ IX-мъ вѣкѣ на берегахъ Дуная, назывались современными византійскими писателями Турками, а страна ихъ Турціей. Наконецъ, въ XIII-мъ вѣкѣ всѣ воины Чингизъ-хана назывались Монголами, хотя только военачальники и небольшая часть простыхъ воиновъ были монгольского происхожденія. Впрочемъ, Сенъ-Мартенъ допускалъ и другой возможный случай перенесенія этого имени. Онъ считалъ возможнымъ, что имя Хунь-ну или Гуннъ сначала носилось тюркскимъ народомъ, а позже, но все же „въ очень отдаленное время“ было перенесено на Финновъ, которые только одни и сохранили его.

Что касается до сообщенія историческихъ фактовъ, то Сенъ-Мартенъ первый указалъ на извѣстія о Гуннахъ, встрѣчающіяся у армянскихъ писателей (см. Lebeau, t. III, p. 277, n. 3). Въ нихъ сообщалось какъ царь Тиридатъ Великій велъ войны съ Гуннами (Хункъ). Царь этотъ правилъ съ 259 по 312 г. по Р. Х. *). Основываясь на этихъ армянскихъ извѣстіяхъ, равно какъ и на сообщеніяхъ Птолемея и Діонісія Церіегета, Сенъ-Мартенъ вывелъ заключеніе (Lebeau, t. IV, p. 63, note), что до начала второго вѣка по Р. Х. Гунны жили на берегахъ Каспійскаго моря, Волги, Танаиса (Дона) и даже Борисеона (Днѣпра). Считая же Гунновъ тожественными съ Финнами, онъ нашелъ упоминаніе о нихъ у Тацита. На основаніи словъ этого автора и предполагаемаго тожества онъ считалъ, что этотъ народъ жилъ между Чернымъ и Балтійскимъ морами, даже до Ледовитаго океана.

Весьма замѣчательно для того времени, по нашему мнѣнію, то, что сказалъ Сенъ-Мартенъ о переходѣ имени съ одного народа на другой (t. IV, p. 65, n. 1). „Нужно обратить вниманіе на то, что сходство между двумя древними народами, указываемое греческими и римскими писателями, не всегда служитъ доказательствомъ того, что эти два народа принадлежать къ одному и тому-же племени; это только значитъ, что они наслѣдовали другъ другу въ одной и той-же области. Поэтому-то Гунны носятъ часто имя Скиѳовъ...“ Сенъ-Мартенъ коснулся также и вопроса о монгольскомъ типѣ Гунновъ. Онъ думалъ, что все то, что передаютъ объ ихъ наружности, очень хорошо объясняется обычаями этого народа. Изъ этого можно, намъ думается, заклю-

*). Замѣтимъ, что Сенъ-Мартенъ первый указалъ на вѣроятность того, что Хіониты и Гунны одинъ и тотъ-же народъ. Лебо (t. II, p. 177) сообщилъ, что персидскій царь Шапуръ вступилъ въ 357 году въ войну съ Хіонитами и другими народами. Въ примѣчаніи Сенъ-Мартенъ выразилъ мнѣніе, что Хіониты и Гунны сдѣланы и тотъ же народъ. Поэтому г. Витерсхеймъ (Geschichte der Völkerwanderung, Leipzig, 1881, Zweiter Band, Ueber den Ursprung der Hunnen, ss. 16—17) неправъ въ томъ, что приписалъ себѣ и проф. Шотту открытие тожества Гунновъ и Хіонитовъ.

чить, что этот ученый признавалъ возможнымъ то, что сообщилъ Аполлинарій Сидоній объ искусственномъ измѣненіи Гуннами наружности. Говорилъ Сенъ-Мартенъ и о китайскихъ извѣстіяхъ о Хунъ-ну, но только мимоходомъ и при томъ основываясь на сообщеніяхъ Абель Ремюза (см. Lebeau, t. IV, p. 74, n. 2). Онъ критиковалъ также и предположенія Дегиня о татуѣ хуннускаго государя. Вотъ что сказалъ онъ по этому поводу (t. IV, p. 75, n. 1): „Национальный титулъ повелителей Хунъ-ну былъ не Тань-жу (Tan-jou), какъ писалъ Дегинь, а Чань-ю (Tchhen-ju); историкъ Гунновъ плохо прочелъ два китайскихъ инициала, образующихъ это имя. Имя Чань-ю не значить „сынъ неба“, какъ думалъ Дегинь, но этотъ титулъ, значеніе котораго неизвѣстно, прибавляли къ Тенгри-куту т. е. сыну неба. Что касается до отношенія Гунновъ и сѣверныхъ Хунъ-ну послѣ 93 г. по Р. Х., то Сенъ-Мартенъ думалъ, что „изъ разсказовъ китайскихъ историковъ видно, что остатки этого народа (т. е. сѣверныхъ Хунъ-ну) и царскаго племени (race royale) удалились къ Уральскимъ горамъ, но нельзя точно установить ихъ тожества съ Гуннами, которые позже управлялись Аттилой. Можно думать, что Финны, ими которыхъ тожественно имѣни Гунновъ, уже жили въ странахъ, гдѣ мы застаемъ ихъ теперь“. Итакъ, по мнѣнію Сенъ-Мартена, Гунны и Хунъ-ну были Финны и, вслѣдствіе этого общаго происхожденія, они тожественны.

Какъ видно изъ изложенного нами, мнѣнія Сенъ-Мартена можно раздѣлить на двѣ части: первая касается общихъ соображеній относительно происхожденія Хунъ-ну и Гунновъ, вторая—частныхъ историческихъ фактовъ и ихъ объясненій. Сообразуясь съ порядкомъ его изложенія, мы сначала представимъ критику его общихъ воззрѣній, а затѣмъ мнѣній по отдельнымъ вопросамъ.

Принимая тожество Гунновъ и Финновъ, Сенъ-Мартенъ считалъ основнымъ доказательствомъ для этого то, что всѣ народы, живущіе теперь на тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ нѣкогда жили Гунны и по преданіямъ происходящіе отъ нихъ, говорятъ на финскихъ языкахъ. Это утвержденіе не выдерживаетъ критики уже потому, что недостаточно еще жить въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ жили когда-то народъ, чтобы быть его потомками. Всѣ, входившіе въ составъ гуннского государства назывались Гуннами, но не были ими по происхожденію. Народныя преданія Мадьяръ хотя и связываются съ именемъ и исторіей Гунновъ, однако эти преданія, какъ мы уже говорили, считаются лицами весьма компетентными въ этомъ вопросѣ не отвѣчающими исторической дѣйствительности. Еще Вивьенъ-де-Сенъ Мартенъ высказался противъ отожествленія именъ Гуннъ и Финнъ. Онъ называлъ его „болѣе чѣмъ случайнымъ“. О немъ-же писали и нѣкоторые другіе ученые. Такъ, Нейманъ (цит. соч.,

стр. 15) указалъ на то, что сами Финны называютъ себя Суоми или Саме, слово-же Финнъ есть нѣмецкій переводъ этого слова, которое значить „болотный житель“. Тацить, думалъ Нейманъ, только потому и назвалъ этотъ народъ Финнами, что извѣстіе о нихъ пришло къ нему черезъ Германію. Уйфальви (цит. соч., стр. 98) и Тьерри (цит. соч., т. 2, стр. 5) тоже утверждали, что самъ народъ называетъ себя Суоми. Этого-же взгляда придерживался и Цейссъ (Zeuss) (Die Deutschen und die Nachbarstämme, 1837, с. 272, ап. 2). Насколько шатки подобнаго рода словопроизводства можно видѣть изъ того, что Венелинъ, совершенно отрицавшій тожество Гунновъ не только съ Финнами, но и съ какимъ бы то ни было изъ урало-алтайскихъ племенъ и старавшійся доказать славянство Гунновъ, находилъ сходство между словами Гуннъ и Вендъ (Древніе и нынѣшніе Болгаре, I, стр. 173). Не считая себя достаточно компетентнымъ въ вопросѣ о происхожденіи финскаго народнаго имени, я скажу только, что подобное, основанное только на созвучіи, отожествленіе совершенно не отвѣтствуетъ современнымъ требованиямъ науки. Развѣ мы примемъ мнѣніе Сень-Мартена, что Гуннъ-Финнъ, то не меньшаго довѣрія будетъ заслуживать и предположеніе Венелина, что Гуннъ-Вендъ *). Мы не можемъ также согласиться и съ тѣмъ, что сѣверныя извѣстія говорятъ о Финнахъ, а южныя о Гуннахъ. Тацить писалъ тогда, когда южнымъ путемъ не шло ровно никакихъ извѣстій о Гуннахъ. Кроме того, сѣверныя извѣстія говорятъ о нихъ: скандинавскія саги знаютъ страну Chunigard или Hunaland. Другое дѣло въ какомъ значеніи употребляли они это слово; однако оно было имъ извѣстно, и оно не замѣняли слова Chun или Hun словомъ Finn. Въ вопросѣ о возможности перенесенія имени съ одного народа на другой, Сень-Мартенъ явился послѣдователемъ Абель Ремпса. Не имѣя предвзятыхъ мнѣній относительно нашего вопроса, этотъ исследователь началъ изложеніе извѣстій о Гуннахъ съ Пто-

*) Мы однако считаемъ необходимымъ привести мнѣніе покойнаго А. А. Куника относительно происхожденія имени Финнъ (стр. 80—81 «Извѣстій Аль-Бекри и т. д.»): «Прежде предполагали, что Финны получили свое название отъ финскаго слова kaini (нисменность), но теперь это словопроизводство считается столь-же ненаучнымъ, какъ и производство названія народа Суоми (Финны, по эст. Sõõ—Финляндія) отъ слова suo (болото), тогда какъ оно происходит отъ общераспространенной формы названія племени Sam, въ которомъ «ш» не окончаніе, а входитъ въ составъ корня. Также оказывается и общераспространенное производство слова Fenni отъ древне-норманскаго fen (болото), готскаго fani (грязь, пометъ) чисто абстрактнымъ словопроизводствомъ. Но изъ какой-же грамматики въ такомъ случаѣ вычитали, что форма этого народнаго названія именно германскаго происхожденія? Специалистъ-финиологъ д-ръ Келлагренъ (Les Finnois et la race ouralo-altaïque въ Nouvelles annales des voyages. appéee 1848, т. III), утверждая, что слово Финнъ есть только нѣмецкій переводъ, приводилъ въ доказательство то, что буквы «ф» даже неѣть въ языкѣ этого народа. Въ такомъ случаѣ можно задаться вопросомъ: какъ это слово можетъ быть финскимъ разъ въ этомъ языкѣ неѣть буквы «ф»?»

лемея и Дионисия Перигета, ни слова не говоря о мнимых известиях Эратосфена. Вполне правъ быть онъ и въ приговорѣ относительно родства различныхъ народовъ, указываемаго различными писателями древняго міра. Напротивъ, трудно согласиться съ тѣмъ его мнѣніемъ, что Финны и Тюрки рѣзко отличаются физическимъ типомъ отъ Монголовъ. Что касается до его разбора мнѣнія Дегиня о титулѣ хуннускихъ государей, то необходимо указать, что никто изъ писавшихъ по этому вопросу не упомянулъ ѹбъ этомъ титулѣ въ такой формѣ. Впрочемъ, на 25-й стр. II-ой части I-го тома Дегинъ далъ другое чтеніе. Онъ сказалъ, что хуннуские государи носили титулъ „тань-жу или шань-ю (Chen-ji), который есть сокращеніе Цень-ли-ко-то-тань-жу (Tsem-li-ko-to-tan-jou) т. е. сынъ неба на языкѣ Хунь-ну“. Но тутъ же въ примѣчаніи онъ заявилъ, что въ этомъ выраженіи Цень-ли значить небо, а ко-то-тань-жу сынъ, по объясненію Ма-туань-линя, а по словамъ историка Ханьского дома цень-ли значить небо, ко-то сынъ, тань-жу высокій и плотный человѣкъ (grande et large figure?). Поэтому, Дегинъ не утверждалъ, что шань-ю значить сынъ неба, а полагалъ, что все выраженіе имѣть такое значеніе, оговариваясь въ примѣчаніи, что существуютъ другія объясненія. Признавая слова Гунть и Финть за слова тождественные, Сенъ-Мартенъ конечно долженъ быть счастъ уходъ съверныхъ Хунь-ну на Западъ, какъ вообще всѣ ихъ переселенія, неважнымъ. Въ заключеніе нашего разбора нужно сказать, что Сенъ-Мартенъ, не будучи специалистомъ по истории Средней Азіи, очень мало касался вопроса о происхожденіи Хунь-ну и вообще ихъ исторіи. Онъ въ этомъ случаѣ основывался на доводахъ предшествовавшихъ ему изслѣдователей. Болѣе занялся онъ вопросомъ о происхожденіи Гунновъ; по этому вопросу онъ сообщилъ нѣсколько новыхъ данныхъ (напр. армянскіе источники).

Пополненіе теоріи финнизма доводами въ пользу финскаго происхожденія Хунь-ну принадлежитъ Вивьенъ-де-Сенъ-Мартену. Этотъ изслѣдователь специально занимался исторической этнографіей, этнологіей и географіей. Въ издаваемомъ имъ журналь „Nouvelles annales des voyages et des sciences g ographiques“ онъ напечаталъ рядъ статей подъ заглавіемъ „Etudes ethnographiques et historiques sur les peuples nomades, qui se sont succ d  au nord du Caucase dans les dix premiers si cles de notre  re“. Одна изъ этихъ статей посвящена вопросу о Гуннахъ (онъ назвалъ ихъ уральскими, какъ бы въ отличіе отъ Эфталитовъ, о которыхъ онъ написалъ особую статью въ этихъ-же этюдахъ). Статья эта напечатана въ четвертомъ томѣ журнала за 1848 г. (Декабрь, стр. 257—306).

Въ этомъ рядѣ статей предшествовавшая разбираемой нами была посвящена Аланамъ. Поэтому Вивьенъ-де-Сенъ-Мартенъ, въ началѣ статьи,

указать на отличие Гунновъ отъ этого народа. Признавая, что Аланы и обычаями, и религиознымъ культомъ, и физическимъ типомъ были вполнѣ сходны съ предшествовавшими имъ сарматскими и готскими племенами, онъ замѣтилъ, что Гунны уже совершенно не походили на нихъ. Наружность ихъ, описанная Амміаномъ Марцеліномъ и Іорданомъ дала поводъ, по его мнѣнію, весьма основательный, думать, что Гунны были Монголы. Однако, серьезныя препятствія для сближенія Гунновъ съ Монголами представили доводы Клапрота, который, основываясь на китайскихъ лѣтописяхъ, высказалъ мнѣніе, что Монголы въ эпоху вторженія Гунновъ жили еще далеко на Востокѣ, въ восточной Сибири, къ сѣверу отъ теперешней Монголіи и что громадный пространства между землею ихъ и Гунновъ были населены народами тюркскими и готскими. Это, по мнѣнію Вивьенъ-де-Сенъ-Мартена, предста- вляетъ большое затрудненіе для отождествленія Гунновъ и Монголовъ. Кроме этого, ванъ изслѣдователь считалъ очень важнымъ и то, что Сенъ-Мартенъ, одинъ изъ лучшихъ, по его мнѣнію, знатоковъ этнографическихъ вопросовъ востоковѣдѣнія, отличалъ Гунновъ отъ Монголовъ. Возврѣніе этого ученаго онъ считалъ настолько важнымъ, что привелъ буквально то мѣсто изъ замѣчаній Сенъ-Мартена, гдѣ изслѣдователь говорилъ объ исторіи нашего во- проса и прохожденіи Гунновъ. Въ подтвержденіе дѣйствительности фин- низма Гунновъ, Вивьенъ-де-Сенъ-Мартенъ указалъ на то, что и Клапротъ, и Мюллеръ (Der Ugrische Volksstamm) признавали за Гуннами финское происхожденіе. Это тожество, по его мнѣнію, одинъ изъ основныхъ фактовъ этиографіи Азіи. Относительно наружности Гунновъ онъ принялъ взглядъ Клапрота и утверждалъ, что восточные Финны и Монголы весьма сходны между собою. Однако вмѣстѣ съ Дегиномъ и Сенъ-Мартеномъ, онъ считалъ вполнѣ возможнымъ отождествлять Хунъ-ну и Гунновъ, вопреки доводамъ Клапрота. Извѣстія о нихъ можно, по его словамъ, прослѣдить до глубокой древности. Всѣ ихъ имена онъ считалъ несомнѣнными передѣлками собствен- наго имени народа. При этомъ овъ указалъ на аналогичные факты у дру- гихъ народовъ. Германцы, напр., передѣлали имя тѣхъ-же Гунновъ въ *hund*. Слово-же Хунъ есть финское и встрѣчается въ этомъ языке въ формѣ *хумъ*, что значитъ человѣкъ. Что касается до тожества Хунъ-ну и Гунновъ, то онъ, помимо историческихъ извѣстій, указалъ на сходство имёнъ. Онъ думалъ, что причина, побудившая Клапрота отказаться отъ отождествленія Гунновъ и Хунъ-ну, легко устранима. „Это затрудненіе исчезнетъ“, гово- рить онъ: „если признать, что первобытные Тюрки и Уральские Финны суть двѣ вѣтви одного ствола, первоначально бывшаго единимъ“. Относительно титула шань-юй онъ высказалъ довольно своеобразное мнѣніе, именно, что оно могло быть „транскрипціей монгольского слова нойанъ, которые значить

государь или вождь". При изложении истории Хунь-ну онъ считалъ време-
немъ главного ихъ переселенія конецъ I-го вѣка по Р. Х. Причину мон-
гольского типа Гунновъ онъ видѣлъ въ томъ, что часть ихъ смѣшалась съ
Сань-би, монгольскимъ племенемъ. Усиленіе монгольскихъ же племенъ То-ба
и Жуань-Жуань въ IV-мъ вѣкѣ было причиной движенія на Западъ этихъ
омонголившихся Хунь-ну. Эти новые пришельцы и придали монгольскому виду
Гуннамъ. Извѣстія Штолемея, Діонисія Періегета и Моисея Хоренскаго онъ
относилъ не къ тѣмъ Гуннамъ, которые вторглись въ Европу въ IV-мъ вѣкѣ,
а только къ отдельнымъ ордамъ ихъ. Особенно же настаивалъ Вивьенъ-де-
Сенъ-Мартенъ на томъ, что „калмыцкій типъ былъ данъ восточнымъ Хунь-ну
смѣсью ихъ съ монгольскимъ народомъ Сань-би послѣ разрушенія имперіи
Хунь-ну въ 93 г. Мы настаиваемъ на этомъ различіи, потому что оно ка-
жется намъ основнымъ". Что некоторые византійские писатели (напр., Фео-
фанъ въ IX-мъ вѣкѣ) называютъ Гунновъ Турками, означаетъ только то,
что эти писатели привыкли называть всѣ народы, приходившіе изъ странъ
лежащихъ къ сѣверу отъ Чернаго моря, Турками, какъ раньше они всѣмъ
имъ давали имя Гунновъ или Скияовъ. Наконецъ, что Ту-гю или Тюрки
произошли, по китайскимъ извѣстіямъ, отъ Хунь-ну, онъ приписывалъ общему
происхожденію Финновъ и Тюрковъ. Таковы вкратцѣ возврѣнія этого изслѣ-
дователя.

Мнѣніе Вивьенъ-де-Сенъ-Мартена относительно физического типа Гун-
новъ, хотя онъ собственно только повторилъ высказанное Клапротомъ, го-
раздо удачнѣе, чѣмъ Сенъ-Мартена. Изъ его словъ относительно древнихъ
Хунь-ну явствуетъ, по нашему мнѣнію, то, что онъ считалъ ихъ за нераз-
дѣлившихся еще Тюрковъ и Финновъ. Предположеніе это ничѣмъ не дока-
зано и не является вѣроятнымъ вслѣдствіе характера историческихъ извѣ-
стій объ этомъ народѣ. Совершенно непонятнымъ является для насъ объясне-
ніе этимъ изслѣдователемъ имени шань-юй. Какимъ образомъ оно могло быть
монгольскимъ, если самъ Вивьенъ-де-Сенъ-Мартенъ выразилъ мнѣніе, что
монгольский элементъ не входилъ въ первоначальный составъ Хунь-ну (не-
говоря уже о сопоставленіи неимѣющихъ ничего общаго между собою словъ
пойнинъ и шань-юй)? Вполнѣ своеобразно мнѣніе этого изслѣдователя по поводу
монгольского типа Гунновъ. Прежде всего нужно сказать, что позднѣйшія
(послѣ конца первого вѣка по Р. Х.) движенія могли быть, такъ какъ на-
родные переселенія, и во второмъ и въ третьемъ вѣкахъ и позже, часто
происходили въ Средней Азіи, но несомнѣнныхъ фактовъ не существуетъ.
Сань-би, по мнѣнію большинства ученыхъ, принадлежали не къ монгольской,
а къ тунгусской или корейской группамъ *). Поэтому, если и было высе-

*). См. Клапрота «Tableaux historiques», р. 93; Григорьева «Объ отношеніяхъ между

ление, то оно не могло внести новые, монгольские элементы; потому-же этот вопрос не может считаться „основным“.

Мнѣйший двухъ вышеназванныхъ ученыхъ придерживался и русскій изслѣдователь П. П. Семеновъ. Онъ, какъ и Вивьенъ-де-Сентъ-Мартенъ, специально занялся вопросомъ о происхожденіи Хунъ-ну. Замѣчанія его по этому поводу находятся въ приложении къ I-му тому „Землевѣдѣнія Азіи“ Риттера (Спб. 1850 г.) на стр. 630—637. При разборѣ теоріи Клапрота, мы уже говорили, что ее до насъ разбиралъ П. П. Семеновъ, который подраздѣлилъ ее на три части и, соглашаясь съ финнізмомъ Гунновъ и турчизмомъ Ту-ю, отрицалъ тожество Хунъ-ну и Ту-ю. Указавъ на поразительное сходство именъ Хунъ-ну и Хуннъ, онъ привелъ китайскія извѣстія о томъ, что этотъ народъ пришелъ съ Алтая. Оттуда-же пришли и Гунны. Слѣдовательно, существуетъ не только общность имени, но и иѣстопребыванія. Происхожденіе Ту-ю (или, какъ онъ говоритъ, Ту-кю) отъ Хунъ-ну ровно ничего не доказываетъ. Хунъ-ну были пришельцами въ земляхъ къ сѣверу отъ Китая, туземцами-же тамъ были тюркскія племена, которыхъ, будучи покорены Хунъ-ну, принали ихъ имя. Что касается до хуннускихъ словъ, сообщаемыхъ китайскими лѣтописами, то одно изъ нихъ цианъ (или кианъ), которое значитъ небо, П. П. Семеновъ считалъ возможнымъ сблизить съ лат. *coelum*, греч. *хойлон*, франц. *ciel*, итальян. *cielo*, латыш. *zeltees*, т. е. онъ думалъ, что это слово индо-европейскаго языка и поэтому принадлежало одному изъ покоренныхъ Хунъ-ну народовъ. Среди этихъ подданныхъ находились въ большомъ количествѣ тюрки, изъ которыхъ впослѣдствіи вышли Ту-ю. „Шань-юй“, говорить онъ далѣе: „иначе Тань-ли-куту, что значило сынъ неба, былъ титулъ хуннскихъ царей“. Не допуская, чтобы одно понятіе выражалось на одномъ и томъ-же языке двумя словами, этотъ изслѣдователь полагаетъ, что шань-юй значило на настоящемъ хуннскомъ языке „сынъ неба“, а тань-ли-куту быть переводъ этого слова на языки подвластныхъ народовъ. Слово тангри значить по тюркски небо, слова-же куту быть въ языкахъ тирескихъ и монгольскихъ народовъ. По маньчжурски „гуту“ значить сынъ. Другими словами, какъ-то: лу-ли, ту-ки, той-ло онъ не находилъ аналоговъ въ тирескихъ языкахъ *). Итакъ, по возврѣнію

кочевыми народами и осѣдлыми государствами въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1875 года. Мартъ, стр. 11; П. П. Семенова у Риттера „Землевѣдѣніе Азіи“, т. I (Спб. 1850 года), стр. 401.

*) П. П. Семеновъ приводилъ и объяснялъ упомянутыя въ китайскихъ лѣтописяхъ хуннускія слова по статьѣ синолога, проф. Шотта (*Ueber das Altaische oder Finnisch-Tatarische Sprachengeschlechte, Abhandlungen Berl. Academie, 1847*). Этотъ ученый сближалъ вышеупомянутое Лу-ли съ тюркскимъ *il*; съ этимъ-же словомъ сближалъ онъ и слово *U-ли*. *Tu-ngu-sse* можетъ быть тожественно, по его мнѣнію, съ тюркскимъ словомъ тунгузъ. Вообще проф. Шоттъ никакъ не можетъ считаться сторонникомъ финнізма Хунъ-ну, такъ

П. П. Семенова, Гунны и Хунь-ну тожественны и принадлежать къ финскому племени.

Приступая къ разбору мнѣйшаго этого изслѣдователя, укажемъ на сопоставленіе общей родины и сходства имени для отожествленія. Изслѣдованіе географического положенія дѣйствительно очень важно для правильнаго сужденія объ этомъ вопросѣ. Тѣмъ болѣе страннымъ кажется то обстоятельство, что остальные изслѣдователи совершенно не обратили вниманія на общую родину того и другого народа *). Хунь-ну были, по мнѣнію П. П. Семенова, пришельцами въ Инь-шанѣ; однако, они пришли туда „послѣ послѣдняго великаго потопа“, какъ сказано у Риттера на 622 стр., на которую ссылается нашъ изслѣдователь. Насколько можемъ мы судить по древнѣйшимъ извѣстіямъ объ этомъ народѣ въ китайскихъ лѣтописяхъ, Хунь-ну съ глубочайшей древности жили въ этихъ мѣстахъ. Мы держимся того взгляда, что до нась не дошло ни одного точнаго извѣстія о приходѣ Хунь-ну въ ту страну, гдѣ застаютъ ихъ китайскія лѣтописи. Что касается того объясненія, что слово шань-юй есть переводъ на настоящій хуннускій языкъ слова, принадлежащаго языку подчиненнаго тюрскаго народа, то это объясненіе совершенно не удовлетворяетъ нась. Дегинъ (т. I, р. II, р. 25) уже приводилъ объясненіе историка Ханьской династіи, что шань-юй или тань-жу значить „grande et large figure“. О. Іакинѣвъ въ „Собраніи сѣдѣній“ въ примѣчаніи на стр. 10-й I-й части I-го тома, говоритъ: „Въ Хань-шу-и-и (т. е. въ томъ-же сочиненіи, про которое говорилъ Дегинъ) сказано: шань-юй значить величайшій, на кит. Сянъ-тиханъ“ и на стр. 110: „Въ исторіи старшой династіи Хань сказано: шаньюй значить величайшій, т. е. въ великолѣпіи подобный небу“. Этотъ-же ученый далѣе указалъ на то, что древніе шаньюй и болѣе новое хань-два слова по смыслу совершенно тожественны (см. тамъ-же, т. I, ч. II, стр. 267). Наконецъ, г. Каѣнъ сообщилъ слѣдующее (прим. на стр. 88 цитов. соч.): „Шань-юй не понятно, но переводъ этого слова можно восстановить. Китайскія лѣтописи го-

какъ онъ, хотя и не считалъ возможнымъ точно выяснить племенную принадлежность Хунь-ну, однако думалъ, что они были «восточно-алтайскаго или татарскаго происхождѣнія». Слѣдовательно, онъ считалъ ихъ или Тюрками, или Монголами, или Тунгусами (см. ss. 290—291).

*) Особенно долженъ относиться этотъ упрекъ къ Клапроту, который издалъ даже атласъ. Въ этомъ атласѣ съ первой до седьмой карты указано, что по восточную сторону Алтая жили тюрки Хань-юнь и Хунь-ну, а по западную—народы гунскіе и восточно-финскіе. На седьмой картѣ (116 г. по Р. Х.) на Алтай и къ востоку отъ него указаны остатки сѣверныхъ Хунь-ну, къ западу отъ этихъ горъ, въ теперешнихъ киргизскихъ степахъ до Урала, расположены «Хунь-ну, изгнанные на Западъ», а на Уралѣ, рѣзко отдѣленные отъ этихъ Хунь-ну, живутъ «гунскіе или восточно-финскіе» народы. Это сосѣдство продолжается и на картахъ восьмой, девятой и десятой (съ девятой Хунь-ну называются уже Юе-бо).

ворять при 552 г.—Тумынь (вождь Ту-го или Тюрковъ) принялъ титулъ И-ли-ханъ, слово, имѣющее тотъ-же смыслъ, что нѣкогда шань-юй. И-ли по тюркски въ IV-мъ вѣкѣ значило—знатенитый, блестящій, чѣмъ объясняется блестящее лицо, которое китайцы приписывали шань-юю". Такимъ образомъ, выясняется, что шань-юй и тань-ли-ко-то слова, совершенно различны.

Къ этой-же теоріи должны мы отнести и финнолога г. Уйфальви-де-Мезо-Ковешдъ. Онъ коснулся этого вопроса въ „Migrations des peuples et particulièrement celles des Tougraniens“ (Paris, 1873). По его мнѣнію Гуны, принадлежащіе къ финскому племени, одно время владычествовали въ странахъ къ сѣверо-востоку отъ Китая. Онъ считаетъ вполнѣ допустимымъ мнѣніе Тьери, что они очень смѣшались съ Монголами. Вслѣдствіе переворотовъ въ Средней Азіи, они были отброшены въ Европу и тутъ смѣшались съ разными другими народами, какъ то славянскими, готскими и др. (см. р.р. 80—85 и 126—127). Хотя этотъ ученый и стоитъ въ своихъ воззрѣніяхъ довольно близко къ мнѣніямъ Тьери, однако онъ долженъ быть отнесенъ къ теоріи финнизма, потому что признаетъ Гуновъ Финнами, хотя и смѣшанными съ Монголами. Любопытно, что г. Уйфальви, финнологъ и природный венгерецъ называлъ мнѣніе Клапрота относительно тожества Гуновъ и Мадьяръ „опирающимся на отдѣльныхъ и смѣлыхъ этимологіяхъ“.

Къ этой-же теоріи долженъ быть скорѣе всего отнесенъ и бар. П. К. Усларъ, который мимоходомъ высказался по нашему вопросу въ „Древнійшихъ извѣстіяхъ о Кавказѣ“ (записки Кавказскаго Отд. Геогр. Общ., XII, Тифлисъ, 1881; помѣщено также въ „Собраніи свѣдѣній о Кавказскихъ горахъ“, X). Считая Гуновъ Финнами (стр. 161), онъ называлъ Хунъ-ну смѣсью „нѣсколькихъ кочевыхъ племенъ тюрко-финского происхожденія“ (стр. 164—165).

Въ заключеніе разбора мнѣній представителей третьей теоріи, мы должны сказать, что ее, по справедливости, можно назвать теоріей „примиренія“. Одной-же изъ главныхъ ея заслугъ явилось указаніе на тожество Хунъ-ну и Гуновъ и стараніе доказать это.

V.

Теоріи относительно отдѣльныхъ частей вопроса.—Теорія славянства Гуновъ (Венелинъ, Вельтманъ, Забѣлинъ, Иловайскій, В. Флоринскій).—Теорія турчизма Гуновъ (Цейссъ, Куникъ, Ф. Мюллеръ, Томашекъ, Соколовъ, Ф. Коршъ, В. Миллеръ, Васильевскій, Виторсхаймъ, Вамбери, Радловъ, Аристовъ).—Новѣйшія изслѣдованія проф. Хирта.

Приведенные и разобранные нами въ предыдущихъ главахъ теоріи касались гунскаго вопроса въ широкомъ смыслѣ, т. е. рассматривали всѣ три

части, на которых она распадается. Въ настоящей главѣ мы дадимъ краткій обзоръ теорій и исследованій, посвященныхъ отдельнымъ частямъ этого вопроса.

Европейскіе Гуны обращали на себя до сихъ поръ большее вниманіе, чѣмъ родственные имъ китайскіе Хунъ-ну. Это объясняется конечно тѣмъ, что исторія Европы разработана лучше, чѣмъ исторія сѣверо-восточной Азіи. Относительно европейскихъ Гунновъ возникли почти одновременно двѣ теоріи: славянства и турчизма.

Создателемъ теоріи славянства этого народа можно назвать Венелина („Древніе и нынѣшніе Болгары“, т. I, 1829). Главныя доказательства этого ученаго основывались на томъ, что гунскія имена сходны со славянскими (стр. 94). Карапонъ (Карахон) сходно съ именемъ болгарскаго царя Карадама (Болгари были, по его мнѣнію, чистые славяне), Валамберъ-Владимѣръ, Аттила-Тиранъ (болгарскій царь), Бледа-Владъ и т. д. Отожествленіе Хунъ-ну и Гунновъ онъ считалъ ошибкой. Хунъ-ну были, думалъ онъ, монголы, которые вочуяютъ теперь, какъ и во времена древности, на сѣверныхъ границахъ Китая (стр. 157 — 158). Изъ сочиненій оріенталистовъ онъ ознакомился видимо только съ „Записками о Монголіи“ о. Іакинеа, при чёмъ однако, упустивъ изъ вида замѣчаніе, что имя Хунъ-ну было лишь транскрипціей туземнаго имени на китайскій языкъ, возвращалъ противъ прописываемаго имъ этому синологу мнѣнія, что монголы называли себя китайскимъ браннымъ именемъ (стр. 160 и далѣе). Онъ доказывалъ, что по гречески Гуны всегда назывались Ούννοι, Ούνναι, Венины и только уже въ латинскомъ языкѣ появилась форма Hunni, отсюда и имя Гунны. Имя Гунъ или Венъ (что по его мнѣнію одно и тоже) Венелинъ сближалъ съ именемъ Вендръ и признавалъ такимъ образомъ Гунновъ тожественными Славянамъ.

Еще дальше въ такъ называемыхъ „дикихъ“ этимологіяхъ, пошелъ послѣдователь Венелина въ теоріи славянства Гунновъ Вельтманъ. Онъ отожествилъ въ сочиненіи „Аттила и Русь въ IV—V вѣкахъ“ (Москва, 1858) имя Hunni черезъ Kwâne съ Кыяне т. е. Киевлянами, назвалъ Аттилу „всѧ Руси самодержцемъ“ и т. д. Даже сторонникъ славянства Гунновъ Д. И. Иловайскій называлъ это сочиненіе „мистическимъ сумбуромъ“.

Въ пользу этой теоріи высказался и И. Е. Забѣлинъ на стр. 218—360 первой части „Исторіи русской жизни“ (Москва, 1876). Считая сдѣланное Дегинемъ отожествленіе Хунъ-ну и Гунновъ основаннымъ лишь на сходствѣ именъ, онъ указываетъ на противорѣчіе этому свидѣтельствѣ исторіи и географіи. По мнѣнію этого ученаго, „надо только удивляться какимъ образомъ несообразная догадка Дегина утвердилась въ наукѣ, какъ непреложная истинѣ. Съ его легкой руки всѣ стали твердить что Уны были истинные Калмыки и всѣ старались при всякомъ случаѣ только доказывать и распространять это

поверхностное заключение. Затѣмъ Клапротъ доказалъ, а Шафарикъ подтвердилъ, что Унны были Уральского происхождения, родственники Башкировъ и предки Венгровъ. Теперь этой новой истинѣ уже никто не противорѣчить". (331—332). Переходя къ разбору источниковъ, И. Е. Забѣлинъ считаетъ портретъ Гунновъ, описанный Амміаномъ Марцеліномъ, продуктомъ воображения, возникшимъ изъ сказаний о бытѣ кочевыхъ народовъ. Гунны пришли не съ Востока т. е. не изъ за Волги, а отъ Медовитаго моря. Лежащими за Меотійскими болотами назывались страны не къ Востоку, а къ Сѣверу отъ нихъ. Уннами, по его мнѣнію, стала называться дружина сѣверныхъ славянскихъ племенъ, призванная южными на помощь противъ Готовъ. Таковы въ краткихъ словахъ мнѣнія этого ученаго.

Самымъ убѣжденнымъ сторонникомъ теоріи славянства Гунновъ является безспорно Д. И. Иловайскій. Какъ известно, этотъ ученый одинъ изъ наиболѣе обжесточенныхъ противниковъ норманизма Руси. Отъ славянства Руси онъ перешелъ къ славянству Болгаръ, а отъ этого къ славянству и Гунновъ. Его доказательства и вображенія на нихъ составляютъ несомнѣнно своеобразное явленіе въ исторіи нашего вопроса. Напечатавъ въ майской книжкѣ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1881 г. статью подъ заглавіемъ „Вопросъ о народности Руссовъ, Болгаръ и Гунновъ“, Д. И. Иловайскій повторилъ въ сентябрѣ 1881 г. на 7-мъ археологическомъ съездѣ въ Тифлисѣ тѣ выводы, къ которымъ онъ пришелъ въ этой статьѣ (см. Труды 7-го Археологического съезда въ Россія, изд. подъ редакціей гр. Уваровой, Москва, 1887, стр. LIX—LXIII). Уже здѣсь мнѣнія раздѣлились: часть приняла возврѣнія докладчика (Н. И. Костомаровъ, проф. Иконниковъ), часть высказалась противъ нихъ (Загурскій, Гаркави, проф. Анучинъ). 31-го декабря 1881 г. въ этнографическомъ отдѣлѣ Московскаго Общества Любителей Естествознанія состоялся предложенный Д. И. Ильвайскимъ диспутъ по вопросу о народности Гунновъ, а въ 1882 г. этотъ же изслѣдователь напечаталъ статью „Пересмотръ вопроса о Гуннахъ“ (Русская Старила, 1882, февраль) и второе изданіе „Разысканій о началѣ Руси“, къ которому приложилъ и изслѣдованіе по вопросу о Гуннахъ. Выводы этого изслѣдователя сводятся къ слѣдующемъ. Теорія туранства *) Гунновъ основывается, по его мнѣнію, только на описаніи ихъ наружности и образа жизни Амміаномъ Марцеліномъ и Горнандомъ. Описанію первого нельзѧ придавать значенія потому, что онъ никогда въ своей жизни не видѣлъ Гунновъ, а писалъ съ чужихъ словъ,

*) Д. И. Иловайскій предпочитаетъ терминъ «туранскій» термину «урало-алтайскій», потому что онъ распространяется яко-бы и на монгольские народы, на которые терминъ «урало-алтайскій» не распространяется (см. Русская Старила, 1882, декабрь, стр. 609)—это конечно совершенно не вѣрно и противорѣчить современной этнографической классификациіи.

описаніе-же Іорнанда „плодъ тенденціозно настроеннаго воображенія“. Кроме того, въ оставленныхъ описаніяхъ наружности Гунновъ не видно чертъ, свойственныхъ монгольскому племени. Гунскія слова, дошедшия до насъ—славянскаго происхожденія: медось—медъ, камось—квасъ, страва-тризна. На Хупъ-ну Д. И. Иловайскій не счелъ нужнымъ обратить вниманіе. Мимоходомъ говорить онъ, что Гунновъ старались связать „съ монгольскимъ народомъ Хюнгі“ и заставили этихъ послѣднихъ переселиться въ IV-мъ вѣкѣ на Западъ. Все это Д. И. Иловайскій считалъ не основаннымъ на положительныхъ свидѣтельствахъ источниковъ.

Эта славянская теорія прежде всего встрѣтила много возраженій въ этнографическомъ отдѣлѣ Московскаго общества Любителей Естествознанія (см. труды этого отдѣла за 1886 г. VII). Сначала возражалъ проф. Н. А. Поповъ, который, какъ историкъ, особенно возставалъ противъ мнѣнія Д. И. Иловайскаго, что Славяне не извѣстны исторіи до Гунновъ, тогда какъ Аланы и Венды были безъ сомнѣнія Славяне. Далѣе выступили противъ этой теоріи проф. В. Ф. Миллеръ, приведшій возраженія съ точки зренія лингвистики и этнографіи. Сопоставленіе словъ камъ и квасъ онъ считалъ безусловно произвольнымъ; при томъ слова камъ и медъ принадлежали по его мнѣнію языку деревенского населения Панноніи, которое не было гунскаго происхожденія; собственныя имена—не славянскія (о томъ къ какому языку нужно отнести ихъ, по мнѣнію В. Ф. Миллера, мы скажемъ дальше); между Славянами и Гуннами существенное различіе и въ наружности (Славяне блокуры и высоки ростомъ, Гуны—черноволосы и маленькаго роста), и въ бытѣ (Славяне—осѣдлые, Гуны—кочевники). Затѣмъ говорили противъ этой теоріи проф. Ф. Е. Коршъ (по поводу различія физического и лингвистического), и проф. Д. Н. Анучинъ (съ точки зренія антрополога). Впрочемъ все эти ученые высказались устно и объ ихъ возрѣніяхъ можно судить только по протоколамъ засѣданій вышеупомянутаго отдѣла. Въ печати выступили противъ теоріи Д. И. Иловайскаго проф. В. Г. Васильевскій въ статьѣ „о мнимомъ славянствѣ Гунновъ, Болгаръ и Роксоланъ“ (Жур. Мин. Нар. Просв., 1882 г., іюль). Онъ указалъ на то, что древніе писатели, какъ-то Іорданъ, Прокопій, Маврикій отличаютъ Гунновъ отъ Славянъ (стр. 145); по даннымъ языка, Славяне еще до раздѣленія индо-европейцевъ были земледѣльцами, а не кочевниками, какъ Гуны (146—149); камъ не квасъ, а особый паннонскій напитокъ, издавна извѣстный греческимъ писателямъ (150—151). Общій выводъ этого ученаго тотъ, что если и можно спорить о томъ, къ какой группѣ урало-алтайскихъ народовъ принадлежали Гуны: финно-угорской, турецко-татарской или монгольской, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно неславянское происхожденіе ихъ. Доводы Д. И. Иловайскаго встрѣ-

тили опровержение и со стороны ориенталистовъ. Проф. Н. И. Веселовскій въ статьѣ „Нѣсколько новыхъ соображеній по поводу пересмотра вопроса о Гуннахъ“ (Жур. Мин. Нар. Просв., 1882, сентябрь) указалъ на необходимость обратиться къ восточнымъ источникамъ. Д. И. Иловайскій въ статьѣ „Поборники норманизма и туранизма“ (Русская Старина, 1882, декабрь) высказался по поводу вышеупомянутыхъ критическихъ статей. В. Г. Васильевскій написалъ по этому поводу „Еще разъ о мнѣніи славянѣвъ Гунновъ“ (Жур. Мин. Нар. Просв. 1883, апрѣль). Эти чисто полемическія статьи хотя несомнѣнно выясняютъ степень подготовки каждой изъ спорящихъ сторонъ къ занятіямъ историко-этнографическими вопросами вообще и вопросомъ о Гуннахъ въ частности, не даютъ какихъ либо новыхъ фактъ. Отмѣтимъ только мнѣнія, высказанныя по поводу Гунновъ, упомянутыхъ у Птолемея. Д. И. Иловайскій, настойчиво отрицавшій азіатское происхожденіе Гунновъ, видѣлъ противорѣчіе этому въ упоминаніи о нихъ еще во II-мъ вѣкѣ, тогда какъ Гунны пришли, какъ думаютъ, въ Европу въ IV-мъ. В. Г. Васильевскій возражалъ, что этотъ фактъ равно какъ и упоминаніе о Гуннахъ у Плінія Старшаго, въ клинообразныхъ надписахъ (какъ мы уже видѣли въ клинообразной надписи вмѣсто Хуна надо читать Яуна) и т. д., есть фактъ единичный и сближеніе Гунновъ Птолемея съ Гуннами Марцеллина безплодно, если нельзя заполнить хронологический, географический и филологический промежутокъ между этими двумя народами. Замѣтимъ, что подобное-же отрицательное отношеніе къ Гуннамъ Птолемея было высказано и Цейссомъ въ „Die Deutschen und die Nachbarstämme“ (München. 1837, s. 727, b. 1). Кромѣ того, упоминаніе о Гуннахъ во II-мъ вѣкѣ по Р. Х. не противорѣчить ихъ азіатскому происхожденію и тожеству съ Хуннами уже потому, что эти послѣдніе совершили два известныхъ китайцамъ движенія на Западъ: въ половинѣ I-го в. до Р. Х. и въ концѣ I-го в. по Р. Х. Откочевавшая въ половинѣ I-го в. до Р. Х. часть могла быть уже известна Птолемею.

Наконецъ, послѣднимъ представителемъ теоріи славянства мы должны назвать В. М. Флоринскаго (Первобытные Славяне по памятникамъ ихъ доисторической жизни въ Изв. Томскаго Унив. книга VII, 1895). Взгляды этого изслѣдователя на гунскій вопросъ сходятся преимущественно со взглядами И. Е. Забѣлина (см. стр. 53—54 и 350—354 его сочиненія). По его мнѣнію, перевороты въ Европѣ „сдѣлали не тѣ полудикие, бездомные зауральские выходцы, какіе описываются подъ именемъ Гунновъ въ извѣстіяхъ Йордана и Амміана Марцеллина“. Имя Гуннъ онъ склоненъ производить отъ слова гунавый. Онъ вполнѣ соглашается съ объясненіями гунскихъ именъ, предложенными Венелинымъ, Забѣлинымъ, Иловайскимъ. Вопросъ, по его мнѣнію,

не въ имени Гунновъ, а въ силѣ, которой Славяне отгѣсили Готовъ, сплотившись въ одно политическое тѣло, а сплачивающимъ элементомъ не могла быть финская или монголо-татарская орда.

Такова въ общихъ чертахъ эта теорія славянства Гунновъ, встрѣченная цѣлымъ рядомъ существенныхъ возраженій со стороны ученыхъ самыхъ различныхъ специальностей. Мы, со своей стороны, разсматривая вопросъ о Гуннахъ въ широкомъ смыслѣ, должны указать на тотъ наиболѣе существенный недостатокъ представителей этой теоріи, что они совершенно не считались съ исторіей Востока. Голосомъ обвиняя Дегина въ произвольномъ отожествлении Гунновъ съ Хунъ-ну, ученые сторонники этой теоріи совершенно игнорируютъ исторические факты, касающіеся переселеній Хунъ-ну на западъ *). Высказывая сужденія крайне категорично, придавая своимъ взглядамъ видъ неопровергаемыхъ истинъ, призываю даже къ суду грядущее поколѣніе—сторонники этой теоріи не обратили вниманія на необходимыя условія при изслѣдованіи научного вопроса, именно на тщательное знакомство съ литературой предмета **).

Почти одновременно съ теоріей славянства Гунновъ возникла и теорія турчизма этого народа. Первымъ предложилъ ее еще Цейссъ (Zeuss, *Die Deutschen und die Nachbarstämme*, München, 1837). Статью, озаглавленную Ниппі, онъ посвятилъ исключительно исторіи этого народа (ss. 706—710), тогда какъ о происхожденіи ихъ говорилъ въ статьѣ, посвященной Булгарамъ (ss. 710—727). Въ этомъ посвѣднѣи народа онъ призналъ ушедшихъ на Востокъ Гунновъ. На Волгѣ, гдѣ удержались остатки Булгаръ, можно ожидать въ ту эпоху только либо Финновъ, либо Тюрковъ; такъ какъ Финны раньше (ss. 272—275) признаны имъ исключительно лѣснымъ народомъ, занимающимся охотой и рыболовствомъ, то Булгары и ихъ предки Гунны, народы кочевые, степные и конные должны быть отнесены къ Тюркамъ. По его мнѣнію, Гунны были первые Тюрки, пришедшие изъ сѣверо-западной Азіи и пробившіе путь въ степную полосу Европы. Отожествленіе Гунновъ съ Хунъ-ну приято имъ.

Настойчиво придерживался теоріи турчизма Гунновъ и лучшій знатокъ исторической этнографіи Россіи А. А. Куникъ. Изъ его статей по этому во-

*) Замѣчательно, что Фейеръ (Féjer, *Aborigenes et incunabula Magyorum*), тщательно собравшій извѣстія о Гуннахъ у древнихъ писателей, совершенно упустилъ изъ вида китайскія извѣстія о Хунъ-ну. Къ заслугѣ этого изслѣдователя надо отнести то, что онъ съ большімъ терпѣніемъ привелъ имена авторовъ и мѣста въ ихъ сочиненіяхъ, где встрѣчается какая-нибудь изъ формъ имени Гунновъ. (см. стр. 44—46 его сочиненія).

**) Къ изданію 1882 г. «Разысканій о началѣ Руси» Д. И. Иловайскій приложилъ, какъ мы уже говорили, изслѣдованіе о Гуннахъ и отчетъ о диспутѣ съ возраженіями оппонентамъ. Онъ самъ признается тутъ въ незнакомствѣ съ литературой—онъ говоритъ, что «услыхалъ съ удивленіемъ» о существованіи обширной литературы о гуннахъ. Ему, по собственнымъ словамъ, были лишь извѣстны два сочиненія: Ам. Тьерри и Бера.

просу мы прежде всего должны назвать „О тюркскихъ Печенѣгахъ и Половцахъ по мадьярскимъ источникамъ“ (помѣщена въ Запискахъ Академіи Наукъ за 1855, т. III). Онъ съ полнымъ убѣжденіемъ высказалъ здѣсь, что „туркскій элементъ совершенно ясно выступаетъ (въ южной Руси) лишь со временемъ гунскаго нашествія, когда Алтай, это первоначальное гнѣздо тюркскихъ племенъ, сталъ высыпать орду за ордой въ западную Азію и Черноморье“ (715). На этомъ основаніи онъ и призналъ нашествіе Гунновъ основнымъ пунктомъ въ исторіи тюркскихъ народовъ. Среди гунскаго войска находились, по его мнѣнію, многіе изъ тѣхъ тюркскихъ народовъ, которые позже другъ за другомъ явились въ исторіи южной Руси. Считая Гунновъ совершенно неспособными соединяться въ государства, онъ даже полагалъ, что первобытные Магары (Мадьяры) были Тюрки, обратившіе своихъ подданныхъ Гунновъ въ конный народъ и съ теченіемъ времени замѣнившіе свой языкъ языкомъ многочисленныхъ подданныхъ (какъ примеръ возможности подобной замѣны онъ привелъ Франковъ въ Галліи). Причислѣніе Гунновъ къ Тюркамъ замѣтилъ и въ написанномъ этимъ ученымъ совместно съ бар. В. Р. Розеномъ изслѣдованіи „Ізвѣстія Аль-Бекри“ (ч. I, Спб. 1878). Въ написанной А. А. Куниномъ съ В. В. Радловымъ рецензіи на сочиненіе Голубовскаго „Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ“, авторы высказались въ пользу турчизма Гунновъ и осудили теорію, признававшую Финнами иѣкоторые полукочевые народы южной и юго-восточной Руси. Печенѣги имѣли, по ихъ мнѣнію, въ южной Россіи предшественниковъ тюркскаго происхожденія—именно Аваровъ. Тюрки были главнымъ племенемъ въ Хазаріи. Болгары были тоже Тюрки. Финскій элементъ въ исторіи юга и юго-востока Россіи явился впервые съ Мадьярами, да и то подъ предводительствомъ тюркскаго рода. Гуны были несомнѣнно Тюрки.

Ф. Мюллеръ, признавшій, какъ мы уже говорили, Хунъ-ну за Тюрковъ, Гунновъ тоже назвалъ племенемъ татарскимъ (т. е. по его классификаціи тюркскимъ), хотя и призналъ ихъ сильно смѣшанными съ Финнами (см. его *Allgemeine Ethnographie*).

Къ теоріи турчизма Гунновъ примкнулъ и Томашекъ, который въ рецензіи на книгу Иречека „Исторія Болгаръ“ (помѣщена была въ *Zeitschrift fr Oester. Gymnasium* за 1877 г., ss. 674—686) на основаніи историческихъ преданій и толкѣствъ собственныхъ именъ доказывалъ, что Болгары и ихъ предки Гуны были Тюрки.

Къ авторитетнымъ мнѣніямъ Кунина и Томашека присоединился и М. Соколовъ въ изслѣдованіи „Ізъ древней исторіи Болгаръ“ (Спб., 1879).

Выше мы упомянули о замѣчаніяхъ и возраженіяхъ проф. В. Ф. Миллера и Ф. Е. Корша по поводу славянства Гунновъ. Отрицая возможность

этого, они предложили свои объяснения гунскихъ собственныхъ именъ. Ф. Е. Коршъ призналъ напр. собственное имя Ойбарсъ за тюркское. Подробнее говорилъ по этому поводу В. Ф. Миллеръ. Слова, имѣвшія въ латинской или греческой транскрипціи окончаніе на „ган“ или „кан“, по его мнѣнію, несомнѣнно тюркскія, при чемъ это „ган“ есть тюркское ханъ (Zaber-gan=Забаръ-ханъ). Въ имени Денгизинъ онъ считаетъ корнемъ тюркское слово денгизъ. Ойбарсъ сравнивается имъ съ половецкимъ (а Половцы были несомнѣнно Тюрки) Багубарсъ, гунское имя Курдахъ=полов. Куртохъ и т. д.

Проф. В. Г. Васильевскій въ цитированной нами статьѣ, направленной противъ теоріи Иловайского, высказалъ (см. „О мнимомъ славянствѣ Гунновъ, Болгаръ и Роксоланъ“) „что преобладаніе среди Гунновъ турецкихъ элементовъ намъ кажется весьма вѣроятнымъ и почти несомнѣнно доказаннымъ (см. А. А. Куника, Томашека, Соколова)“.

Въ послѣднемъ сочиненіи по общей исторіи великаго переселенія народовъ, которое въ силу полулярнаго характера должно было придерживаться наиболѣе распространенныхъ взглядовъ, было высказано мнѣніе въ пользу турчизма Гунновъ. Мы разумѣемъ „Geschichte der Völkerwanderung“ Витерхайма. Здѣсь (Zweiter Band, 24—25) Гунны считаются Тѣрками, среди которыхъ находились многочисленные финскіе и тунгусскіе (?) элементы.

Венгерскій тѣркологъ А. Вамбери въ изслѣдованіи „Ursprung der Magyaren“ (Leipzig, 1882) посвятилъ вопросу о Гуннахъ три главы (вторая, третья и четвертая). Онъ, какъ Ф. Е. Коршъ и В. Ф. Миллеръ, особенно указывалъ на сходство гунскихъ именъ съ тюркскими, хотя и признавалъ ихъ сильно измѣненными греческой и латинской транскрипціей. Первая глава (ss. 40—50) посвящена у него этимъ гунскимъ именамъ. Мунзука, Иранакъ, Атакамъ, Баанъ—все это, по его мнѣнію, тюркскія имена. Считая этотъ народъ тюркскимъ, А. Вамбери тоже на основаніи лингвистическихъ данныхъ ишѣлъ еще дальше и пытался опредѣлить къ какой группѣ изъ тѣркскихъ племенъ слѣдуетъ отнести ихъ и пришелъ къ тому уѣждѣнію, что они должны были быть ближайшей роднѣй Уйгурівъ. Этотъ изслѣдователь привелъ также некоторые исторические факты, говорящіе въ пользу турчизма Гунновъ. Онъ указалъ напр. на то, что черезъ сто лѣтъ послѣ паденія гунского государства, Земархъ засталъ все пространство, занятое никогда этимъ народомъ, населеннымъ силошь Тѣрками. Онъ допускаетъ, что среди нихъ были финно-угорскіе элементы, но не думаетъ, чтобы эти послѣдніе, состоящіе главнымъ образомъ изъ „рыбаковъ и жителей лѣсовъ“ когданибудь выступали въ качествѣ грозныхъ завоевателей. Опредѣлена съ точностью происхожденіе Гунновъ, Вамбери ни слова не сказалъ объ ихъ отношеніяхъ къ Хунь-ну; это тѣмъ болѣе странно, что онъ ориенталистъ по специальности.

Придерживаясь того-же взгляда ка происхождение Гунновъ, Вамбери касался этого вопроса и въ „Das-Turkenvolk“ (Leipzig, 1885).

В. В. Радловъ высказался въ пользу турчизма Гунновъ какъ въ вышеупомянутой, написанной вмѣстѣ съ А. А. Куникомъ рецензіи на сочиненіе Голубовскаго, такъ и въ изслѣдованіи „Къ вопросу объ Уйгурѣ“ (2-ое приложеніе къ LXXXII тому Записокъ Академіи Наукъ, Спб. 1893). Этотъ изслѣдователь, основываясь на извѣстіяхъ Діонисія Періегета считаетъ вполнѣ возможнымъ отожествить Гунновъ и Хунъ-ну (стр. 103). Извѣстіе Моисея Хоренскаго служить ему доказательствомъ, что Гунины въ III-мъ вѣкѣ продвинулись еще болѣе на Западъ. Составъ этого народа опредѣляется имъ слѣдующимъ образомъ: „самоно гуны (восточные тюрки, уйгуры) составляли несомнѣнно лишь часть нахлынувшихъ въ Европу полчищъ; очевидно самыя различныя племена (западные тюрки, угры и пр.) двигались впередъ, имъ въ гунахъ предводительствующее племя и наростая, подобно лавинѣ, во время движенія“. (стр. 103). Описанія наружности Гунновъ у Амміана Марцелліна, Іордана и др. вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ описаніемъ Хунъ-ну, которое мы находимъ у китайцевъ. Типъ Гунновъ есть типъ либо Тюрковъ, либо Монголовъ, либо Тунгузовъ. Изъ исторіи мы знаемъ, что сначала направлялись на Западъ Тюрки, при чмъ заняты ими области заходили на Западъ за Аральское море уже до Р. Х. Въ III—X вѣкахъ стали пробиваться Тунгусы, не дошедшіе однако дальше центра Средней Азіи, а съ XIII-го вѣка появляются Монголы. „Если бы монгольскія племена уже раньше когда-нибудь проникли на западъ, то гдѣнибудь тамъ остались бы осадки этого народа“. (стр. 106). Таковы вкратцѣ мнѣнія этого ученаго.

За признаніе Гунновъ Тюрками, тожественными Хунъ-ну, высказался и Н. В. Аристовъ („Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей“, въ „Живой Старинѣ“, 1896, III—IV).

Теорія турчизма Гунновъ несомнѣнно одна изъ наиболѣе распространенныхъ въ настоящее время. Ея сторонники, какъ можно видѣть по вышеизложенному, исходить изъ нѣсколько иныхъ взглядовъ, чѣмъ представители другихъ теорій. Они основываютъ свои выводы не столько на отдельныхъ фактахъ, на толкованіи собственныхъ имёнъ, сколько на общихъ соображеніяхъ по поводу исторического хода событий и группировкѣ племенъ. Такая точка зренія имѣть многое за себя и, по нашему мнѣнію, характеризуетъ дальнѣйшее движеніе впередъ. Однако, если и можно сказать, что во главѣ Гунновъ стояли Тюрки, вопросъ о томъ изъ кого состояла масса народа, изъ Финновъ или изъ Тюрковъ, еще не решенъ окончательно *).

*) Необходимо сказать нѣсколько словъ объ изслѣдователѣ, писавшемъ о занимающемъ нась вопросѣ и котораго, вслѣдствіе своеобразнаго характера его статьи, нельзя

Въ послѣднее время нашимъ вопросомъ занялся одинъ изъ лучшихъ европейскихъ синологовъ проф. Хиртъ. Это, помимо всего остального, можетъ служить доказательствомъ, что гунскій вопросъ заслуживаетъ вниманія изслѣдователей и не можетъ считаться сдѣланымъ въ архивъ. Статья этого ученаго, озаглавленная „Ueber Wolga Hunnen und Hiung-nu“, (Aus den Sitzungsberichten der philos.—philol. und histor. Classe der k. bayer. Akad. d. Wiss., 1899, Bd. II, Heft. II, 245—278, München, 1900) касается исключительно вопроса объ отношеніяхъ двухъ вышеупомянутыхъ народовъ. Только изъ одного мѣста его изслѣдованія (прим. на стр. 269) можно заключить, что Хунь-ну (а слѣдовательно и Гуны, такъ какъ эти два народа тожественны) были, по мнѣнію проф. Хирта, Тюрки: ими гуннускаго шанью Ху-хань-е онъ старается объяснить при помощи тюркскаго языка. Справедливо считая необходимымъ для правильнаго решенія этого вопроса обратиться къ первоисточникамъ, т. е. къ извѣстіямъ китайскихъ лѣтописей, этотъ изслѣдователь особенно остановился на томъ мѣстѣ изъ историческаго сочиненія Вей-шу, въ которомъ сообщается объ области Сукъ—такъ, прежде называвшейся Янь-цай и лежавшей къ сѣверо-западу отъ Кантая, о ея завоеваніи Хунь-ну и о томъ, что правитель этой области Хутъ-ай-сы или Ху-ни-сы (Hut-ngai-ssi, alte Aussprache Hu-ni-ssi), современныи извѣстію, принадлежитъ уже четвертому поколѣнію со времени завоеванія (ср. у о. Іакинеа, Собрание свѣдѣній, III, 166, гдѣ вместо Сукъ—такъ страна называется Су-дэ). По разсчету разстояній, о которыхъ сообщаютъ китайскія извѣстія, Янь-цай (слово, которое есть передѣлка „Аорзэ или Alan-orsi“) соотвѣтствуетъ областямъ у Аральскаго моря. Оставляя въ стоя-

причислить ни къ одной изъ вышеуказанныхъ теорій. Это г. Боура (Bowra) и его статья «The Hsöö and the Hsiung-nu» (Notes and Queries on China and Japan, edit. by N. Denys volume I, January—December, 1867, Hongkong). Тожества Монголовъ и Гунновъ онъ не признавалъ на томъ основаніи, что первые не только не сохранили никакихъ воспоминаній и преданій о побѣдахъ и выселеніяхъ, но должны были впасть въ непонятную «летаргію» и пробудиться лишь черезъ нѣсколько стояній—что кажется ему невозможнымъ. Сходство тугуїйскихъ словъ съ тюркскими кажется ему недостаточнымъ для заключенія о турчизмѣ. Ту-ю, а слѣдовательно и Хунь-ну. Финно-угорское происхожденіе Гунновъ тоже кажется ему мало вѣроятнымъ. Соглашаясь съ тѣмъ, что исторія тюркскихъ народовъ тѣсно связана съ исторіей славянъ и германцевъ и допуская, что разсѣяніе сѣверныхъ Хунь-ну могло оказать влияніе на движеніе народовъ, пограничныхъ съ Европой, онъ однако высказалъ мнѣніе, что «очень мало возможности доказать тожество Хунь-ну и Гунновъ на основаніи китайскихъ лѣтописей. Мало точекъ соглашенія между исторіей Китая и исторіей Европы и мало сдѣлано для ихъ разъясненія». Тутъ-же онъ называлъ вопросъ о тожествѣ Хунь-ну и Гунновъ однимъ изъ наиболѣе интересныхъ. Въ концѣ статьи г. Боура заявилъ, что собирается извлечь изъ китайскихъ лѣтописей извѣстія о Хунь-ну. Насколько ему удалось привести въ исполненіе это обѣщаніе, мы не знаемъ: ни въ одномъ изъ позднѣйшихъ изслѣдованій, равно какъ и въ библиографическихъ сборникахъ, мы не нашли упоминанія о его дальнѣйшихъ работахъ въ этой области. Упомянутая же статья не вносила въ литературу по гунскому вопросу ничего нового.

ровъ нѣсколькою смѣлое отожествленіе „да-цэ“ т. е. „большаго моря“ съ Чернымъ только потому, что извѣстіе о немъ относится къ половинѣ V-го вѣка т. е. ко времени смерти Аттилы, переходимъ къ интересному толкованію имени правителя Суць-така. По расчетамъ проф. Хирта, время завоеванія этой области Хунъ-ну совпадаетъ со временемъ появленія Гунновъ (ср. Аристовъ въ „Живой Старинѣ“, 1896, III—IV, 293), а имя Хутъ-ай-сы есть китайская транскрипція имени Ирнамъ, одного изъ сыновей Аттилы. Что касается до его мнѣнія о странѣ Юе-башь, о которой такъ много писали изслѣдователи нашего вопроса, то о ней проф. Хиртъ сообщалъ тотъ же текстъ, что и о. Іакинѣвъ (III, 163); изъ него же ясно, что значительная часть народа пошла оттуда на западъ. Далѣе авторъ даетъ историческій обзоръ хуннускихъ переселеній, начиная съ откочеванія Чжи-чжи въ половинѣ I-го вѣка по Р. Х. до извѣстія объ уходѣ части сѣверныхъ Хунъ-ну въ Кангай въ концѣ I-го вѣка по Р. Х.

Такимъ образомъ эта статья представляетъ полный сводъ извѣстій объ отожествленіяхъ Хунъ-ну къ Гуннамъ. Съ дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ китайскихъ источниковъ, можетъ быть, откроется еще что-нибудь по истории переселеній Хунъ-ну и ихъ отношений къ Гуннамъ. Пока, по нашему мнѣнію, можно довольствоваться и вышеупомянутыми фактами—ихъ не мало, и они имѣютъ несомнѣнную достовѣрность.

УКАЗАТЕЛЬ

главнейшихъ изслѣдований по гунскому вопросу.

- Аристовъ, Н. В., Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей (Живая Старина, 1896, III—IV).
- Бичуринъ, о. Іакинъ, Записки о Монголії (Спб., 1828). Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена (Спб., 1851).
- Васильевскій, В. Г., О мнѣніиъ славянствѣ Гунновъ, Болгаръ и Роксоланъ (Жур. Мин. Нар. Просв., 1882, іюль). Еще разъ о мнѣніиъ славянствѣ Гунновъ (тамъ-же, 1883, апрѣль).
- Веселовскій, Н. И., Нѣсколько новыхъ соображеній по поводу пересмотра вопроса о Гуннахъ (Жур. Мин. Нар. Просв., 1882, сентябрь).
- Венелинъ, Древніе и нынѣшніе Болгаре, т. I (1829).
- Гиббонъ, Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи, т. III (русс. пер., Москва, 1883—1886).
- Забѣлинъ, И. Е., Исторія русской жизни, I (Москва, 1876).
- Иловайскій, Д. И., Вопросъ о народности Руссовъ, Болгаръ и Гунновъ (Жур. Мин. Нар. Проев., 1881, май). См. Труды V-го Археологическаго съѣзда. Пересмотръ вопроса о Гуннахъ (Русская Старина, 1882, февраль). Разысканія о началѣ Руси (2-е изд., 1882, Москва). Поборники норманизма и туранизма (Русская Старина, 1882, декабрь).
- Каенъ, Л., XVI-я глава II-го тома во Всеобщей Исторіи Лависса и Рамбо (русс. пер.).
- Кунинъ, А. А., О тюркскихъ Печенѣгахъ и Половцахъ по мадьярскимъ источникамъ (Зап. Ак. Наукъ, 1885, т. III). Рецензія на соч. Голубовскаго о Печенѣгахъ, Торкахъ и Половцахъ (вмѣстѣ съ В. В. Радловымъ).
- Радловъ, В. В., Рецензія на соч. Голубовскаго (вмѣстѣ съ А. А. Куниномъ). Къ вопросу объ Уйгурахъ (2-е приложеніе къ LXXII тому Зап. Акад. Наукъ, 1893).
- Риттеръ, Карлъ, Землевѣдѣніе Азіи, т. I (русс. пер. съ дополненіями П. П. Семенова, Спб., 1850).
- Риттихъ, А. Ф., Материалы для этнографіи Россіи, I (Казань, 1870).

Семеновъ, П. И., см. Риттеръ.

Соколовъ, М., Изъ древней истории Болгаръ (Спб. 1879).

Труды 7-го Археологического съезда въ Россіи, изд. подъ редакціей гр. Уваровой, (Москва, 1887).

Труды этнографического отдѣла Московскаго Общества Любителей естествознанія за 1886 г., VII (Поповъ, Миллеръ, Коршъ, Анучинъ).

Усларъ, П. К., бар., Древнійшія извѣстія о Кавказѣ (Записки Кавказскаго Отд. Геогр. Общ., XII, 1881 и Собрание свѣдѣній о Кавказскихъ горахъ, X).

Флоринскій, В. М., Первобытные Славяне по памятникамъ ихъ доисторической жизни (въ Изв. Томскаго Унив., VII, 1895).

Шафарикъ, Славянскія древности, I (пер. Бодянскаго, 1847).

B e r , Die Makrocephalen im Boden der Krym und Oesterreichs (Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg, VII serie, II tome, № 6).

B e r g m a n n , Nomadische Streifereien unter den Kalmäken in den Jahren 1802 und 1803 (Riga, 1804).

B o w r a , The Хоюво and the Hsiung-nu (Notes and Queries on China and Japan, edit. by N. Dennys, vol. I, January-December, 1867, Hongkong).

C a h u n , L., Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405 (Paris, 1895).

C a s t r e n , Reiseberichte und Briefe (herausgeg. von A. Shiefner, 1856).

D e g u i g n e s , Mémoire sur l'origine des Huns et des Turcs, (Paris, 1748 *).
Histoire des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux (Paris, 1756—8).

F e j e r , Aborigenes et incunabula Magyarorum, (Budae, 1840).

H i r t h , F., Ueber Wolga-Hunnen und Hiung-nu, (Aus den Sitzungsberichten der philos.—philol. und der histor. Classe der k. bayer. Akad. d. Wiss. 1899. Bd. II, Heft II, München, 1900).

H o w o r t h H., Some notes on the Huns (Actes du VI congrès intern. des orientalistes en 1883 à Leide, IV partie, Leide, 1885).

H u n f a l v y , P., Ethnographie von Ungarn (Budapest, 1877).

J a r d o t , Révolutions des peuples de l'Asie moyenne (Paris, 1839).

K l a p r o t h , J., Asia polyglotta, (Paris, 1823). Sur l'identité des Thou-khieu et des Hioung-nou avec les Turcs (Journal Asiatique, 1825, Novembre). Tableaux historiques de l'Asie (Paris, 1826).

K o s k i n e n , Finnische Geschichte, (Leipzig, 1874).

M ü l l e r , F., Allgemeine Ethnographie, (Wien, 1873).

M ü l l e r F. H., Der Ugrische Volksstamm, (Berlin, 1837).

*) Монографія эта оказалась для насъ недоступной.

- Neumann, Asiatische Studien, (Leipzig, 1837). Die Völker des südlichen Russlands in ihrer geschichtlichen Entwicklung, (Leipzig, 1847).
- Pallas. Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften, I (1776).
- Pallmann, Geschichte der Völkerwanderung, (1863).
- Pray, Annales veteres Hunnorum (Vindobonae, 1761).
- Richthofen, China, I (Berlin, 1877).
- Saint-Martin, Примѣчанія у Lebeau, Histoire du Bas-Empire, томы II, III, IV.
- Schmidt, Forschungen im Gebiete der älteren religiösen, politischen und literarischen Bildungsgeschichte der Völker Mittel-Asiens (St. Pet., 1824).
- Schott, Ueber das Altaische oder Finnisch-Tatarische Sprachengeschlecht въ Abhandlungen Berliner Academie, 1847.
- Thierry, A., Histoire d'Attila et de ses successeurs (Paris, 1856).
- Tomaschek, Рецензія на соч. Иречека, Исторія Болгаръ (Zeitschrift für österreich. Gymnasium, 1877).
- Ujfalvy, Migrations des peuples et particulièrement celles des Touraniens (Paris, 1873).
- Vambery, A., Ursprung der Magyaren, (Leipzig, 1882).
- Vivien-de-Saint-Martin, Sur les Huns ouraliens (Nouvelles annales des voyages, t. III, 1848, Decembre).
- Wietersheim, Geschichte der Völkerwanderung, Zweiter Band (Leipzig, 1881).
- Wylie, History of the Heung-nu in their relations with China (Shan. Budget, 1873 *).

*) Эта статья г. Уайля, которая, насколько я могу заключить по упоминаниямъ неї въ другихъ изслѣдованіяхъ, представляетъ собою переводъ китайскихъ извѣстий. Хунъ-ну, оказалась для меня недоступной за неимѣніемъ въ Петербургскихъ библіотекахъ

ОТДѢЛЪ II.

Распределение жителей Солунского Вилаета по народностям и въроисповѣданіямъ въ 1899 году.

(Окончание).

Мутесариф Флигъ Сересь.

Мутесарифлинъ Сересь.

М у т е с а р и ф л и къ С е р е съ.

М у т е с а р и ф д и н ъ С е р е с ь .

Каза Сересь.	Число домов.	Ч и с л о ж и т е л е с и.									
		Турок осман- ліевъ.	Славянъ эзэр- христовъ.	Славянъ патр- архистовъ.	Славянъ унаг- тровъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стиянъ.	Грековъ мусуль- манъ.	Влаховъ хри- стиянъ.	Влаховъ мусуль- манъ.	
Чавдарларъ	41	72	—	—	127	—	—	—	—	—	199
Чайръ махале.	48	—	—	—	297	—	—	—	—	—	297
Чакаларь.	32	170	—	—	—	—	—	—	—	—	170
Чакырлы	23	121	—	—	—	—	—	—	—	—	121
Чали Махале.	18	40	—	—	50	—	—	—	—	—	90
Чаликъ Махале	78	363	—	—	—	—	—	—	—	—	363
Черкесь Махулеси.	4	20	—	—	—	—	—	—	—	—	20
Черписта	202	300	—	—	—	—	—	783	—	—	1063
Чешмели	37	190	—	—	210	—	—	—	—	—	190
Чугулигово.	74	—	214	—	—	—	—	—	—	—	424
Шабанларъ	32	190	—	—	—	—	—	—	—	—	190
Всего въ Казѣ Се- ресь.	20566	31033	7609	25819	—	—	34593	—	447	—	99501
Каза Горная Джума.											
Горная Джума	1500	3000	4292	—	—	—	—	—	300	—	7592
Аргатъ	70	—	200	—	—	—	—	—	150	—	350
Баирлеръ	60	—	366	—	—	—	—	—	—	—	366
Бариково	61	150	217	—	—	—	—	—	—	—	367
Бистрица	188	—	1211	—	—	—	—	—	—	—	1211
Вильямзино	34	—	201	—	—	—	—	—	—	—	201
Габрово	95	—	479	—	—	—	—	—	—	—	479
Градово	236	—	1415	—	—	—	—	—	—	—	1415
Дибучица	66	—	371	—	—	—	—	—	—	—	371
Дреново.	104	—	616	—	—	—	—	—	—	—	616
Дукатичъ	13	—	67	—	—	—	—	—	—	—	67
Желѣзница	171	—	880	—	—	—	—	—	—	—	880
Клисура.	51	—	277	—	—	—	—	—	—	—	277
Крупникъ	166	400	425	—	—	—	—	—	—	—	825
Курджево	53	—	240	—	—	—	—	—	—	—	240
Лешко	215	—	1165	—	—	—	—	—	—	—	1165
Лисия	100	—	559	—	—	—	—	—	—	—	559
Логодимъ	121	—	584	—	—	—	—	—	—	—	584
Марулево	67	—	397	—	—	—	—	—	—	—	397
Мущанца	36	—	163	—	—	—	—	—	—	—	163
Ораново.	101	—	645	—	—	—	—	—	—	—	645
Осеново.	304	800	1041	—	—	—	—	—	—	—	1841
Падешъ	222	—	1274	—	—	—	—	—	—	—	1274
Покровникъ	100	—	561	—	—	—	—	—	—	—	561
Русово	51	—	124	—	—	—	—	—	100	—	224
Сепеше	107	—	591	—	—	—	—	—	—	—	591
Силистли	174	886	—	—	—	—	—	—	—	—	886
Смитли	43	206	—	—	—	—	—	—	—	—	206
Сербяново	321	—	1556	—	—	—	—	—	—	—	1556
Тросково	99	—	677	—	—	—	—	—	—	—	677
Черчево.	135	—	831	—	—	—	—	—	—	—	831
Шущица	95	—	486	—	—	—	—	—	—	—	486
Всего въ Казѣ Гор- ная-Джума	5159	5442	17646	—	—	—	—	—	550	—	23639

М у т е с а р и ф л и нъ С е р о е ъ.

М у т е с а р и ф л и к ь С е р е с ь.

Казъ Петричъ.	Число домовъ.	Ч и с л о ж и т е л е с и й.									
		Турокъ осман- иевъ.	Славянъ экзар- хистовъ.	Славянъ патрі- архистовъ.	Славянъ уні- тозъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стянъ.	Грековъ мусуль- манъ.	Влаховъ хри- стянъ.	Влаховъ мусуль- манъ.	Евреевъ.
Егуменецъ.	388	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2198
Елешница.	150	217	500	—	—	—	—	—	—	—	717
Занога.	4	—	26	—	—	—	—	—	—	—	26
Завонполь.	35	—	190	—	—	—	—	—	—	—	190
Иваново.	15	—	101	—	—	—	—	—	—	—	101
Играимца.	103	—	608	—	—	—	—	—	—	—	608
Каменица.	46	—	—	—	—	—	—	—	—	—	240
Камне.	66	200	167	—	—	—	—	—	—	—	367
Алелало.	12	—	86	—	—	—	—	—	—	—	86
Ключъ.	195	813	100	—	—	—	—	—	—	—	913
Коларово.	256	1188	150	—	—	—	—	—	—	—	1388
Колбите.	19	—	182	—	—	—	—	—	—	—	182
Конарине.	146	700	70	—	—	—	—	—	—	—	770
Крушица.	53	—	512	—	—	—	—	—	—	—	512
Кренджиль.	7	—	88	—	—	—	—	—	—	—	88
Корнагово.	60	—	423	—	—	—	—	—	—	—	423
Корнелово.	43	—	205	—	—	—	—	—	—	—	205
Керстилицы.	65	—	399	—	—	—	—	—	—	—	399
Лашница.	27	100	58	—	—	—	—	—	—	—	158
Махала.	28	—	141	—	—	—	—	—	—	—	141
Мендево.	65	271	—	—	—	—	—	—	—	—	271
Мирево.	20	—	175	—	—	—	—	—	—	—	175
Митивово.	35	—	155	—	—	—	—	—	—	—	155
Милново.	52	—	178	—	—	—	—	—	—	—	178
Моровци.	75	—	200	—	—	175	—	—	—	—	375
Мусели-гифлицъ.	20	158	—	—	—	—	—	—	—	—	158
Никодинъ.	41	—	319	—	—	—	—	—	—	—	319
Обрадово.	15	—	75	—	—	—	—	—	—	—	75
Орманъ.	62	—	283	—	—	—	—	—	—	—	283
Палътъ.	83	—	448	—	—	—	—	—	—	—	448
Радоль.	24	—	183	—	—	—	—	—	—	—	183
Решково.	30	—	175	—	—	—	—	—	—	—	175
Рибница.	57	—	320	—	—	—	—	—	—	—	320
Рибница-Чифликъ.	72	—	645	—	—	—	—	—	—	—	645
Седеъцъ.	36	—	169	—	—	—	—	—	—	—	169
Сеяне.	14	—	71	—	—	—	—	—	—	—	71
Скреть.	94	460	73	—	—	—	—	—	—	—	533
Сланиница.	38	—	—	—	205	—	—	—	—	—	205
Смокири.	114	—	665	—	—	—	—	—	—	—	665
Старчево.	112	100	620	—	—	—	—	—	—	—	720
Стиникъ.	90	—	469	—	—	—	—	—	—	—	469
Тонско.	9	—	60	—	—	—	—	—	—	—	60
Тополница.	46	—	230	—	—	—	—	—	—	—	230
Цапарево.	139	—	839	—	—	—	—	—	—	—	839
Чорничени.	87	—	539	—	—	—	—	—	—	—	539
Шарбаново.	41	—	241	—	—	—	—	—	—	—	241
Яворница.	183	750	180	—	—	—	—	—	—	—	930
Яково.	35	—	189	—	—	—	—	—	—	—	189
Всего въ Казъ Петричъ.	6400	13679	18291	—	—	1570	100	—	200	—	33840

Мутесарифликъ Сересь.

Мутесарифъ Сересь.

М у т е с а р и ф л и къ С е р е съ.

Каза Неврокопъ.	Число домовъ.	Ч и с л о ж и т е л е й										В с о г о.	
		Турокъ осман- лесь.	Славянъ экзар- хистовъ.	Славянъ патрі- архистовъ.	Славянъ уни- тогъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стянъ.	Грековъ мусуль- манъ.	Влаховъ хри- стянъ.	Влаховъ мусуль- манъ.	Ереевъ.		
Жижово	103	—	—	—	—	500	—	—	—	—	—	—	500
Кочень	155	—	—	—	—	973	—	—	—	—	—	—	973
Карауль	56	—	—	—	—	290	—	—	—	—	—	—	290
Фергово	50	—	—	—	—	307	—	—	—	—	—	—	307
Крушево	55	—	—	—	—	347	—	—	—	—	—	—	347
Оръше	66	—	—	—	—	224	—	—	—	—	—	—	224
Дебренъ	96	—	—	—	—	572	—	—	—	—	—	—	572
Хисарлыкъ	35	—	345	—	—	—	—	—	—	—	—	—	345
Кременъ	146	—	750	—	—	—	—	—	—	—	—	—	750
Итого въ Нахія Тер- лисъ:	3715	1600	6117	—	—	12367	—	—	—	—	—	—	20084
Нахія Чечъ.													
Осойница	157	—	—	—	—	735	—	—	—	—	—	—	735
Борово	193	—	—	—	—	885	—	—	—	—	—	—	885
Дилинъ	75	—	—	—	—	385	—	—	—	—	—	—	385
Малушица	65	—	—	—	—	381	—	—	—	—	—	—	381
Страйдикъ	12	—	—	—	—	66	—	—	—	—	—	—	66
Костень	31	—	—	—	—	150	—	—	—	—	—	—	150
Ущица	98	—	—	—	—	555	—	—	—	—	—	—	555
Никобица	60	—	—	—	—	286	—	—	—	—	—	—	286
Метруль	53	—	—	—	—	280	—	—	—	—	—	—	280
Лумитица	63	—	—	—	—	393	—	—	—	—	—	—	393
Лорджово	67	—	—	—	—	310	—	—	—	—	—	—	310
Галумъ	58	—	—	—	—	225	—	—	—	—	—	—	225
Любень	84	—	—	—	—	393	—	—	—	—	—	—	393
Русково	33	—	—	—	—	155	—	—	—	—	—	—	155
Колюшларь	90	—	—	—	—	475	—	—	—	—	—	—	475
Гурджель	63	—	—	—	—	375	—	—	—	—	—	—	375
Владиково	107	—	—	—	—	525	—	—	—	—	—	—	525
Попово	73	—	—	—	—	405	—	—	—	—	—	—	405
Дебрежиль	74	—	—	—	—	372	—	—	—	—	—	—	372
Тисово	52	—	—	—	—	410	—	—	—	—	—	—	410
Берніщенъ	53	—	—	—	—	274	—	—	—	—	—	—	274
Рашево	127	—	—	—	—	565	—	—	—	—	—	—	565
Колчую	42	—	—	—	—	230	—	—	—	—	—	—	230
Бербонія	42	—	—	—	—	268	—	—	—	—	—	—	268
Бучанъ	51	—	—	—	—	290	—	—	—	—	—	—	290
Оракисъ	41	—	—	—	—	225	—	—	—	—	—	—	225
Бурундикъ	34	—	—	—	—	176	—	—	—	—	—	—	176
Вирженица	47	—	—	—	—	210	—	—	—	—	—	—	210
Хисарликъ	45	—	345	—	—	—	—	—	—	—	—	—	345
Коларія	29	—	—	—	—	160	—	—	—	—	—	—	160
Монастырдикъ	27	—	—	—	—	175	—	—	—	—	—	—	175
Шурдилово	22	—	—	—	—	160	—	—	—	—	—	—	160
Кашица	57	—	—	—	—	242	—	—	—	—	—	—	242
Итого въ Нахія Чечъ	2125	—	345	—	—	10736	—	—	—	—	—	—	11081
Всего въ Казѣ Не- врокопъ . . .	15556	14077	28387	125	—	33113	1008	590	785	—	200	—	78277

М у т е с а р и ф л и къ С е р е с ъ.

Каза Неврокопъ.	Нахия Старица.	Число домовъ.	Ч и с л о ж и т е л е й с и й.							
			Турокъ осман- лъевъ.	Славянъ эквар- хистовъ.	Славянъ патрі- архистовъ.	Славянъ уяз- товъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стянъ.	Влаховъ хри- стянъ.	Влаховъ мусуль- манъ.
Ливадица.		66	—	—	—	—	—	—	—	407
Гущерекъ.		66	—	—	—	—	—	—	—	365
Перица.		69	—	—	—	—	—	—	—	340
Черешово.		186	—	800	—	—	—	—	—	970
Лужица.		66	—	—	—	—	—	—	—	429
Курница.		111	—	—	—	—	—	—	—	757
Бреаница.		109	—	—	—	—	—	—	—	821
Герменъ.		177	—	1097	—	—	—	—	—	1097
Обидамъ.		220	—	1235	—	—	—	—	—	1235
Густунъ.		100	—	560	—	—	—	—	—	560
Филиппово.		81	—	60	—	—	—	—	—	417
Буково.		25	—	—	—	—	—	—	—	144
Рибна		105	—	—	—	—	—	—	—	625
Осиково.		110	—	480	—	—	—	—	—	680
Скрабатно.		176	—	700	—	—	—	—	—	987
Дреиново (горно).		75	—	—	—	—	—	—	—	311
Фотовица.		135	—	417	—	—	—	—	—	637
Балдево.		56	—	267	—	—	—	—	—	257
Цирополь.		49	—	—	—	—	—	—	—	285
Баничанъ.		69	—	340	—	—	—	—	—	340
Итого въ Нахия Старица.		3857	1408	10175	—	—	10010	—	120	—
Нахия Терлисъ.										21713
Терлисъ.		263	—	800	911	—	—	—	—	1711
Осъново.		92	—	—	520	—	—	—	—	520
Лъщенъ.		75	—	—	425	—	—	—	—	425
Ковачовица.		235	—	—	1135	—	—	—	—	1135
Еленица.		280	—	—	1281	—	—	—	—	1281
Дубица.		77	—	355	—	—	—	—	—	355
Фустане.		39	—	230	—	—	—	—	—	230
Блатска.		33	—	215	—	—	—	—	—	215
Абданцица.		186	—	—	—	—	1030	—	—	1030
Бугленъ.		27	—	—	—	—	—	158	—	158
Волкосель.		167	—	—	—	—	—	940	—	940
Смашенъ.		143	—	—	—	—	—	794	—	794
Годешево.		84	—	—	—	—	—	590	—	590
Дреново (долно).		64	—	—	—	—	—	287	—	287
Туховица.		122	—	—	—	—	—	569	—	569
Витово.		93	—	—	—	—	—	526	—	526
Избича.		96	—	—	—	—	—	544	—	544
Плетена.		148	—	—	—	—	—	757	—	757
Сатовица.		262	—	—	750	—	—	1247	—	1247
Доленъ.		258	—	—	—	—	—	334	—	1084
Любче.		66	—	—	—	—	—	351	—	351
Осина.		43	—	—	—	—	—	282	—	282
Серчанъ.		55	—	—	—	—	—	350	—	350
Марулево.		57	—	—	—	—	—	395	—	395

М у т е с а р и ф л и къ С е р е съ.

Каза Неврокопъ.	Число домовъ.	Ч и с л о ж и т е л е й										В с о г о.	
		Турокъ осман- лесь.	Славянъ экзар- хистовъ.	Славянъ парти- архистовъ.	Славянъ унѧ- тобъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стянъ.	Грековъ мусуль- манъ.	Влаховъ хри- стянъ.	Влаховъ мусуль- манъ.	Ереевъ.		
Жижово	103	—	—	—	—	500	—	—	—	—	—	—	500
Кочень	155	—	—	—	—	973	—	—	—	—	—	—	973
Карауль	56	—	—	—	—	290	—	—	—	—	—	—	290
Фергово	50	—	—	—	—	307	—	—	—	—	—	—	307
Крушево	55	—	—	—	—	347	—	—	—	—	—	—	347
Оръше	66	—	—	—	—	224	—	—	—	—	—	—	224
Дебренъ	96	—	—	—	—	572	—	—	—	—	—	—	572
Хисарлыкъ	35	—	345	—	—	—	—	—	—	—	—	—	345
Кременъ	146	—	750	—	—	—	—	—	—	—	—	—	750
Итого въ Нахія Тер- лісъ:	3715	1600	6117	—	—	12367	—	—	—	—	—	—	20084
Нахія Чечъ.													
Осоиница	157	—	—	—	—	735	—	—	—	—	—	—	735
Борово	193	—	—	—	—	885	—	—	—	—	—	—	885
Дилинъ	75	—	—	—	—	385	—	—	—	—	—	—	385
Малушица	65	—	—	—	—	381	—	—	—	—	—	—	381
Страйджикъ	12	—	—	—	—	66	—	—	—	—	—	—	66
Костень	31	—	—	—	—	150	—	—	—	—	—	—	150
Ущица	98	—	—	—	—	555	—	—	—	—	—	—	555
Никобица	60	—	—	—	—	286	—	—	—	—	—	—	286
Метруль	53	—	—	—	—	280	—	—	—	—	—	—	280
Лумитица	63	—	—	—	—	393	—	—	—	—	—	—	393
Лорджово	67	—	—	—	—	310	—	—	—	—	—	—	310
Галумъ	58	—	—	—	—	225	—	—	—	—	—	—	225
Любанъ	84	—	—	—	—	393	—	—	—	—	—	—	393
Русково	33	—	—	—	—	155	—	—	—	—	—	—	155
Колюшларь	90	—	—	—	—	475	—	—	—	—	—	—	475
Гурджель	63	—	—	—	—	375	—	—	—	—	—	—	375
Владиково	107	—	—	—	—	525	—	—	—	—	—	—	525
Попово	73	—	—	—	—	405	—	—	—	—	—	—	405
Дебрежиль	74	—	—	—	—	372	—	—	—	—	—	—	372
Тисово	52	—	—	—	—	410	—	—	—	—	—	—	410
Бернщенъ	53	—	—	—	—	274	—	—	—	—	—	—	274
Рашево	127	—	—	—	—	565	—	—	—	—	—	—	565
Колчую	42	—	—	—	—	230	—	—	—	—	—	—	230
Бербонія	42	—	—	—	—	268	—	—	—	—	—	—	268
Бучанъ	51	—	—	—	—	290	—	—	—	—	—	—	290
Оракисъ	41	—	—	—	—	225	—	—	—	—	—	—	225
Бурундикъ	34	—	—	—	—	176	—	—	—	—	—	—	176
Вирженица	47	—	—	—	—	210	—	—	—	—	—	—	210
Хисарликъ	45	—	345	—	—	—	—	—	—	—	—	—	345
Коларія	29	—	—	—	—	160	—	—	—	—	—	—	160
Монастырджикъ	27	—	—	—	—	175	—	—	—	—	—	—	175
Шурдилово	22	—	—	—	—	160	—	—	—	—	—	—	160
Кашица	57	—	—	—	—	242	—	—	—	—	—	—	242
Итого въ Нахія Чечъ	2125	—	345	—	—	10736	—	—	—	—	—	—	11081
Всего въ Казѣ Не- врокопъ . . .	15556	14077	28387	125	—	33113	1008	590	785	—	200	—	78277

М у т е с а р и ф л и к ь С е р е с ь.

Каза Демиръ Хисарь.	Число домовъ.	Ч и с л о	С л а в я н ы	Ж и т е л е й.	В с е г о.						
Нахъя Демиръ Хисарь.		Т у р к о в с и м а н - л е в ь.	С л а в я н ы з а к а р - х а с т о в ь.	С л а в я н ы п т р - а р х и с т о в ь.	С л а в я н ы У н а - т о в ь.	С л а в я н ы м у с т а - м а н ь.	Г р е к о в ь х р и - с т а н ь.	Г р е к о в ь м у с т а - м а н ь.	В л а х о в ь х р и - с т а н ь.	В л а х о в ь м у с т а - м а н ь.	Е в р е с т ь.
Демиръ Хисарь	800	2500	1750	1000	—	—	—	—	—	—	5800
Айтакли	57	230	—	—	—	—	—	—	—	—	230
Амери махале	20	146	—	—	—	—	—	—	—	—	146
Юрако	14	67	—	—	400	—	—	—	—	—	67
Байракли	113	280	—	—	—	—	—	—	—	—	680
Баразали Джуман	250	900	250	—	—	—	—	—	—	—	1250
Бълово	113	—	732	—	—	—	—	—	—	—	732
Буюкъ Авренъ	15	62	—	—	—	—	—	—	—	—	62
Буюкъ Махале	32	211	—	—	—	—	—	—	—	—	211
Ветерна	324	1640	—	250	—	—	—	—	—	—	1890
Враня чифликъ	81	—	472	—	—	—	—	—	—	—	472
Германъ	93	—	522	—	—	—	—	—	—	—	522
Гешишликъ	44	—	—	268	—	—	—	—	—	—	268
Голешва	195	—	973	—	—	—	—	—	—	—	973
Горно Спанчево	65	—	—	284	—	—	—	—	—	—	284
Гюсени	50	—	—	206	—	—	—	—	—	—	206
Дервено	28	—	—	122	—	—	—	—	—	—	122
Долно Спанчево	59	200	—	126	—	—	—	—	—	—	326
Драготинъ	23	—	—	146	—	—	—	—	—	—	146
Елезли	24	159	—	—	—	—	—	—	—	—	159
Ени-чифликъ	9	43	—	—	—	—	—	—	—	—	43
Епридже	19	180	—	—	—	—	—	—	—	—	180
Ескиджи	45	235	—	—	—	—	—	—	—	—	235
Камаротъ чифликъ	29	—	—	149	—	—	—	—	—	—	149
Камита	30	—	—	164	—	—	—	—	—	—	164
Караташъ	42	240	—	—	—	—	—	—	—	—	240
Катунци	40	—	253	—	—	—	—	—	—	—	253
Ковачево	65	—	303	—	—	—	—	—	—	—	303
Крачево	190	—	915	—	—	—	—	—	—	—	915
Кромидово	53	109	160	—	—	—	—	—	—	—	269
Крушово	384	60	2073	—	—	—	—	—	—	—	2233
Кула чифликъ	21	—	—	120	—	—	—	—	—	—	120
Кумлу	137	350	—	473	—	—	—	—	—	—	823
Кучукъ Авренъ	36	169	—	—	—	—	—	—	—	—	169
Ланова	222	—	—	1060	—	—	—	—	—	—	1060
Лешница	45	—	288	—	—	—	—	—	—	—	288
Липошъ	47	50	—	252	—	—	—	—	—	—	302
Лопово	14	—	—	101	—	—	—	—	—	—	101
Мандраджикъ	28	91	—	—	—	—	—	—	—	—	91
Маракостина	66	—	447	—	—	—	—	—	—	—	447
Марино-поле	12	—	61	—	—	—	—	—	—	—	61
Махмудли	102	432	—	—	—	—	—	—	—	—	531
Месви чали	37	202	—	—	—	—	—	—	—	—	202
Мешили	83	409	—	—	—	—	—	—	—	—	409
Мутуфли	46	190	—	—	—	—	—	—	—	—	190
Петрово	233	200	919	—	—	—	—	—	—	—	1219
Пиринъ	134	—	972	—	—	—	—	156	—	—	972
Пулево	12	—	—	—	112	—	—	—	—	—	112
Радила	38	—	—	—	—	—	—	—	—	—	156
Радово	53	—	—	360	—	—	—	—	—	—	360
Раиковци	72	—	353	—	—	—	—	—	—	—	353
Рамна	84	—	—	—	—	—	—	—	—	—	432
Савлякъ	215	—	200	1067	1256	—	—	—	—	—	1156
Синекли	253	—	—	—	—	—	—	—	60	—	1327

Мутесарифский Сересъ.

М у т е с а р и ф л и н ь С е р е с ь.

Каза Демиръ-Хисаръ.	Число домовъ.	Ч и с л о ж и т е л е в ь.										В с е г о .
		Турецкъ осман- ліевъ.	Славянъ экзар- хистовъ.	Славянъ патри- архистовъ.	Славянъ унаг- итовъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стянъ.	Грековъ мусуль- манъ.	Влаховъ хри- стянъ.	Влаховъ мусуль- манъ.	Евреевъ.	
Нахія Демиръ-Хисаръ.												
Спатово	201	200	842	—	—	—	—	—	—	—	—	1042
Тартата	22	73	—	—	—	—	—	—	—	—	—	73
Тодорикъ	83	300	—	72	—	—	—	—	—	—	—	372
Хаджи-Бейликъ	97	—	523	—	—	—	—	—	—	—	—	523
Харкъ	25	88	—	—	—	—	—	—	—	—	—	88
Ходжа	24	147	—	—	—	—	—	—	—	—	—	147
Храсна	76	—	245	—	—	—	—	—	—	—	—	245
Чавдарли	31	135	—	—	—	—	—	—	—	—	—	135
Червица	100	200	263	—	—	—	—	—	—	—	—	523
Черешница	79	—	307	—	—	—	—	—	—	—	—	307
Чешке	34	159	—	—	—	—	—	—	—	—	—	159
Чефирли	16	—	—	66	—	—	—	—	—	—	—	66
Чифитчикъ	48	—	—	251	—	—	—	—	—	—	—	251
Чифликъ	25	88	—	—	—	—	—	—	—	—	—	88
Янова	56	—	—	200	—	—	—	—	—	—	—	200
Итого въ Нахія Демиръ Хисаръ	6213	10945	14690	7438	—	156	—	—	1402	—	—	34631
Нахія Горно Порой.												
Горно Порой	559	300	1969	—	—	—	—	—	—	—	—	3019
Глабочица	41	—	—	200	—	—	—	—	—	—	—	200
Дере Тополникъ	103	414	—	—	—	—	—	—	—	—	—	414
Долно Порой	320	1000	688	—	—	—	—	—	—	—	—	1688
Долно Тополникъ	91	—	375	—	—	—	—	—	—	—	—	375
Кеседжи чифликъ	34	—	—	255	—	—	—	—	—	—	—	255
Матница	303	1206	400	—	—	—	—	—	—	—	—	1606
Палмешъ	207	—	—	—	—	1031	—	—	—	—	—	1031
Св. Петка	165	350	—	440	—	—	—	—	—	—	—	790
Срѣдне Тополникъ	122	689	—	—	—	—	—	—	—	—	—	689
Шуково	255	600	697	—	—	—	—	—	—	—	—	1297
Итого въ Нахія Горно-Порой	2000	4559	4129	895	—	1031	—	—	750	—	—	11364
Всего въ Казѣ Демиръ-Хисаръ	8413	15504	18819	8333	—	1187	—	—	2152	—	—	45995
Каза Зихна.												
Зиляхово	640	800	—	—	—	—	1624	—	—	—	—	2424
Алистратикъ	600	500	—	1865	—	—	—	—	400	—	—	2565
Амфирополи	18	—	—	—	—	—	90	—	—	—	—	90
Анастасія	25	—	—	142	—	—	—	—	—	—	—	142
Витачище	181	200	—	—	—	—	773	—	—	—	—	973
Волчица	48	75	—	—	—	—	175	—	—	—	—	225
Восилово	135	300	—	—	—	—	381	—	—	—	—	681

М у т е с а р и ф л и къ С е р е с ъ.

Каза Зихна.	Число домовъ.	Ч и с л о ж и т е л е й.										В с е г о .
		Турокъ осман- мисовъ.	Славянъ эзар- хистовъ.	Славянъ чатр- архистовъ.	Славянъ уна- говъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стянъ.	Грековъ мусуль- манъ.	Влаховъ хри- стянъ.	Влаховъ мусуль- манъ.	Евреевъ.	
оренци	75	—	—	—	653	—	—	—	—	—	—	653
раменце	68	—	—	—	368	—	—	—	—	—	—	368
рачанъ	65	—	—	—	263	—	—	—	—	—	—	263
жанось	42	165	—	—	214	—	—	—	—	—	—	165
оксать	35	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	135
рачево	55	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	214
здравикъ	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	253
зихна	43	100	—	—	—	—	—	—	—	—	—	226
Игра Дере	180	880	—	—	—	—	—	—	—	—	—	940
Балапотъ	350	—	1537	—	—	—	—	—	—	—	—	1537
Бардуково	380	500	—	—	1522	—	—	—	—	—	—	2022
Белепутна	150	—	512	—	300	—	—	—	—	—	—	812
Бормина	198	250	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1129
Бобочекъ	62	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	304
Бюль-Кий	390	300	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2100
Беквица	303	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1639
Бандилово	62	150	—	—	184	—	—	—	—	—	—	384
Буска	75	—	—	—	422	—	—	—	—	—	—	522
Бровище	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	259
Бетелинъ	32	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	153
Борна	90	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	570
Бравища	200	250	—	—	—	—	—	—	—	—	—	952
Бершево	18	—	—	—	107	—	—	—	—	—	—	107
Бадоліево	650	400	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3469
Бяхово	120	330	—	—	—	—	—	—	—	—	—	666
Бкиржево	260	—	1350	—	—	—	—	—	—	—	—	1350
Болонъ	32	60	—	—	—	—	—	—	—	—	—	165
Брестеница	50	—	—	—	244	—	—	—	—	—	—	244
Бумба	23	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	193
Банджиста	95	20	80	—	—	—	—	—	—	—	—	480
Беково Зихненское	62	342	—	—	—	—	—	—	—	—	—	342
Беково Среднее	23	228	—	—	—	—	—	—	—	—	—	228
Беково Серкое	27	261	—	—	—	—	—	—	—	—	—	261
Бепелдже	25	198	—	—	—	—	—	—	—	—	—	198
Беренленъ	80	300	—	—	—	—	—	—	—	—	—	619
Беленность	120	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	650
Бешалтось	250	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1356
Всего въ казѣ Зихна.	6427	6939	3479	6084	—	—	16041	—	510	—	—	33053
Во всемъ мутесариф- ликъ Сересь	72761	93093	128417	40861	1513	47777	53734	590	5719	—	200	371904

Мутесарифликъ Драма.

М у т е с а р и ф л и къ Д р а м а .

Каза Нахія	Число жителів.	Число мушків.						Всего.
		Турок, осман- ських.	Славянъ эзар- хистовъ.	Славянъ патрі- архистовъ.	Славянъ уні- тарівъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стиянъ.	
Дреново.	93	287						487
Едирнеджикъ.	162	—						886
Ейладже.	80	396						396
Загоричъ.	135	706						706
Затуши.	85	439						439
Иси-Ялчаръ.	9	43						43
Искренево.	18	99						99
Калубчаръ.	41	234						234
Калево.	37	197						197
Кара-бучакъ.	68	355						355
Кара-пъзъ.	61	243						243
Караджа.	41	209						209
Кара-Чали.	19	67						67
Катонъ.	147	642						642
Козница.	84	414						414
Козлено.	154	883						883
Конищанъ.	72	279						279
Краинца.	51	249						249
Кубалица.	118	360	300					660
Куртадаръ.	22	153						153
Дутрилово.	8	24						24
Къочелникъ.	17	108						108
Кючюкъ-Кюй.	34	188						188
Левтере.	3	12						12
Лейлекертъ.	23	122						122
Лещанъ.	54	—						222
Лютинъ.	34	357						357
Лишавъ.	27	—						143
Макрошъ.	44	255						255
Мехметъ-бей.	4	18						18
Минара.	14	70						70
Пусратли.	173	1053						1053
Орманли.	40	273						273
Пелланъ.	53	318						318
Шерчини.	159	—						525
Цепелетъ.	89	—						525
Цасвия.	348	—	1898					1898
Рабешъ.	24	112						112
Равни.	96	614						614
Радибошъ.	91	430						430
Рачники.	36	192						192
Раховника.	187	1049						1049
Синевдрикъ.	35	75						175
Сидерово.	130	695						695
Тархухортъ.	12	63						63
Токлево.	35	213						213
Тимута.	57	311						311
Тухамъ.	37	159						159
Ула-бекташъ.	88	525						525
Фотолигочъ.	38	107						107
Хазъаръ.	65	313						313
Хамидіе.	91	566						566
Хельванъ.	64	340						340
Чай.	11	56						56

М у т е с а р и ф л и къ Д р а м а .

Мутесарифлинъ Драма.

Каза Нахия	Число домов.	Число домов.										Всего.	
		Турокъ осман- лесь.	Славянъ экизар- хисторъ.	Славянъ патрі- архисторъ.	Славянъ уна- тозвъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стиянъ.	Грековъ мусуль- манъ.	Влаховъ хри- стиянъ.	Влаховъ мусуль- манъ.	Евреевъ.		
Кулджаларъ	25	125											125
Куру-дере	80	400											400
Куру-хумаюнъ	25	125											125
Кюпир-башы	7	35											35
Кызы-богу	15	75											75
Кызы-бунаръ	12	—											60
Мендженое	400	1600											1600
Мураджикъ	10	50											50
Муратли	40	200											200
Мустафъ-уларъ	50	250											250
Мустафа-Паша	4	20											20
Недерли	100	500											500
Олуджакъ	200	800											800
Органджиларъ	18	90											90
Сепетчилеръ	26	130											130
Сугутъ-бей	3	15											15
Су-сигари	20	100											100
Тундеръ	15	75											75
Узунъ-Киой	200	1000											1000
Хаджи Еминъ-Ага	8	40											40
Халобъ	30	150											150
Чейлакъ	250	1000											1000
Чобанли	80	400											400
Юрукъ-Хусеинъ	5	25											25
Юсуфъ-бей	5	25											25
Всего въ Казѣ Сары-Шабанъ	2898	13530	—	—	—	—	—	110	—	—	—	—	13640
Каза Прависта.													
Прависта	500	1400											2900
Бобленъ	110	400											550
Бостанли-махале	90	450											450
Будахоръ	246	600											1230
Койранъ	160	150											800
Димири	50	850											250
Драничъ	80	—											400
Дрезна	113	—											565
Дреново	40	—											200
Ени-Киой	22	—											110
Инамли-махале	10	50											50
Каззата	5	—			25								25
Кенали	74	370											370
Мисоропи	350	—				250							1600
Когенъ	50	250											250
Коикаръ	70	350											350
Лефтера	150	200											750
Мандиль	50	—											250
Мустена	375	600							1250				1850

М у т е с а р и ф л и къ Д р а м а .

М у т е с а р и ф л и к ъ Д р а м а .

Каза Кавала.	Число домовъ.	Ч и с л о ж и т е л е й.										В с е г о .	
		Турокъ осман- лисъевъ.	Славянъ экзар- хистовъ.	Славянъ на гр- архистовъ.	Славянъ ун- гровъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стянъ.	Прекоръ мусуль- манъ.	Влаховъ хри- стянъ.	Влахоръ мусуль- манъ.	Евреевъ.		
Пернишово.	101	505											505
Джари .	13	65											65
Чинаръ .	22	110											110
Костигазъ .	19	95											95
Полечка.	2	10											10
Василаки .	5	—											5
Чарпенги .	2	5											5
Бадемли .	3	15											15
Всего въ Казѣ Кава- ла.	5724	17150	—	—	—	3440	10030	—	—	—	—		30620
Во всемъ Мутесариф- ликѣ Драма . . .	23189	81756	3198	3057	—	6568	24581	—	—	—	—		119160
Во всемъ же Солун- скомъ Вилаетѣ . .	197417	361584	248429	131258	3673	87842	179591	3794	22824	3917	48050		1090962

A. A. Ростковский.

О Т ДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Путешествіе антіохійскаго патр. Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка. Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса. Вып. I. М. 1896 г. X + 156 и вып. V. М. 1900 г. V + 245, съ приложеніями.

Для настоящей замѣтки мы нарочно выбрали первый и пятый выпуски интереснаго по содержанію путешествія патр. Макарія, потому что въ обоихъ этихъ выпускахъ авторъ путешествія, архидіаконъ Павелъ описываетъ Молдавію и Валахію, и своимъ точнымъ и многорѣчивымъ описаніемъ оказываетъ большую услугу для румынскай археодогіи и этнографії. Въ остальныхъ выпускахъ архид. говорить о Россії, и, несомнѣнно, его показанія будуть проізвѣрены другими рецензентами и указанъ ихъ интересъ для исторіи и этнографії Россії.

Описаніе путешествія любознательнаго и наблюдательнаго архид. Павла представляеть исключительное явленіе въ ряду остальныхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ придунайскія земли, такъ-какъ авторъ описанія былъ поставленъ въ условія, весьма благопріятныя для наблюденій и изученій: высокаго путешественника, т. е. патр. Макарія со всей его свитой всюду принимали, все показывали и, навѣрно, при этомъ давали саиыя подробнія объясненія, такъ-что Павлу оставалось только записывать все слышанное и виданное, снабжать свои наблюденія остроумными замѣчаніями или-же украшать описаніе лирическими восклицаніями, такъ характерными для его живой и увлекательной рѣчи. Архид. Павлу не разъ приходилось описывать такія зданія и предметы и таніе обычая, которыхъ теперь не существуетъ; одновременно съ этимъ онъ не разъ отмѣчалъ и такія явленія въ жизни румынскаго народа, существование которыхъ для половины XVII вѣка очень важно въ дѣлахъ этнографическихъ изученій. Указывать все, чѣмъ можетъ быть интересно въ описаніи этого путешествія, едва-ли необходимо. Отмѣтимъ только то, что болѣе бросается въ глаза при чтеніи путешествія: описаніе жилищъ и одѣжды молдованъ (гл. II), пріемовъ при дворѣ Василія воеводы (гл. VII) и пировъ (гл. VIII и др.), погребальныхъ обычаевъ (гл. XIII), характеристика валаховъ и ихъ страны (кн. III, гл. I), описаніе свадьбы (гл. V) и похоронныхъ обрядовъ (гл. VI), описаніе чина поставленія нового господаря (гл. IX), рудниковъ и работъ въ нихъ (гл. XII), цыганъ золотопромышленниковъ (кн. XIII, гл. VII), другое описаніе свадьбы и похоронъ (гл. XII), о румынскихъ евреяхъ (гл. XIV), описаніе мельницы (гл. XVI) и многое другое.

Интересны его разсказы о греческой рукописи толкованій на Псалтырь «изъ царскаго книгохранилища св. Софіи» (вып. V, стр. 27), принадлежавшей постельнику Константину Кантакузену, получившему между прочимъ образованіе въ Кіевской академіи и автору извѣстныхъ виршъ въ честь Богоматери. Это извѣстіе архид. Павла даетъ одинъ изъ отвѣтовъ на тотъ вопросъ проф. А. И. Соболевскаго объ исчез-

иувшай или иынъ разрозненай Константинопольской царской библіотекъ, который почтенный ученый сдѣлалъ на страницахъ «Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ».

Въ IV главѣ XIII книги (стр. 22 и 23-я). Архид. Павель разсказываетъ о томъ, что однажды венгры обидѣли на базарѣ въ г. Тырговищѣ одного румелійскаго бѣднаго епископа и отняли у него единственную его лошадь, которую тѣтъ вывѣль на базаръ для продажи. Семеро венгровъ должно поклялись, что эта самая лошадь принадлежитъ одному изъ нихъ, несмотря на то, что и у епископа нашлось-бы до сорока свидѣтелей, которые тоже могли бы засвидѣтельствовать, что лошадь принадлежитъ ему, самъ господарь долженъ быть уступить венгерскому капитану и оставить лошадь за нимъ. Здѣсь Павель, очевидно, говорить о томъ институтѣ «сокѣтъенниковъ», который румыны заимствовали съ давнихъ временъ, по мнѣнію проф. И. Богдана, у соседей слакянъ (см. его конференцію *Cultura veche româna*, pag. 56—57), а по мало-основательнымъ увѣреніямъ проф. А. Ксенопола у итальянцевъ или даже у римлянъ (*Istoria romanilor*, etc. ed. populară, vol. VII, pag. 93).

Въ I главѣ XIV книги архид. Павель говоритъ о народныхъ метеорологическихъ примѣтахъ (стр. 67), въ главѣ VII о коронованіи нового вадашкаго господаря, и въ послѣдней главѣ той же книги о рыбныхъ ловляхъ на Дунай. Но самыи важныи изъ этнографическихъ его замѣтокъ вынадаютъ на долю румынскихъ словъ и названий, а также ихъ объясненій и отдельныхъ наблюдений въ описаніи монастырей съ ихъ сокровищами и монашеской жизнью, торжественныхъ процессій, служеній, господарскихъ приемовъ и безконечныхъ перѣѣздовъ по равнинамъ Валахіи въ разное время года и при разныхъ обстоятельствахъ. Насколько все это важно и интересно для исторіи и этнографіи Румыніи, показываетъ списокъ — далеко впрочемъ не полный тѣхъ изслѣдований на румынскомъ языке, въ которыхъ мы нашли ссылки на Путешествіе Павла. Около этого же времени, несолько раньше, по Румыніи путешествовалъ католический епископъ Бандиній, который оставилъ описание путешествія своего на латинскомъ языке (*Codex Bandinii*). Но все его разсказы — въ сравненіи съ занимательными описаніями архид. Павла поражаютъ своею сухостью и краткостью. Это скорѣе журналъ путешествія католического ревизора, обозрѣвавшаго церкви католическихъ епархій въ Румыніи и Бессарабіи, чѣмъ чисто-литературное или научное описание малоизвѣстныхъ и оригинальныхъ, по условіямъ жизни, странъ.

Просматривая пятый выпускъ Путешествія, мы были пріятно поражены небольшой замѣткой въ самомъ концѣ книги, гдѣ переводчикъ говоритъ, что «исправлениемъ именъ монастырей и селеній румынскихъ въ этомъ выпуске мы обязаны А. И. Яцимирскому, которому приносимъ нашу благодарность». Къ сожалѣнію, почтенный арабистъ забылъ, что намъ принадлежитъ и большая часть примѣчаній къ тексту, касающихся не только исторіи монастырей, но подчасъ и филологическихъ справокъ. Поэтому считаемъ пріятнымъ долгомъ напомнить объ этомъ многоуважаемому Георгію Абрамовичу.

Теперь перейдемъ къ указанію тѣхъ пробѣловъ, которые мы замѣтили въ настоящемъ переводѣ и библиографическихъ справкахъ въ предисловіяхъ переводчика къ обоимъ выпускамъ. Оказывается, переводчику неизвѣстно существованіе румынского перевода, какъ съ подлиннаго арабскаго текста, такъ и съ англійскаго, вышедшаго въ Румыніи еще въ шестидесятыхъ годахъ. Пространный переводъ по тексту Бельфура былъ сдѣланъ академикомъ Варбу Петричейку Хыждеу и напечатанъ въ его капитальномъ изданіи *Arhiva istorică a României* vol. I, 2, р.р. 59—111. Въ предисловіи къ этому переводу г. Hajdeu (pag. 68), отмѣчая трудность перевода съ искаженного уже англійскаго переводчика, не понимавшаго многихъ техническихъ названий въ описаніи церквей и ихъ сокровищъ, обѣщаѣтъ дать «переводъ непосредственно съ арабскаго языка». Но до сихъ поръ подобнаго перевода не вышло, и румынскіе ученые должны были довольствоваться далеко не исправнымъ румынскимъ переводомъ въ названномъ историческомъ сборникѣ.

Гораздо большее значеніе имѣютъ статьи извѣстнаго фольклориста и восточника д-ра М. Гастера, который перевѣль три отрывка изъ Путешествія Павла непосредственно съ арабскаго языка. Первый изъ нихъ представляетъ «Описаніе церкви трехъ святителей въ г. Яссахъ», напечатанное во второмъ томѣ изданія проф. Григорія

Точилеску. *Revista peutra istorie, archeologie și filologie*, an. I, vol. II, р.р. 415—417, съ приложением подлинного арабского текста, воспроизведенного на отдельном листе (fig. 11). Этот отрывок остался непереведенным и у Бельфура. М. Гастеръ указывает на трудность перевода этого текста, (въ переводѣ ему помогалъ доцентъ Бреславского университета д-ръ Френкель), полнаго греко-арабскихъ техническихъ выражений; и действительно, г. Гастеръ дѣлаетъ нѣсколько ошибокъ: пропускаетъ слова «Всякое дыханіе», оставляетъ безъ перевода выраженіе *abnîshar* т. е. *Epî șot χárei*, не понимаетъ слова *tarianhas* (*triannas*)?—люстра, *kirait*—хуриентъ; переводить словомъ *стасидія* = *strană* вм. аналой или книжный шкафъ (?) и т. д. Второй отрывокъ послужилъ ему материаломъ для статьи «*Grosveniile cosacilor sub Hmelnitzchi in anii 1648—58*», т. е. «*Звѣрства казаковъ Хмельницкаго въ 1648—58 гг.*», помѣщенной въ букарештскомъ изданіи румынскаго сюниста д-ра М. Шварцфельда *A piag peutru israeliti* vol. XVI, an. 1895, р.р. 1—15. Въ предисловіи онъ касается вопроса о преслѣдованіяхъ и истязаніяхъ евреевъ въ разныхъ европейскихъ странахъ, главнымъ образомъ, въ Польшѣ и придунайскихъ княжествахъ въ XVI и XVII вв. Наконецъ, третій отрывокъ подъ заглавіемъ «*Евреи въ Краювѣ и Тырговищѣ въ 1657-мъ году*» (изъ сообщеній въ историческомъ Обществѣ Юляя Бараша) касается разсказа архид. Павла о крещеніи хахамъ еврейскомъ Асанасіи и его дѣятельности на почвѣ крещенія другихъ евреевъ, и напечатанъ почтеннымъ гебраистомъ въ томъ-же «*Ежегодникъ для евреевъ*» д-ра М. Schunarezfeldа на 1887—88 г., ап. X-ва, р.р. 199—202 (соответствующій переводъ Г. Муркоса въ V выпускѣ на стр. 54—56), также съ нѣсколькими неточными выраженіями и даже пропусками.

Кромѣ того, переводомъ г. Хыждеу румынскіе ученые пользовались очень часто такъ-какъ описанія архидіакона Павла-какъ мы сказали выше—имѣютъ большое значеніе для археологии и этнографіи румынъ. Укажемъ на нѣкоторыя изъ такихъ замѣтковъ. Федоръ Бурада въ «*Описаній церкви св. Архангеловъ въ с. Скынѣѣ, основанной по преданію Стефаномъ Великимъ, приводить слова архид. Павла, относящіяся къ этой церкви, причемъ дѣлаетъ заключеніе, что Павель не преминулъ бы замѣтить объ основателѣ ея, воеводѣ Стефанѣ, если-бы послѣдній на самомъ дѣлѣ ее основалъ; поэтому, скорѣе она построена Василиемъ Лупу (*Revista p. istorie, archeologie etc.*, vol. IV, pp. 717—719).*

Тотъ же ученый, приводя славянскую надпись на каменномъ мостѣ 1636-го года въ Васлуйскомъ уѣздѣ, говорить что въ началѣ своего путешествія архид. Павель говорить объ этомъ именно мостѣ (см. его замѣтку въ томъ же изданіи *Fr. Tocilescu*, vol. I, pp. 428—430). Преосв. Мелхисидекъ еписк. Романскій († 1892 г.) очень часто пользуется свидѣтельствами архид. Павла въ своемъ капитальномъ изданіи «*Notite istorice si archeologice, adunate de pe la multe monastiri, ii bisericî, antice din Moldova*», Bucur. 95 ап., pp. 21, 134, 181 и слѣд., 191, 198, 208, 214, 216, 218, 222, 236, 247, 311, 315 и др., напримѣръ, о времени оставленія кафедры митр. Варлаамомъ, описание Васлуйской церкви, объясненіе слова *simboli*, *tempă*, *analoiu*, объ училищахъ Василия воеводы въ Яссахъ, описание монастырей Голіи и св. Саввы, монастыря Пречистой въ Галацахъ и др. У того же автора въ I томѣ его монографіи *Chronica Romanului și a episcopiei de Roman*, pag. 268 приведено описание романской митрополичьей церкви и ея святынь; причемъ въ З примѣчаніи еписк. Мельхиседекъ исправляетъ ошибку Павла или же переводчика его, Бельфура, о томъ, когда именно начался рождественскій постъ въ 1653-мъ году (соответствующее мѣсто у Г. Муркоса въ I вып. на стр. 111-й и раньше). Но конечно, больше всего ссылокъ на Путешествія Павла находимъ у проф. Ясского университета Александра Ксеноопола, *Istoria romanilor din Dacia Traiană* ed. populară, vol. III, р. 148, vol. VII, pp. 8, 10, 11, 41, 42, 58, 61, 128—135, 198, 290, vol. VIII, pp. 160, 161, 164—166, vol. IX, р. 93 и др. Показанія архид. Павла не только даютъ историку Ксеноополу любопытныя указанія на бытъ и нравы при молдавскомъ и валашскомъ дворахъ въ половинѣ XVII вѣка, но часто исправляютъ хронологическія неточности, свидѣтельствуютъ о древности нѣкоторыхъ учрежденій, памятниковъ, даютъ живыя характеристики историческихъ дѣятелей и т. д. Къ сожалѣнію, впрочемъ, г. Ксеноополь относится къ рассказамъ архид. Павла

не всегда достаточно критически, въ особенности, когда послѣдній приводить цифры. Нѣсколько ссылокъ мы нашли также въ недавно вышедшемъ изданіи Букарештскаго Географическаго Общества «Marele Dictionar Geografic al României» vol. I, pp. 117, 723 и др. Особенно драгоценныя свѣдѣнія оставилъ архид. Павель для исторіи букарештскихъ церквей и монастырей, собранныя въ капитальномъ трудѣ академика D. Ionescu-Gion, *Istoria Bucurestilor*, 1899 ап., въ особенности главы III, VI, VII, VIII и IX. На русскій переводъ Путешествія архид. Павла ссылается и Алексѣй Панио въ своей Исторіи Бессарабіи, ч. II, въ очеркѣ быта румынской жизни XVII вѣка. M. Schwarzfeld приводить слова Павла о положеніи евреевъ во время нашествія казаковъ Хмельницкаго въ 1653-мъ г. ду, въ статьѣ «Ochire asupra istoriei evreilor în România» Anuag. р. israeliti, an. X, pag. 27 и мн. др. Однимъ словомъ, едва-ли можно найти какое нибудь серьезное изслѣдованіе по исторіи Румыніи безъ ссылокъ на путешествіе архид. Павла.

При видимой тщательности перевода и безукоризненномъ и легкомъ для чтенія русскомъ языке, въ переводѣ есть нѣсколько неточностей главнымъ образомъ реального характера, въ которыхъ мы и укажемъ.

Описывая церковь въ г. Васлуй, архид. Павель подробно останавливается на картинѣ страшного суда надъ вратами церкви. Во главѣ турокъ, изображенныхъ—по-видимому въ аду или предъ Судьею, «идетъ кашидбари въ шапкѣ, и одинъ изъ злыхъ чертей карабкается къ нему на плечи и срываетъ съ него шапку» (вып. I, стр. 47). Въ другомъ мѣстѣ, передавая слова бывшаго еврейскаго хахама, архидьякона говоритьъ, что «законъ кашидъяри и его послѣдователей по еврейски именуются «габель». (вып. V, стр. 55). Это слово въ одинаковой, приблизительно, передачѣ понимается съ большими трудомъ и переводчиками оставлено безъ всякихъ объясненій. Мы склонны видѣть здесь еврейскія возванія Дьявола—Hasidim или правильнѣе Schedim. Кроме того можно предложить другое объясненіе. Павель разсказываетъ въ другомъ мѣстѣ, что «въ монастырѣ Житъянъ мы видѣли сатану нарисованнымъ въ образѣ чернаго пляшущаго медведя» (вып. V, стр. 56-я). Поэтому, если слово «кашидъяръ» написанное по румынски т. е. casidiari разложить на три разныхъ слова casidiari (или dearea), то можно перевести «какъ будто барабанщикъ при ученомъ медведѣ» (Băgătătorul). Возможно, что любознательный архидьяконъ запомнилъ это румынское, очень меткое въ данномъ случаѣ, выраженіе и употребляетъ его, какъ цѣльное слово. Подобные примѣры мы отмѣтили и далѣе въ настоящей замѣткѣ.

Въ примѣчавіи къ румынскому слову *heles, teu* (у Павла халистау) г. Муркосъ говоритъ, что «авторъ, повидимому, принимаетъ это слово за собственное имя (вып. I, стр. 48). Но это предположеніе не вѣрно, потому-что Павель прямо говоритъ: «прудъ называемаго ва ихъ языке халистау» (стр. 48), на берегу большого пруда, то-есть халестау или садка для рыбъ» (стр. 65), «близъ хелештеу монастыря Бырновскаго т. е. великаго пруда близъ Ясъ» (стр. 153), «огромнаго озера, называемаго халистау» (стр. 153), «подойдя къ хелештеу имъ устроенному, онъ сѣлъ обѣдать (вып. V, стр. 76). Отъ этого слова получили названія нѣкоторыя села въ Молдавіи, напримѣръ Helestenii въ округѣ Романа и др. (Melchisedek, *Not. istorice etc.*, pag. 141).

Слово «хорось» по недосмотру объяснено одинаково на двухъ почти соседніхъ страницахъ (I стр. 48 и 51); излишнимъ является объясненіе слова «Синаксарь» (I, стр. 53), которое лучше-бы передать совершенно понятнымъ и общеупотребительнымъ «Прологъ»; румынское слово *sigte*—дворецъ передано чрезъ корту (I, стр. 54, 59 и 122), причемъ въ V выпускѣ оно вѣроятно разъ передано уже вполнѣ исправно; слово «драбанть» взято румынами уѣмцевъ вѣстѣ съ введеніемъ института наемниковъ, несомнѣнно, съ древнихъ временъ, и «персидское его происхожденіе ни причемъ (вып. I, стр. 54 прим.); название господарыни во всемъ первомъ выпускѣ передается чрезъ «домина» (вѣроятно подъ вліяніемъ латинской формы *domina* вм. *domina*; арабское слово *kirait* и вся эта фраза передана неточно у M. Гастера *in fie-care chor se află către o stăpână*—въ каждомъ хороѣ находится по стасидіи (*Revista p. istorie etc.* vol. II, pag. 416) и у Г. Муркоса «на каждой сторонѣ хороа есть книжный шкафъ (вып. I, стр. 64); это мѣсто мы предлагаемъ перевести такъ:

«при каждой стаси находится аналой» (въ когоромъ, конечно хранятся и богослужебныя книги). Архид. Павель между прочимъ говѣрить, что въдь управлениемъ молдавскаго митрополита находятся «три епископа, изъ коихъ одинъ—упомянутый епископъ Романа, второй—епископъ округа Хушъ, третій—епископъ Орханіи и его округа (I, стр. 111). Переводчикъ видѣть въ послѣднемъ изъ нихъ название нынѣшняго г. Оргеева, Бессарабской губ.; и дѣйствительно архид. Павель въ другомъ мѣстѣ, называя его Орхай, указываетъ, что и здѣсь епископская кафедра, какъ мы о томъ упоминали» (вып. I, стр. 153). Но съ этимъ согласиться трудно, и скорѣе всего у Павла какая нибудь путаница, потому—что этому противорѣчить слѣдующая за тѣмъ фраза «поль вѣдѣніемъ послѣднаго—два другихъ епископа въ странѣ унгровъ т. е. мадьяръ» (вып. I, стр. 111). Это скорѣе всего городъ гдѣ нибудь въ Трансильваниѣ; быть можетъ ему говорили о городѣ Orastie, гдѣ въ XVI вѣкѣ печатались славяно-румынскія книги; тѣмъ болѣе что въ Оргеевѣ никогда не было епископской кафедры. Монастырь Домны, о которомъ говорить Павель въ I главѣ, XIII книги, это—Ясскій монастырь Голія, не разъ упоминаемый въ I выпускѣ, напримѣръ въ главѣ VIII и стр. 64 и др., а не тотъ, о которомъ имѣются свѣдѣнія въ цитируемой переводчикомъ книѣ (вып. V стр. 2, прим. 2). Нѣкоторыя названія переданы не вполнѣ точно: вмѣсто Тратушъ должно быть Тотрушъ (вып. V, стр. 3). и др.

Считаемъ также необходимымъ разъяснить недоумѣніе переводчика по поводу значенія должности великаго дворника и логооета у Палаузова и Накко (вып. V прим. 1 къ стр. 5-й и слѣд.). По объясненію молдавскаго лѣтописца Урѣке, великій дворникъ бытъ «главный судьей въ округѣ—*judecător mare în acele părți*». А. Д. Хеноролъ прибавляетъ, что дворникъ вѣдалъ и дѣла чисто административныя (*atribuție de osigurare*), причемъ судиль онъ при господарскомъ дворѣ—*judecastorul curtei* (*Istoria românilor etc. ed. popular, vol. III, pag. 163*). Великій же логооетъ вѣдалъ и скрѣплять исключительно грамоты, выходившія изъ господарской канцеляріи и хранилъ господарскую печать (*ibidem*). Петръ II Хромой не былъ въ 1567 году изгнанъ въ Малую Азію. Изъ Павла же Алеппскаго узнаемъ теперь, что онъ былъ сосланъ въ Алеппо, въ верхней Сирии» (вып. V, стр. 5 прим. 3). Во-первыхъ, это не въ той по счету Петръ, а пятый, правившій въ 1574—1579 гг. Онъ былъ сосланъ турками въ концѣ 1579 года, какъ пишетъ австрійскій посолъ въ Константинополь Zinzen dorff 15-го явваря 1580-го года: «Петръ свергнутъ съ престола турками за его двуличіе, арестованъ и сосланъ въ Алеппо. Но его жена и дѣти надѣются на то, чѣо онъ будетъ снова посаженъ на престолъ (*ibidem. vol. V, pag 97*). Слѣдовательно, о «сынѣ Петра въ Алеппо мы знаемъ не изъ Павла Алеппскаго, а иль современного донесенія австрійскому двору.—Слово крепдели (вып. V, стр. 7) мы заходимъ лучше замѣнить болѣе точнымъ «калачи» рум. *colaci*. Глосса къ слову «качидалось» (куцо-влаховъ?) ничего не имѣть общаго съ объясненіемъ самого автора «т. е. цыганъ, монастырскихъ рабовъ» (V, стр. 9). Это, по всей вѣроятности, тотъ же оборотъ, который мы предложили въ объясненіе слова «кашидари», т. е. *качидалось* состоять изъ *casă falos* = какъ будто презрѣнны, обычное прозвище цыганъ. На такія объясненія нась еще наталкиваетъ толкованіе самимъ Павломъ названія одного монастыря въ Валахіи Каишур, т. е. «убогій домъ» (вып. V, стр. 20). Опять, разложивъ на составныя части, получимъ чисто румынское выраженіе *саша, ига*, т. е. какъ будто овнъ, сарай для зерна. Очень возможно, что путники ему сдѣлали подобное замѣчаніе, а Павель его записалъ, принять за собственное имя. Даты правленія Раду Негру, приводимыя переводчикомъ—«около 1241 г. 1264 г., совершиенно не вѣрны (вып. V, 44 прим.), а должны быть: 1292-го года (по Ал. Ксенополу). Вмѣсто Белаша (стр. 17) должно быть Белаша, ви. Олть должно быть Олть (стр. 24), ви. Половрась (у Павла «Бульваржъ» V, стр. 35) должно быть Половрачъ и др.). Глосса переводчика къ названію рѣки Жіу (Шиль) (стр. 44, прим. 1) основана на произвольномъ толкованіи архид. Павла названія города Тыргушора (у него—Тыргомішъ) отъ словъ «тырео означаетъ базарь, а *мішъ* название рѣки» (стр. 35), въ то же время когда суффиксъ *-ог* означаетъ уменьшительное имя, т. е. *Tărgu-ăog* = го родокъ, а такой рѣки съ названіемъ *Săil* совсѣмъ нѣтъ.

Во всемъ первомъ выпускѣ, который мы не имѣли возможности просмотрѣть раньше его напечатанья, собственныя названія и имена передаются очень непослѣдовательно: на ряду съ точной русской транскрипціей арабскихъ начертаній согласно рукописи, иногда мы находимъ современные вѣмѣцко-руссія названія, которыхъ не уразумѣль-бы ни одинъ румынъ: иногда болѣе правильное название выведено въ скобки или наоборотъ, иногда въ примѣчаніи и т. д. Дѣло въ томъ, что у архид. Павла на ряду съ фонетически точными названіями, записанными имъ согласно румынскому произношенію, встрѣчаются названія, по которымъ можно только догадываться: о какомъ именно мѣстѣ онъ говорить. Послѣднее, по нашему мнѣнію, происходитъ отъ того, что автору въ большинствѣ случаевъ передавали эти названія его спутники и переводчики греки, которые всегда искали твердые румынскіе звуки. Выпишемъ, напримѣръ, такія же греческія по окончаніямъ или формамъ названія: Василури ви. Васлуй (I, стр. 47), баркаламъ ви. пырколабъ (I, стр. 45), бостеникось ви. постельникъ (I, стр. 51), менимча или бениса ви. рум. besciu = погребъ (I, стр. 72) или пивница (V, стр. 37, 48 и др.), название сорта яблокъ василико ви. рум. domnesti = царскіе, господскіе (I, стр. 78), сатража ви. стража (I, стр. 92), сотникось ви. сотникъ (I, стр. 93), Нистростъ ви. Nistru или Дыѣстръ (I, стр. 104), грамматикось ви. грамматикъ т. е. секретарь (I, стр. 140), пастрофось ви. пѣстръ (V, стр. 26) и мн. др. Въ то же время г. Яссы называются чрезвычайно правильно по-румынски Яшъ (I, стр. 49). Иногда переводчикомъ сдѣланы исправленія, напримѣръ, г. Васлуй, а въ подлиннике стоять Fasiludi (Rezista p. istologie etc., vol. II, pag. 416), Тырговище — Доргашту (I, стр. 97), Сучава — Сатжао (I, стр. 98), Ццора — Татцура (I, 153), Жижу — Зиза (ibid.), Бузоу на стр. 152, а на 113-й — Бутза, Рымникъ на стр. 152, а на 113-й — Римнико и т. д. Трансильванскій баштъ Ракоци въсюду называется Ракочи (I, 87 и мн. др.).

Такимъ образомъ, остается пожелать, чтобы скорѣе былъ изданъ арабскій текстъ и привлечена къ изученію лондонская рукопись. Тогда многія сомнѣнія разснятся. Жаль также что въ концѣ послѣдняго выпуска не приложена карта съ означеніемъ пути слѣдованія патр. Макарія. Не менѣе интереснымъ былъ бы очеркъ сношеній антіохійской патріархіи съ румынскими монастырями и іерархами, подобно тому, какъ въ приложениі къ послѣднему выпуску находимъ очеркъ, касающійся такихъ же сношеній съ московскимъ дворомъ. Матеріалы для него нашлись бы въ слѣдующихъ книгахъ: *Par a dorul o - Calimach, Un episod din istoria tipografiei in Rumania. (A palele Academiei Române)*; *A. Хенорол, Istoria românilor etc., vol. VII, pag. 264, vol. IX, pag. 196; Melchisedec epis., Notitie istorice etc., pag. 286* и мн. др.

А. И. Яцимирскій.

Д-ръ И. Поливка. **Магъосниѣть и неговиять учение.**
Сравнительна фольклорна студня. София, 1898. Стр. 56.

Еще очень недавно приходилось слышать со стороны многихъ изслѣдователей народной словесности частыя жалобы на недостаточность и отрывочность сырого материала, предлагаемаго имъ для сравнительного удостовѣрѣнія и изученія. Нынѣ приходится сѣтовать скорѣе на огромное накопленіе этого сырого материала, выпускаемаго собирателями разныхъ странъ и народовъ, въ большинствѣ случаевъ, совсѣмъ наобумъ, безъ всякаго критического разбора. Тутъ является очень кстати сравнительная библіографія отдельныхъ сюжетовъ и мотивовъ народной словесности, вносящая порядокъ и свѣтъ въ черную работу собирателей и составляющая поэтому первое и необходимое условіе цѣлесообразнаго изученія фольклора.

Въ области библіографіи славянскаго фольклора стяжалъ себя въ послѣднее время почетную известность профессоръ чешскаго университета Ю. И. Поливка, снабжающій уже несолько лѣтъ почти каждый новый сборникъ славянскихъ сказокъ многочисленными библіографическими справками и примѣчаніями. Его полезную дѣятельность въ этомъ направленіи можно сравнить съ дѣятельностью цокойнаго нѣмецкаго ученаго

Рейнгольда Кёлера, съ той развѣ оговоркой, что послѣдній обладалъ, кажется, болѣе широкимъ и полнымъ сравнительно-литературнымъ апаратомъ.

Кромѣ этихъ библиографическихъ росписей сказочныхъ параллелей, появляющихся постоянно въ разныхъ славянскихъ этнографическихъ изданіяхъ, г. Поливка издалъ также несолько болѣе цѣльныхъ очерковъ по истории отдельныхъ сказочныхъ сюжетовъ, какъ-то: Сказка о рыбакѣ и рыбѣ, Докторъ Всезнайко, Мидасовы уши, Отчего стариковъ убивать перестали, О двухъ мальчикахъ и чудесной птичкѣ и др. Не желая никакъ умалять значеніе этихъ интересныхъ очерковъ почетнаго пражскаго профессора, мы должны, однако, замѣтить, что они имѣютъ преимущественно тотъ-же библиографический характеръ, только въ шире изложеніи и обставленіи видѣ. Это тѣ-же библиографические своды наличныхъ параллелей сказки, иногда далеко не полные, съ той только разницей, что вмѣсто однихъ заглавій, здѣсь приводятся самые тексты сказокъ, полностью или въ извлеченіи, съ попутными литературными спѣвками и примѣчаніями автора. Однако, исторіи сказки, ея происхожденія и броженія, ея измѣненій и наслойеній, эти очерки, въ большинствѣ случаевъ, не даютъ и, можетъ быть, даже не могутъ дать. Есть-же такие упорные сюжеты, съ которыми иногда ничего нолѣтать не можно. «Уловить пути распространенія устной сказки, за многіе вѣка ея блужданія, по словамъ В. О. Миллера, все равно, что ловить вѣтеръ въ полѣ». Только зачѣмъ же тогда гоняться напрасно за неуловимымъ призракомъ?

Типичнымъ выразителемъ этого рода разысканій г-на Поливки является новѣйший его очеркъ, изявившійся недавно въ XV томѣ болгарскаго министерскаго «Сборника» и вышедши затѣмъ отдельной брошюрою. Онъ посвященъ разбору широко распространенной сказки о колдунѣ (Охѣ) и его ученикѣ, превозшедшемъ своего учителя въ колдовскомъ искусствѣ, бѣжавшемъ отъ него и, наконецъ, послѣ цѣлаго ряда обоядныхъ превращеній, убивающемъ его въ ожесточенной борьбѣ. Авторъ сводить по очереди цѣлый рядъ славянскихъ и иноплеменныхъ варіантовъ сказки, отъ современныхъ болгарскихъ до древне-индійскихъ записей. Къ сожалѣнію, однако, даже этотъ сводъ варіантовъ не имѣть желательной полноты. Въ немъ пропущены такие важные для исторіи сказки варіанты, какъ напр. малорусскіе Драгоманова (Преданія, с. 326—328), и Яворскаго (Живая Старина, 1897, 443—445), мадьярскій (Штиръ, Ungarische Sagen und Märchen, 102), Кавказскіе (Сборникъ материаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, VI, отд. 2, 197—200, VII, о. 1, 125—128 и о. 2, 110—117, X, о. 2, 322—324, XVIII, о. 3, 23—26), монгольскіе (Потанинъ, Очерки сѣв.-зан. Монголіи, IV, 198—199, 531—533), бурятскій (Этнографическое Обозрѣніе, XXVIII, 131), якутскій (Этнограф. Обозр., XXXIV, 167—168), буддійско-китайскій (Orient und Occident, III, 374—375), и др. Въ послѣднее время, уже послѣ выхода въ свѣтъ статьи г-на Поливки, появились еще два интересныхъ варіанта, именно, чешскій Český Lid, IX, 91—94), и качинскій (Живая Старина, 1899, 140—143).

Незнакомство съ вышеуказанными варіантами сказки не могло, конечно, не повлиять въ значительной степени какъ на общее изложеніе ея исторіи, такъ и на критическую разработку ея составныхъ частей. Итакъ, хотя авторъ, по слѣдамъ Бенфей, относить происхожденіе сказки къ азіатскому Востоку, именно, къ индійскимъ и буддійскимъ источникамъ, однако, съ своей стороны ничѣмъ не обосновывается этого положенія и въ результатѣ даже не опредѣляетъ ближе этихъ источниковъ. Миѣ кажется, что корень зла въ настоящемъ случаѣ заключается главнымъ образомъ въ фальшивомъ предположеніи автора, будто основу сказки составляетъ ея первая часть, т. е. разсказъ о колдовской школѣ и возникшихъ па этой почвѣ враждебныхъ взаимоотношеніяхъ между колдуномъ и его ученикомъ. Поэтому, отвергая, какъ иѣчто неважное и постороннее, вторую часть сказки, т. е. исторію борьбы и превращеній двухъ, обладающихъ сверхъестественной силой, соперниковъ, тамъ, гдѣ она является отдельно и самостоятельнѣ, авторъ останавливается только на полныхъ редакціяхъ сказки и только для нихъ пишетъ и, конечно, не входитъ такого-же полнаго первообраза. Между тѣмъ стоять только отнеслись къ этой второй части съ надлежащимъ вниманіемъ и уваженіемъ, и сложный вопросъ о происхожденіи сказки разрѣшился-бы, можетъ быть, гораздо легче. Она не

только по существу своему имѣть несомнѣнно древне-буддійскій характеръ, но важна также по сравнительному наибольшему количеству восточныхъ, особенно монголо-тюркскихъ вариантовъ. Въ пользу выдающагося и самостоятельного значенія этого мотива говорить также его широкое примѣненіе, какъ вставного эпизода, во многихъ другихъ сказкахъ, напр.: Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, III, 119, IV, 114; Манжура, Сказки, 27; Трѣйландъ, Латышскія сказки, 50; Радловъ, Proben, IV, 33; Пыпинъ Очеркъ літ. исторіи стар. повѣстей и сказокъ, 294—295, и мн. др. Еще болѣе подтверждаютъ это народныя, преимущественно славянскія и романскія пѣсни о дѣвушкѣ и преслѣдующемъ ее женихѣ-нелюбѣ, зависимость которыхъ отъ второй части нашей сказки не подлежитъ сомнѣнію (Ср. Петричейку-Хиждеу, Cartile pororane ale Romanilor in sec. XVI, 501—566, 694—705).

На все это, однако, авторъ не обратилъ ни малѣшаго вниманія, такъ что въ опредѣленіи основного мотива сказки по неволѣ долженъ былъ отдать предпочтеніе первой ея части, подкупающей на первый взглядъ своимъ большими распространеніемъ въ народныхъ литературахъ современной Европы. Впрочемъ, даже внимательный разборъ самого рассказа о колдовской школѣ долженъ-бы возбудить нѣкоторая сомній относительно его основоположнаго значенія. Представленіе о чертовской, «черной», школѣ было распространено особенно въ средніе вѣка въ западно-южной Европѣ и возникло вѣроятно подъ вліяніемъ таинственной обстановки средневѣковыхъ ученыхъ, астрологъ и алхимиковъ, окруженныхъ такими-же таинственными учениками. (Ср. Графъ, Naturgeschichte des Teufels, 249—250). Чертовская школа извѣстна хорошо также южнымъ славянамъ, румынамъ и мадьярамъ. (Ср. Archiv für slavische Philologie, II, 437—481, IV, 611, VII, 281—290; Маріану, Albina Carpatilor, III, 54; Шайнену, Basmele române, 871). Не естественно-ли предположить, что эти именно средневѣковыя представлениія о чертовской школѣ легли въ основаніе нашей сказки о школѣ Оха, а затѣмъ въ ней-же перешли на Востокъ и слились тамъ съ существовавшимъ уже самостоятельно мотивомъ о чудесной борьбѣ двухъ могучихъ соперниковъ? Въ этомъ новомъ и сложномъ видѣ сказка могла впослѣдствіи возвратиться назадъ въ Европу, хотя параллельно съ нею могъ проникнуть сюда и самыи разсказъ о борьбѣ и превращеніяхъ двухъ враговъ также отдельно и самостоятельно. Не открывается-ли ларчикъ, такъмъ образомъ, совсѣмъ просто?

Другой вопросъ, тоже только поставленный, но не разрѣшенный авторомъ, состоитъ въ томъ, какими путями совершился этотъ переходъ сказки, какія постороннія наслоенія восприняла она во время своихъ блужданій и какие слѣды оставила она на своемъ пути? Авторъ самъ сознаетъ и подчеркиваетъ выдающійся историко-литературный интересъ разбираемой сказки, но, къ сожалѣнію, ни одного изъ упомянутыхъ интересныхъ вопросовъ онъ не разбираетъ и не разясняетъ никакъ, ограничиваясь только сухой схематической таблицей, испещренной неудобопонятными іероглифами и только еще болѣе осложняющей и запутывающей дѣло.

Вообще, на всѣмъ протяженіи своихъ разысканій авторъ поражаетъ какой-то странной безпомощностью, доходящей до той степени, что въ концѣ-концовъ онъ даже вовсе отказывается отъ какихъ-бы то ни было предположеній, предпочтая дожидаться «новыхъ открытій въ области древне-восточныхъ литературу» (стр. 49). Только-же, если-бы даже въ самомъ дѣлѣ нужно было въ настоящемъ случаѣ дожидаться какихъ-то «новыхъ открытій», такъ почему-же авторъ такъ поторопился съ публикаціей своего «сравнительно-фольклорного изслѣдованія», почему еще не подождалъ малость? Зачѣмъ-же преждевременно ловить вѣтеръ въ полѣ?

Ю. Яворскій.

Allgemeine Methodik der Volkskunde. Berichte über Erscheinungen in den Jahren 1890—1897. Von L. Scherman und F. S. Krauss. Erlangen, 1899. Стр. 134, 80.

Первое заглавіе этой полезной книги, кажется, слишкомъ громко. Вѣдь пока—

что едва-ли можетъ быть рѣчь о «всебѣйшей методикѣ» этнографіи, какъ науки, если, до сихъ поръ не только ея мелкие практическіе пріемы, но даже общіе принципы ея изслѣдований не установлены въ ней никакъ, не сведены хоть въ мало-мальски цѣльную систему. Всякій изслѣдователь долженъ все еще искать собственныхъ средствъ и идти своей собственной дорогой, если не хочетъ почасть, по слѣдамъ первого—лучшаго фантазера, въ какую-нибудь непроходимую трясину.

Впрочемъ, даже самое, такъ сказать, правовое положеніе этнографіи, ея роль въ ряду другихъ наукъ, ея отношеніе къ нимъ, даже имя ея, наконецъ,—все это до сихъ поръ неяснено, не установлено па сколько, чтобы можно было говорить о какомъ-либо научномъ порядкѣ или методѣ. Этого въ ней пока-еще нѣтъ и до поры до времени даже быть не можетъ.

Доказываетъ это особенно наглядно первая часть «Всебѣйшей методики» (стр. 21), составленная извѣстнымъ ориенталистомъ Л. Шерманомъ и посвященная, разбору теоретическихъ словоупрѣгъ англійскихъ и американскихъ фольклористовъ за 1890 годъ. Сколько тутъ разныхъ мыслей и взглядовъ, въ большинствѣ случаевъ неуловимыхъ и непримиримыхъ! Какой хаосъ направлений и методовъ, рѣзко оспаривающихъ, взаимно исключающихъ другъ друга! И это всего только за одинъ годъ, въ одной только семье англо-саксонскихъ ученыхъ. Чего-же, послѣ этого, можно ожидать дальнѣшего?

И другой изъ авторовъ книги, сербо-хорватскій этнографъ Ф. С. Краусъ, нови-димому не слишкомъ увлекся преувеличенной задачей, горячая намѣченіо въ заглавіи книги. Очевидно, при ближайшемъ соприкосновеніи съ наличнымъ материаломъ, вся предполагаемая «методика» автора разлѣзлась у него между пальцами. Поэтому авторъ ограничился въ концѣ-концовъ болѣе скромной задачей и сдѣлалъ только то, что въ данныхъ условіяхъ онъ сдѣлать могъ: дать сжатый обзоръ важнѣйшихъ явленій этнографической литературы за семь лѣтъ 1891—1897. Къ сожалѣнію, однако, этотъ обзоръ далеко не полный, такъ какъ авторъ почему-то руководствовался своеобразнымъ протекціонизмомъ и удостоилъ своего вниманія только тѣ сочиненія, которыя были ему какъ редактору журнала «Der Urqu-H» доставлены непосредственно ихъ авторами и издателями. Вслѣдствіи этого библіографіческий обзоръ г-на Краусса получилъ нѣсколько случайный и неровный характеръ, особенно-же болѣею представлена въ немъ славянская и въ частности русская этнографическая литература. За послѣднюю въ данномъ случаѣ даже весьма обидно: авторъ отмѣтилъ только нѣсколько и то далеко не первостепенныхъ сочиненій русскихъ авторовъ, а такимъ важнымъ изданіемъ, какъ «Живая Старина» и «Этнографическое Обозрѣніе», посвятилъ всего нѣсколько ичего не значущихъ строкъ.

Тѣмъ не менѣе «Всебѣйшая методика» можетъ сослужить научному изученію этнографіи, особенно-же нѣкоторыхъ сторонъ ея вышнѣяго состоянія, преимущественно въ западной Европѣ, хорошую службу, а посвященная въ концѣ ея «наставленія фольклористамъ» слѣдовало-бы дѣйствительно изучать и помнить наизусть. Въ этомъ смыслѣ она заслуживаетъ полной признательности, тѣмъ болѣе, что это, насколько намъ извѣстно, первая осмысленная попытка нѣкоторой систематизаціи богатой этнографической литературы, растущей и развивающейся не по днамъ, а по часамъ.

Ю. Яворскій.

Карациј. Лист з1 српски народни живот, обичаје и предање. Издаје и уређује Тих. Р. Ђорђевић. Година I. № 1—12. Алексинацъ, 1899. Стр. 280 + 26, 8°.

Какъ это ни странно, но сербская литература, давшая Славянству отца сербской этнографіи Вука Стефановића Караджича, не имѣла до сихъ поръ своего специально-этнографического изданія, а ея богатое «народно благо» ютилось п, конечно, пропадало въ разныхъ календаряхъ, журналикахъ и брошюрахъ, никому не извѣстныхъ и не оступившихъ. Только, въ самое послѣднее время возникли сразу два академическихъ изданія, посвященные сербской этнографіи, но одно изъ нихъ, «Српски Етнографски Зборникъ» Бѣлградской Академіи Наукъ, посвящено только большинствъ монографіямъ и сырьимъ,

мелкимъ материаломъ не интересуется вовсе, другое-же, именно «Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena», издаваемый Южно-славянской Академией въ Загребѣ, какъ по своимъ узко-хорватскимъ рамкамъ, какъ и вслѣдствіе своей непрактичной и неумѣлой редакціи, никакого значенія для сербской этнографіи, въ тѣснѣйшемъ этого слова значеніи, имѣть не можетъ¹⁾.

Поэтому можно только съ радостью и удовлетвореніемъ привѣтствовать новый, собственно-же первый сербскій этнографический журналъ, начавшій выходить въ прошломъ году въ Алексинцѣ (въ Сербіи) и принявшій дорогое имя отца сербской этнографіи «Карадић». И имя это, въ настоящемъ примѣненіи, не пустой звукъ. Редакція, повидимому, относится къ дѣлу съ пониманіемъ и любовью, которыхъ сербская этнографія, послѣ Карадича и, пожалуй, еще Врчевича, не испытала, кажется, никогда. Кроме этого журналъ не признаетъ никакой племенной разнѣи между отдѣльными сербо-хорватскими областями и относится во всѣмъ имъ, безъ различія вѣроисповѣданія и азбуки, съ одинаковымъ доброжелательствомъ и вниманіемъ.

Содержаніе журнала за первый годъ его изданія отличается прежде всего замѣтительнымъ разнообразіемъ и безпосредственной свѣжестью охваченнаго имъ сырого материала. Эта сырой материалъ и есть самое цѣнное и интересное въ журналѣ. Тутъ мы находимъ и цѣлый рядъ народныхъ пѣсень, преданий и сказокъ, большинство которыхъ пріурочено къ разнымъ мѣстностямъ и зданіямъ или-же къ Кралевичу Марку и богатые своды загадокъ, пословицъ, прибаутокъ и повѣрій, и интересные материалы для исторіи юридическихъ, музыкальныхъ и техническихъ народныхъ обычаевъ и приемовъ — вообще въ тѣсныхъ рамкахъ журнала охвачена, можно сказать, вся народная жизнь и словесность почти въполномъ, хотя только въ миниатюрномъ, видѣ. И какъ съ одной стороны нельзя не порадоваться такой всесторонности журнала, то, съ другой, слѣдуетъ пожалѣть о томъ, что его маленький объемъ вслѣдствіе этой именно всесторонности материала, чувствительно стѣсняетъ послѣдній, ограничивая его только небольшими замѣтками и отрывками. Изъ болѣе цѣльныхъ статей журнала отмѣтимъ особенно интересныя этнографическія замѣтки заслуженнаго В. В. Вукасовича («Народни везови у Далмацији», «Покон код Срба у Лини», «Стока у Харцег-Босни»), очеркъ похоронныхъ обычаевъ въ Мостарѣ Л. Г. Бѣлокосича, воспоминанія г. Малличича изъ временъ смѣшной борьбы сербскаго правительства противъ Вуковой правописной реформы и др.

Наконецъ въ каждомъ выпускѣ журнала имѣется рядъ мелкихъ этнографическихъ замѣтокъ, а также краткіе библиографические обзоры новыхъ явлений этнографической литературы. Относительно послѣднихъ слѣдуетъ замѣтить, что желательна была бы въ нихъ большая полнота именно сербскихъ библиографическихъ сообщеній, между тѣмъ какъ редакція, повидимому, болѣе интересуется «высокой», немецкой и французской литературой. Эту роскошь, однако, могутъ позволить себѣ только совсѣмъ ужъ установленія развитыя изданія.

Какъ бы тамъ ни было, однако, можно только порадоваться, что сербское «народно благо», пренебрегаемое академическими изданіями, нашло, наконецъ, благодаря появлению «Карадића», свою надежную, хотя, впрочемъ, пока еще даже весьма скромную и невзрачную сокровищницу, спасающую его отъ преждевременной порчи и гибели.

Ю. Яворскій.

¹⁾ Съ этимъ рѣзкимъ отзывомъ ред. согласиться не можетъ. Въ различныхъ книжкахъ этого Сборн. заключается не мало важныхъ данныхъ, наблюдений о сербо-хорватской народности и ея живой старинѣ.

ОТДЕЛЪ IV.

Вопросы и ответы.

I.

Румынская «дойна».

(Къ квостіонарію Э. А. Вольтера).

Объясненіе румынской «дойны», сдѣланное г. Кожухаровымъ («Жив. Старина», 1900, III, 443), не вполнѣ правильно. «Дойна» дѣйствительно означаетъ несно, но не одну какую-нибудь, съ опредѣленнымъ, хотя неизвѣстнымъ г. Кожухарову текстомъ и напѣвомъ. «Дойна», подобно малорусской думкѣ, составляетъ цѣлый отдѣлъ въ народно-пѣсенному репертуарѣ румынъ и имѣть, конечно, очень много разнообразныхъ текстовъ и мелодій, преимущественно грустныхъ и заунывно-протяжныхъ. Такое значеніе имѣть это слово въ Буковинѣ и Румыніи. Недавно вышелъ въ Букарештѣ даже цѣлый большой сборникъ такихъ народныхъ «дойнъ».

Ю. Яворский.

II.

Считаю своимъ долгомъ представить весь разсказъ о чортѣ и Румынѣ, такъ какъ вкрадась маленькая ошибка.

Существуетъ у насъ въ Бессарабіи разсказъ о чортѣ и Румынѣ, которые, встрѣтившись, шли въ ненастную погоду. Грязь была не пролазная и мужикъ предложилъ черту везти по очереди другъ

друга на себѣ до тѣхъ поръ, пока сѣдокъ (или сидящій на спинѣ) не окончить произвольно избранной пѣсеньки.

Бросили жребій, и мужикъ долженъ быть первый вести чорта. Чорть, сидя на спинѣ мужика, скоро спѣль свою пѣсенку и долженъ быть слѣзть со спины мужика и предоставить послѣднему свою спину. Мужикъ, усѣвшійся поудобнѣ на чорть, запѣль излюбленную «дойну». Потѣсть чорть подъ мужикомъ и ждеть конца пѣсни, но не тутъ то было—пѣсня была безконечна, и чорть, скрѣпя сердце, долженъ быть довезти мужика домой.

Очень сожалѣю, что письменно не представилъ Вамъ этого разсказа раньше, такъ какъ теперь придется ввести поправку.

Н. Кожухаровъ.

26 Сентября 1900 г.

III.

Получивъ отъ г. Н. В. Томаса изъ Лондонскаго Антропологическаго Института 3 Hanover Sq. слѣдующіе вопросы по части народныхъ суевѣрій относительно животныхъ, Редакторъ «Ж. Стар.» просить покорнѣйше редакціи «Губернск. и Епар. Вѣдомостей» перепечатать эти вопросы съ просьбою къ мѣстнымъ знатокамъ присыпать отвѣты на тѣ или другіе изъ этихъ вопросовъ, если не на всѣ, редактору «Жив. Стар.» (Петербургъ, Звенигородская, 32).

Отвѣты по мѣрѣ полученія будуть печататься въ «Жив. Стар.» (въ Отд. вопросы и отвѣты), и отдельными оттисками отсылаемы въ Лондонскій Антропологический Институтъ.

1. Какія животныя (птицы, рыбы, насѣкомыя и т. д.) означаютъ счастье или несчастье тому, кто ихъ видитъ?
2. Какія животныя приносятъ дому, гдѣ живутъ, счастье или несчастье?
3. Какія животныя предсказываютъ смерть?
4. Какія животныя предсказываютъ цѣну хлѣба, обильную жатву?
5. Дается ли послѣднимъ хлѣбнымъ колосьямъ имя животнаго, и какого? Говорятъ ли, что то или другое животное пробѣжало по полю, когда хлѣбъ наклонило вѣтромъ?

6. Держать ли животныхъ (птицъ и т. д.) въ домахъ, дабы удержать благополучие, охранить себя отъ болѣзней и т. д.? Нужно ли первое замѣченное весною какое-либо животное поймать, привѣтствовать и т. д.? Есть ли животныя (птицы, яйца и т. д.), коихъ нельзя брать къ себѣ домой?

7. Какое значеніе имѣеть въ народномъ суевѣріи масть, цвѣтъ, краска того или другого животнаго? Оказывается ли предпочтеніе бѣлымъ животнымъ?

8. Какія животныя въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ считаются какъ бы священными, коихъ нельзя убивать, употреблять въ пищу, на коихъ неохотно смотрять, къ тѣламъ и гнѣздаимъ коихъ неохотно прикасаются и коихъ даже не называютъ обыкновенными именами?

9. Есть ли животныя, мясо коихъ ёдятъ лишь разъ въ годъ, и даже разъ въ годъ съ особенными обрядами?

10. Есть ли животныя, за коими охотятся разъ въ годъ или коихъ убиваютъ при народныхъ увеселеніяхъ? или сбрасываютъ съ извѣстной высоты, или по доброй волѣ отпускаютъ ихъ на свободу? Или такія, коихъ преслѣдуютъ, колотятъ и бьютъ?

11. Обносятъ ли въ Святое Воскресеніе или вообще на Святой недѣлѣ какихъ-нибудь животныхъ или ихъ чучела или изображенія, и бросаютъ ли ихъ въ огонь? и т. д. Продаются ли единожды въ годъ какія-нибудь животныя или насѣкомыя? Покупаютъ ли ихъ, дабы отпустить на Божью волю?

12. Есть ли повѣрье, что можно получить цѣлебную или волшебную силу отъ употребленія въ пищу мяса извѣстныхъ животныхъ, или отъ прикосновенія къ нимъ, или когда онѣ гибнутъ въ рукахъ у человѣка? Людямъ какого возраста, какихъ лѣтъ должно это предпринимать?

13. Какихъ животныхъ употребляютъ при колдовствѣ или въ народной медицинѣ и съ какими цѣлями? Какъ нужно убивать такихъ животныхъ?

14. Изготавливаются ли калачи, булки, пироги съ видомъ животныхъ или съ разными ихъ изображеніями, или такие, коимъ придаются названія животныхъ?

15. Есть ли повѣрье, что покойники являются въ видѣ животныхъ?

16. Есть ли повѣрье, что вѣдьмы принимаютъ видъ животныхъ?

17. Какія животныя понимаютъ человѣческую рѣчь?

18. Какія животныя въ чужихъ странахъ принимаютъ видъ человѣческій или по собственному желанію появляются въ этомъ видѣ? Какія животныя считаются проклятыми людьми?

19. Какія животныя приносятъ маленькихъ дѣтей и откуда?

20. Есть ли сказки или преданія о лебедяхъ - дѣвахъ и юношахъ? Или преданія о предкахъ звѣрообразныхъ или съ звѣриными частями тѣла, о рожденіи животныхъ и т. д.?

21. Имѣютъ ли какое значеніе животныя при обрядахъ родильныхъ, свадебныхъ и похоронныхъ?

22. Кладутся ли головы животныхъ или ихъ черепа на домовыхъ крышахъ или на поляхъ?

23. Какія животныя обыкновенно изображаются на вывѣскахъ (гостиницѣ и пр.) и на флюгерахъ или флюгаркахъ (вѣтреницахъ)?

24. Есть ли дѣтскія игры съ именами или съ представлѣніями животныхъ (кошка и мышка, гуси - лебеди и т. д.)? Бываютъ ли на Свѣтлой недѣлѣ катанье яицъ, бѣга и пр.?

25. Хоронять ли по суевѣрнымъ основаніямъ найденныхъ мертвыми животныхъ, погребаютъ ли въ заговѣнѣ? и т. д.

При этомъ просятъ при каждомъ отвѣтѣ:

1. Всегда обозначать мѣсто наблюденій.

2. Сообщать народныя (мѣстныя) названія животныхъ.

3. При отвѣтахъ на вопросъ 14 приложить самые калачи или булки или по крайности ихъ рисунки, изображенія. Для объясненія отвѣтовъ на вопросъ 22 желательны также рисунки.

H. B. Томасъ.

О Т Д Ъ Л Ъ V.

С М Ъ С Ъ.

Изъ галицио-русскихъ народныхъ повѣрій.

1. Переступень.

Переступень (*Bryobia alba* L.) ростѣ, якъ сы нолюбыть мѣсце, за углдми за хѣтовъ або въ городи, съ-пивъ изтра у землї. Лѣстъе має таке, якъ на хмѣлю, скрізъ обсыпане чорными ягодами. Має такїй кдринь, акуратъ такій, якъ мала дитина, має голову, руки, ноги. Вонъ винъ іс зъ тыхъ дитїй-потѣрьчатъ, перекидается зъ ныхъ.

Хто не знає, а єгд урвѣ або перѣтие, то винъ заразъ пошкодить, поранить на цилімъ тѣли, ажъ кровь течѣ, видѣмъ руки, ноги, або й розумъ. А зъ коріння єго тече бѣла кровь. Тогда той хрестяниинъ лежить хдрий и може лежити й кілька рокиевъ. Ажъ якъ-бы ся довѣдавъ, що то видъ переступія єму такъ іс, то тогда берѣ цилінку хлїба и масла свяченої и крѣйцарь, кладѣ туто коло тдго переступія, прытѣльть до тдго мѣсця, дѣ го утязвъ, помастыгъ и перепросыть єго. И тогда прыгдне землївъ и вже му тогда заразъ полѣкшть.

Часомъ дѣ якъ городять илить и натѣфыть хто колдомъ на ізго, то мусыть розибрать плить и навкдло ізго обкошати землю.

Переступень часомъ перекидается въ дитину. Вїскочить зъ землї и сїда собї на плоти або на явимъ слїпи, поднїссе одну руку и ногу до горї и сидѣть. А потдму счѣзне—не знѣты дѣ.

Дѣ винъ ростѣ, то прындыть счѣстъе и маєтокъ. Але якъ му ся мѣсце змерзть, або щд, то забѣреся и перѣиде на інче мѣсце. Люде го дуже шинють и не рушають го. Хто знає видмѣвти, той го може вїрвати и иницъ му ся не стане. То іс дуже дорогѣ коріннє, наївить го до аптѣки продають и вже тамъ въ аптѣци знаютъ, до чого онъ іс належне.

(Записана отъ Сеня Вереса изъ с. Русятычи. Бобрецкаго у.).

Срвн. мою статью «Die Mandragora im юдруссischen Volksglauben» въ «Zeitschrift fǖ österreichische Volkskunde», 1896, вып. 12, стр. 353—361; J. L. Holub, «O Mandragore», въ «Slovenské Pohlady» 1883, стр. 183—191; «Zeitschrift fǖr Ethnologie. Verhandlungen der Berliner Gesellschaft f. Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte», 1891, т. XXIII, стр. 726—746, 890—892; P. I. Veth, «De leer der signatuur. Met een naschrift: de mandragora». Лейденъ, 1894, стр. 9—16, 54—60, и др.

2. Богыни.

Богыня—то така нечыста кобыта, що жысі въ ліси; она ходыть гола, а цыцькі маіс такі дөвги, що може ихъ перевісити чөрезъ плечи, гыбы кіды.

То она се людый, цы дивокъ цы хлопцівъ, кого-будь. Такъ усыпляє чоловіка, же му ся такъ дуже спати хоче, гыбы му очы зашывъ. Тай заразъ кладеські юдо ніго и се се, якъ дитына маму. То потому такій хлопецъ маіс такі цыцькі велікі, якъ кобыта, що маіс дитыну.

А она ще мінайс въ ноцы діті; якъ ино не хрещене, то заразъ підмінайс: възьме лідьську дитыну, а лышаіс свою, таку суху а паскудну, же си мірко подывити. То іс видийна. (Записано отъ Каськи Загальской, изъ с. Стольсна, Жидачевского уѣзда).

Срви. Н. Сумцова «Boginki-Mашину» въ варшавской «Вислѣ» 1893 г. и мою ст. «Галицко-русскія повѣрія о дикой бабѣ» въ «Живой Старинѣ». 1897, вып. III—IV, стр. 439—441.

Ю. Яворский.

Примѣты и рассказы.

Примѣты, рассказанные учениками 1-го класса Боровского уѣзданого училища.

Глазъ правый чешется къ лучшему—къ радости, а левый—плакать.

Рука чешется—деньги получать, которая нибудь все равно.

Воронъ кричить на крышѣ—къ упокойнику.

Нось чешется—къ упокойнику.

А то нось чешется—вино пить.

Собака воетъ къ верху—къ пожару, а къ низу—къ покойнику.

Курица запоетъ—къ покойнику, тогда ей голову нужно отрубить, не будетъ покойника? Небудетъ другой: иѣть, это невѣро: будетъ покойникъ.

Кукушка близко кукуеть—къ покойнику.

Зеркало лопаетъ—къ упокойнику, къ несчастью.

Когда ледъ на рѣкѣ не растаяль, чериава въ пролуби каково-то увидаль, выбѣжать черный изъ рѣки прямо побѣжаль къ больницы—это къ упокойнику: у нась мамаша померла.

Палѣно упадеть съ дровъ,—кто нибудь женится или замужъ выйдетъ. Кто видѣль: одинъ мальчикъ шутливо: я сколько разъ видѣль.

Горшокъ въ печкѣшибко шипитъ—значить къ упокойнику. У нась такъ братъ померъ.

Самоваръ какъ гудить: если печально, къ упокойнику, если весело воинъ какъ пароходы гудятъ, къ новостямъ, или уѣзжать кому нибудь.

Еще чаю напьешься, а самоваръ будеть шумѣть, гости пріѣдуть.

Еще когда чашку накроешь, чаю напьешься, она загремитъ—тогда вѣсти слышать.

Чугунъ гудить въ печкѣ—кто нибудь помреть.

Кошка когда играеть, да когтами когда скребеть—къ морозу.

Если голубь на окнѣ сидить одинъ да что нибудь клюеть—письмо получать.

Когда чайникъ обольешь, не усмотришь—какой нибудь чоловѣкъ придетъ.

Кошка на полу растянетъ, ноги противеть—къ теплу.

Голубь когда въ окно влєтить—кто либудь умреть.

Сова на крестѣ—къ сильному пожару.

Сорока щебечеть близко, на дворѣ—къ новостямъ.

Учениками 2-го класса.

Курица пѣтухомъ поеть — очень нехорошо будетъ, по упокойнику.
Кошка на заклѣтѣ сидѣть — будѣтъ холодно.
Когда сорока кричить на дворѣ — письмо получите.
Собака воеть кверху — къ пожару, внизъ — къ покойнику.
Воронъ на крышѣ кричить — къ покойнику.
Лѣвый глазъ чешется — очень будѣтъ хорошо, а правый — будѣтъ плакать.
Ладонь чешется, лѣвая если, деньги получать, а правая отдавать.
Голубь сидѣть на окнѣ — письмо.
Голубь въ домѣ влетѣти — къ покойнику.
Когда чаю напьешься, чашка застучитъ — вѣсть получать.
Кошка умывается (лапкой) — гости будуть.
Если ложка не опрокинута, говорить: у невѣсты ротъ разинутый.
Съ тарелки недоѣшь — невѣста рыбая будѣтъ.
Собака будѣтъ валяться какъ лошадь — перемѣна погоды.
Въ печкѣ ночью жаръ зиа яетъ (разгоряется угли) — къ морозу.
Вороны каркаютъ — къ дождю.

(Записано со словъ учениковъ 2-го кл. Боровскаго уѣзднаго училища).

Примѣты, разсказанные двумя крестьянскими мальчиками изъ с. Добринъ,

Боровскаго уѣз.

Когда подъ Новый годъ на небѣ много звѣздъ — говорить много гривовъ будѣтъ.
Когда нога пажжитъ — къ погодѣ.
Когда собака воеть кверху мордой — къ пожару, а если внизъ — то къ покойнику.
Когда курица поеть пѣтухомъ — къ пожару въ деревнѣ (въ избѣ) — къ покойнику. У насъ гоняютъ ихъ по улицѣ ребята. А кто рѣжутъ.
Когда куры выходятъ лѣтомъ на дорогу, на улицу — всѣ выдуть словно кто ихъ выгоняетъ — къ дождю.
Воробыи кричать — къ дождю.
Ладонь чешется — деньги получать.
Когда дожжикъ идетъ и пузыри на рѣчкѣ показываются — то говорятъ ко дожжу. Грыжа есть у кого, когда она начнетъ болѣтъ — перемѣна погоды.
Когда дѣти маленькия кричать безъ мѣры — къ ненастѣю.
Когда идешь къ заутрени на Пасху ежели дорога чистая, — то будѣтъ урожай плохой, ежели замѣтѣная — хорошій урожай.
Когда пчелы сильно летѣть къ своимъ ульямъ — то скоро дождь; когда утромъ играютъ — ясный день.
Грачи играютъ — хорошая погода будѣтъ.
Когда ъдешь дорогой да около лошади ласточка летаетъ — хороший день.
Когда рыба кверху ходить и выскакиваетъ изъ воды — къ хорошей погодѣ.
Когда ъдешь да лошадь упирается — гдѣ нибудь волкъ вблизи. Собака къ лошади жмется тоже.
Лягушки по избѣ прыгаютъ — къ дождю.
Когда кошка валается — къ дождю.
Дымъ столбомъ изъ трубы — къ холоду.
Лягушки въ болотѣ и рѣчкѣ кричать сильно — къ дождю.
Уши у солнца — къ морозу.
Лице у мѣсяца — къ морозу.
Столбы на небѣ красные и розовые — къ войнѣ.
Кругъ около сонца — къ несчастью. Вотъ когда убили шаха персидскаго — кругъ быль.

Молитва отъ лихорадки (кумохѣ).

На морѣ на Діонѣ, на горѣ на Сіенѣ лежитъ камень ариатскій. На томъ-то на камѣ сидѣть три святителя: Пётръ, Павелъ, Микола Милостливый. Мимо нихъ идутъ двѣ дѣвицы, двѣ на десять, дурныя нехорошія, косматіи, простоволосіи. Они и спрашиваютъ ихъ: «Что вы за люди?—«Мы Ардотовъ дочери». «Куда вы идете?»—«Въ міръ хрещеный, во радѣ кости ломать, мозги выжимать, кристіянскую кровь проливать». И били они ихъ желѣзными прутьями, приговаривая: «Не ходите въ міръ хрещеный, не ломайте во родѣ кости, не выжимайте мозги, не проливайте кровь кристіянскую».

Кто будетъ эту молитву по три раза на день читать, къ тому лихорадка на 50 сажень не подойдетъ.

Молитва отъ упорѣза.

Господи, благослови, руду заговори. Ты, воръ, не краинъ (?) и ты, руда не конь (?). Трижды читается.

Обѣ молитвы записаны отъ женщины 50 лѣтъ изъ деревни Вязьмино, Александровскаго уѣзда, Владимірской губ. Сама она узнала ихъ отъ старухи, умѣющей заговаривать.

Сообщилъ С. А. Бѣлоцѣтовъ.

Домовой.

Домовой бываетъ въ каждомъ домѣ. Проживаетъ онъ по преимуществу на дворѣ и имѣть отношеніе большие къ скоту, чѣмъ къ хозяину. Наружный видъ домового такой же, какъ и у хозяина дома: если хозяинъ черноватый, то и домовой-брюнетъ. Хозяева стараются приобрѣтать скотъ соответствующей масти, потому что домовой не либить животныхъ окрашенныхъ въ иной цвѣтъ, различный съ его цвѣтомъ.

Крестьяне говорятъ, что домовой, не влюблѣвій корову или лошадь, можетъ заучить ихъ. Поэтому, когда животное начинаетъ, повидимому безъ причины хирѣть, то говорятъ: «Она не по двору», т. е. домовой не влюблѣвій ее. Но бываетъ и такъ, что лошадь или корова, по мнѣнію хозяина, по цвѣту удовлетворяетъ вкусамъ домового, а между тѣмъ имѣть хворый видъ. Тогда хозяинъ говорить, что лошадь у него испортила лихой человѣкъ, т. е. колдунъ.

Домовой, не влюблѣвій животное, начинаетъ его бить чѣмъ ни попало, гонять по двору, плевать на него, что имѣть для животнаго роковое дѣйствіе.

(Покровскій у., Владим. губ., подъ Киржачемъ. Сообщилъ Е. Ф. Бѣдовъ).

Рассказъ старухи о томъ, какъ она видѣла лѣшаго.

Какъ-то я осенью пошла сушить овинъ. Разложила теплінку, легла да и задремала чуточку. Вдругъ слышу, что-то шумѣть вверху. Гляжу, а въ подлазъ лѣшай, весь замерзшій въ сосулькахъ. Подошелъ ко мнѣ и говоритъ: «Вотъ погрѣюсь да уйду, погрѣюсь, да уйду!» Я была сама не въ себѣ. А онъ стала отогреваться, съ него такъ и потекло, всю теплінку у меня и залило, потомъ ушелъ. А я безъ памяти прибѣгла домой.

(Покровскій у., Влад. г., подъ Киржачемъ. Сообщилъ Е. Ф. Бѣдовъ).

Л е т у н ь.

Летунъ — черть, являющійся женщинамъ, вдовамъ въ видѣ человѣка, совершенно похожаго на вхъ покойного мужа. Летунъ для другихъ черть, а для нея имѣть образъ мужа. Онъ летить въ видѣ огненной массы и разсыпается надъ тѣмъ домомъ, гдѣ ему нужно быть.

Вѣрованіе въ летуна существуетъ и въ Юрьевскомъ у. Владимірск. губ.

(Покровскій у., Владим. губ., подъ Киржачемъ Сообщилъ Е. Ф. Бѣдовъ).
Доставлено В. Чернышевымъ.

Л. Н. Майковъ † 7 апр. 1900 г.

(читано въ засѣданіи Отдѣл. Этнографіи 12 Мая).

Нынѣшнее засѣданіе я долженъ открыть грустнымъ напоминаніемъ о недавней кончинѣ Л. Н. Майкова, долго и плодотворно трудившагося на службѣ Географическому Обществу, по Отдѣленію Этнографіи въ особенности, сначала въ качествѣ Секретаря Отдѣленія (1865—67), затѣмъ Предсѣдательствующаго въ немъ (1872—1886) и, наконецъ, Члена Совѣта (1886—1888). Поступивъ было по выходѣ изъ Университета (1859) на службу въ Министерство Финансовъ, по полученіи магистерской степени («О былинахъ Владимирскаго цикла». Спб. 1863—маг. диссертациѣ), Майковъ перешелъ вскорѣ на службу въ Центральный Статистический Комитетъ, гдѣ и оставался до 1882 г., причемъ съ 1868—до 1882 г. состоялъ сверхъ того помощникомъ редактора Журнала М.—ва Нар. Просв.; въ 1882 г. онъ покинулъ Статистический Комитетъ, получивъ мѣсто Помощника Директора И. Ш. Б.—кв., гдѣ и оставался до 1893 г., когда, по смерти Я. К. Грота, Ордин. Ак. М. со 2 ноября 1891 г. [быль избр. Адъюк. 1889 (янв.), экстр. 1890 (апр.)], былъ назначенъ Вице-Президентомъ И. А. Н., въ какомъ званіи онъ и оставался до своей смерти.

Съ 1863 г. до 1894 г. Л. Н. не переставалъ печатать свои изслѣдованія, отдельные замѣтки, рецензіи, статьи по этнографіи, исторической этнологіи и географіи, по статистикѣ Россіи. Таковы были его труды по этой части: 1) Разборъ IV т. Пѣсенъ, собранныхъ Рыбниковымъ (Ж. М. Н. Пр. 1868, № 5). 2) Разборъ Онежскихъ былинъ Гильфердинга (ib 1873, № 8). 3) Разборъ Причитаній сѣв. края. Барсова (Отч. о 98-мъ присужд. наградъ гр. Уварова). 4) Шѣвецъ былинъ въ окрестностяхъ Барнаула (Изв. Г. Общ. 1874, № 6). 5) Новый дактил русского эпоса изъ Заонежья (Др. и Нов. Россія 1876, № 6). 6) Ермакъ взялъ Сибирь и Заговоры донскихъ казаковъ («Жив. Стар.» г. I, вып. 2, Отд. II, стр. 133—136). 7) Обзоръ пѣсенъ, записанныхъ въ XVII в. (Ж. М. Н. Пр. 1880, № 11). 8) Материалы и изслѣд., по стар. р. литер. Спб. 1891. 9) «Сборникъ велико-русскихъ заклинаний», составл. и ред. М. въ Зап. И. Р. Г. О. по Отд. Эти. II, 1869 и отдельно). 9) Замѣтка о географіи древней Руси—разб. книги Барсова Геогр. нач. лѣтоп. Ж. М. Н. Пр. 1894, № 9). 10) О древней культурѣ запади. финновъ по даннымъ ихъ языка (Ж. М. Н. Пр. 1879, № 6, 7 и 12) по кн. Альквиста «Die Kulturvölker d. westsl. Spr.», 11) Старинные русские паломники въ изд. Палест. Общ. (Ж. М. Н. Пр 1889, № 7). 12) Изд. съ предисл. «Краткое извѣстіе о народѣ Остѣцкомъ» Григ. Новицкаго (Спб. 1884). 13) Издание съ пред. «Путешествіе по сѣв. Россіи въ 1791 г. Спб. 1887). 14—18). Подъ ред. Майкова вышло 5 том. Зап. Г. Общ. по Отд. Этногр. Сверхъ того имъ напечатано было не мало статей въ Геогр.-стат. Слов. Р. Ипп., въ ред. труд. Ст. Ком. Списки населенныхъ мѣстъ, Статистика позем. собственности и насел. мѣстъ Евр. Россіи; какъ членъ Арх. Ком. приготовилъ къ изд. XIV-го т. Русской Библіотеки (Акты Холмогорской и Устюжской Еп.).

Самые же главные и особенно любимые имъ предметы занятій принадлежали области истории русск. литературы XVII, XVIII и XIX в. Таковы—«Очерки изъ исторій

русской литературы XVII и XVIII ст. Сюда вошли «Симеонъ Погоцкій», «Одна изъ русск. новѣстей Петръ врем.» «Къ характеристикѣ Ломоносова» (по поводу изв. изслѣд. Будиловича о Л—вѣ), В. И. Майковъ, Литер. мелочи Екатер. врем. Нѣсколько данныхъ для исторіи русск. литер. Имъ же изданы сочиненія В. И. Майкова (1867), записки И. И. Неплюева (1871), рассказы Нартова о Петре Великомъ. Особенno же замѣчательно его превосходное изданіе сочиненій Ватюшкова, при сотрудничествѣ извѣстнаго библіографа Сантова, а также и I томъ Сочиненій Пушкина съ примѣчаніями, при сотр. того-же С—ва, и сборникъ: Пушкинъ. Біографіч. матер. и истор.-литерат. очеркія.

Сверхъ того Майковымъ представлены живыя характеристики разныхъ писателей и ученыхъ—въ статьяхъ о Жуковскомъ (поэзія Ж.), о Фетѣ, о Плетнєвѣ, Гротѣ, Срезневскомъ, Артемьевѣ, Минаевѣ, Замысловскомъ, Васильевскомъ, гр. Уваровѣ и пр.

Сверхъ разныхъ мелкихъ замѣтокъ и рецензій въ различныхъ журналахъ и сборникахъ (Студ. Сборн., Изв. Геогр. Общ., Изв. Арх. Общ., Ж. М. Н. Пр., Ист. Вѣстн., Эпоха), Майкову же принадлежатъ слѣд. статьи: «Хронологіческія справки по поводу трехсотлѣтней годовщины присоединенія Сибири къ Русской державѣ» (Ж. М. Н. Пр. 1881, № 9),—«Отчетъ о предварительныхъ изслѣдованіяхъ каменного вѣка въ Крыму», «Четвертый археологический съездъ въ Казани (Ж. М. Н. Пр. 1886, № 2—3), «Пятый археологический съездъ въ Тифлісѣ (id 1892, № 1—2). Строго обдуманные труды Майкова отличаются внимательною обработкою и изящною отдѣлкою.

Дѣятельность Майкова въ Геогр. Общ. была болѣе или менѣе тѣсно связана съ трудами и занятіями въ немъ многихъ другихъ, тоже давно или недавно опочившихъ, заслуженныхъ, видныхъ дѣятелей нашего Общества:—Бера, Надеждина, Кавелина, Срезневскаго, Куника, Васильева, Захарова, Григорьева, Савельева, Артемьева, Огородникова, Костомарова, Калачева, Гильфердинга, Ор. Миллера, Бушена, В. Милютинъ, Безобразова, Замысловскаго, Майнова, Чубинскаго. И въ ряду этихъ достопочтенныхъ именъ имени Майкова принадлежитъ далеко не послѣднєе мѣсто. Въ ряду же именъ нашихъ покойныхъ историковъ литературы, библіографовъ и критиковъ имени Майкова будетъ отведено еще болѣе почетное мѣсто. Оставилъ онъ по себѣ добрую память и какъ человѣкъ, вполнѣ уравновѣшенный, мягкий, доброжелательный, всегда готовый по-дать добрый совѣтъ, оказать посильную услугу, помочь... Вѣчная ему память!

B. Ламанскій.

¹⁾ Наиболѣе болѣе полный списокъ всѣхъ трудовъ, статьи, замѣтокъ—Майкова представленъ въ брош. нашего почтеннаго библіографа П. К. Симони—«Библіограф. списокъ ученыхъ и литературн. труд. и изданій Л. Н. М. Спб. 1900. Здѣсь перечисл.: 1) Статьи и замѣтки о Л. Н. М. и некрологи. 2) Перечень учен. и литер. труд. Л. Н. М. (1857—1900) № 1—230 (стр. 3—46).

Цѣна 1 р. 50 к.